



Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна»

№ 2 / 2012

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках



Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatył
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikav
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2012

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Евароўскі В.Б. Беларускае Адраджэнне ў кампаратыўнай еўрапейскай перспектыве	5
Лепешко Б.М. Правовая традыцыя і праблема ценнасцей	13
Романов О.А. Эвалюцыя катэгорыі «цывілізацыя» в сацыюгуманітарным знанні: асновныя тэарэтычныя вынікі	23
Семернік С.З., Сульжыцкі І.С. Изучение интернет-реальности: постмодернистский дискурс	31
Лагуновская Е.А. Преемственность ценностей христианства в развитии нравственной культуры современного белорусского общества	38
Лисовская И.В. Homo mechanicus: «технологическая переделка человека»	50
Федореев А.Б. Культура: к проблеме классификации определений	58
Фурса И.А. Трансформация содержания профессиональной культуры личности в условиях информационного общества	64
Штэлик Ю.К. Универсализм как способ освоения империей социокультурного пространства	73
Ярошевич И.С. Влияние постмодернизма на культуру современного общества	79

ПАЛІТАЛОГІЯ

Лысюк А.И. Политическое лидерство в Европейском союзе: содержание и основные тренды	94
Земляков Л.Е., Шерис А.В. Роль религиозного фактора в политике обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь	102
Ильин М.В. Сценарии и технологии «революций», реализуемые на постсоветском пространстве в начале XXI века	111
Ватэль Н.В. Критика тоталитарного режима в политическом учении И.А. Ильина	120
Решетникова Н.С. Эволюция основных теоретических подходов к анализу политического мышления ...	127

САЦЫЯЛОГІЯ

Бабосов Е.М. Обеспечение информационной безопасности – фактор устойчивого развития Беларуси	133
Демидова А.В. Правовая культура молодежи как объект социологического изучения	142
Яковук Т.И. Специфика и структура современных туристических услуг	148
Хамутовская С.В. Значение средств массовой информации для формирования когнитивных ориентаций населения Республики Беларусь	155
Фаблинова О.Н. Интернет-социализация молодежи и ее поведение в интернет-пространстве	162

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Люкевіч У.П. Памежжа. Сацыяльныя даследаванні. Том XVII. Міжкультурная адукацыя. Пад рэдакцыяй Ежы Нікітаровіча, Анджэя Садоўскага, Дароты Місеюк. – Беласток : Выдавецтва ўніверсітэта ў Беластоку, 2011. – Ч. I. – 186 с.; Ч. II. – 268 с. (На польскай мове)	168
Звесткі аб аўтарах	172

CONTENTS

PHILOSOPHY

Yevarouski V. Belarusian Renaissance in the Comparative European Perspective.....	5
Lepeshko B.M. The Legal Tradition and the Problem of Values	13
Romanov O.A. Evolution of Category «Civilization» in Social and Humanitarian Knowledge: Basic Theoretical Results.....	23
Semiarnik S., Sulzhytski I. Study of Internet Reality: Postmodernist Discourse	31
Lahunouskaya A.A. Succession of Values of Christianity in the Development of Moral Culture of Modern Belarusian Society.....	38
Lisouskaya I.V. Homo Mechanicus: «Technogenic Transformation of Man»	50
Fedoreev A.B. Culture: An Approach to the Problem of Definition Classification	58
Fursa I. Transformation of the Maintenance of Person's Professional Culture: Judgement of Tendencies of an Information Society	64
Shtalikova Y. Universalism as Way of Development by the Empire of Sociocultural Space	73
Yaroshevich I. The Influence of Postmodernism on Culture of Modern Society	79

POLITOLOGY

Lysiuk A.I. Political Leadership in European Union: Content and Main Trends	94
Zemlyakov L.E., Sheris A.V. The Role of the Religious Factor in the National Security Policy of the Republic of Belarus.....	102
Ilyin M.V. Revolution Scenarios and Techniques Realized on Postsoviet Area at the beginning of the XXI century	111
Vatyl N.V. Criticism of a Totalitarian Mode in Ilyin's Political Doctrine	120
Reshetnikova N.S. Political Thinking Analysis: Evolution of the Main Theoretical Approaches.....	127

SOCIOLOGY

Babosov E.M. Provision of Information Security as a Factor for Sustainable Development of Belarus	133
Demidova A. Legal Culture of Youth as an Object of Sociological Study	142
Yakavuk T.I. Peculiarity and Structure of Contemporary Tourist Services	148
Khamutouskaya S.V. Value of Mass Media for Formation of Cognitive Orientations of the Population of the Republic of Belarus.....	155
Fablinova O.N. Internet Socialization of Young People and their Internet Behavior.....	162

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Lyukevich V.P. Frontier Zone. Social Investigation. Volume XVII. Intercultural Education. Edited by Jerzy Nikitorowicz, Andrzej Sadowski, Dorota Misiejuk. – Belastok : University Editorial in Belastok, 2011. – P. I. – 186 p.; P. II. – 268 c. (In Polish).....	168
Information about the authors	172

ФІЛАСОФІЯ

УДК 1(476)

В.Б. Евароўскі

БЕЛАРУСКАЕ АДРАДЖЭННЕ Ў КАМПАРАТЫЎНАЙ ЕЎРАПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТЫВЕ

Адраджэнне азначала для Беларусі, для яе культуры і сацыяльнай структуры не толькі якасны, але і рэвалюцыйны скачок, бо менавіта з гэтага часу мы назіраем кардынальную ломку светапоглядных арыенціраў, кумулятыўнае назапашванне як агульнай адукаванасці соцыуму, так і патэнцый быць «выбітнымі людзьмі», якія ў разглядаемы перыяд з'яўляліся галоўнай каштоўнасцю і прызнаваліся пераважнай рухаючай сілай рэнесанснага грамадства. Культура ВКЛ не можа быць уціснута ў верыфікаваная рамкі «просталінейнай гісторыі. Ідэі, падзеі, культурныя і цывілізацыйныя арыенціры, як правіла, не змяняліся тут, а напластоўваліся адно на адно, прычым гэты працэс напластавання не толькі закранаў штодзённую свядомасць ці культуру маўклівай большасці, але карэнным чынам ахопліваў інтэлектуальную эліту Вялікага Княства Літоўскага.

Адраджэнне азначала для Беларусі, яе культуры і сацыяльнай структуры не толькі якасны, але і рэвалюцыйны скачок, бо менавіта з гэтага часу мы назіраем кардынальную ломку светапоглядных арыенціраў, кумулятыўнае назапашванне як агульнай адукаванасці соцыуму, так і патэнцый быць «выбітнымі людзьмі», якія ў разглядаемы перыяд з'яўляліся галоўнай каштоўнасцю і прызнаваліся пераважнай рухаючай сілай рэнесанснага грамадства. Па сутнасці, гэтая радыкальная сінхранізацыя сацыяльнага і духоўнага жыцця ВКЛ з галоўнымі трэндамі еўрапейскага гуманізму можа быць з поўным правам названа трэцяй (пасля праваслаўнай і каталіцкай інвазіі) інкультурацыяй беларускага грамадства.

Разгледзім базавыя комплексы ідэй і прылад, якія «падарыла» беларускаму Адраджэнню італьянскае Rinascimento. Гэта можна зрабіць, прынамсі, з чатырох ракурсаў. З аднаго боку, існуе сфарміраваная матрыца разгляду інтэлектуальных працэсаў, што адбываюцца ў Беларусі з канца XV да сярэдзіны XVII ст. Гэты парадыгмальны комплекс, які можна назваць «класічнай мадэллю Адраджэння ў Беларусі», мы разглядалі вышэй. З іншага боку, ёсць шэраг важнейшых ідэйных і інструментальных комплексаў (адраджэнне класічных узораў, гуманізм, антрапацэнтрызм, натуралізм), якія адносяцца ўласна да Rinascimento. Па-трэцяе, у больш шырокім сэнсе можна гаврыць аб ідэйных комплексах Pax Romana, якія сучасная гуманітарная навука прызнае аўтэнтчнымі Рэнесансу. У дачыненні да сферы нашага рэгіянальнага інтарэсу ў мадэль Рэнесансу можна дадаць такую значную ў дыскурсе пра беларускую адраджэнскую культуру тэхналогію Гутэнберга і той ідэйны комплекс, які паступова фарміраваўся ў Еўропе пад уплывам гэтай тэхналогіі.

«Новы спосаб размнажэння кніг пасродкам друкавання іх рухомымі літарамі, прапанаваны майнцкім рамеснікам Іаганам Гутэнбергам у 40-х гадах XV ст., з дзіўнай хуткасцю пачаў распаўсюджвацца па свеце. Да канца XV ст. кнігі друкаваліся амаль на ўсіх еўрапейскіх мовах» [1, с. 3]. Кнігадрукаванне як нейкае тэхнічнае вынаходніцтва, напэўна, было першым з такога роду з'яў, якія па цалкам відавочных прычынах прама і непасрэдна аказалі свой уплыў на светапоглядную будову грамадскай свядомасці. Больш за тое, у пазнейшых гістарычных рэпрэзентацыях гэтай з'яве з вобласці матэрыяльнай культуры надаюцца прамыя ідэалагічныя функцыі, напрыклад звязаныя з асветай і гуманізацыяй грамадства.

Такое разуменне месца і ролі кнігадрукавання ў многім вызначаецца менавіта рэнесансным паходжаннем гэтага вынаходніцтва. Па-першае, кнігадрукаванне было вельмі важным крокам для працэсу патаннення інфармацыі. Як любое вынаходніцтва, яно прынесла ў тым ліку і камерцыйныя наступствы. Менавіта пасля вынаходніцтва Гутэнберга выраб кніг пачаў ажыццяўляцца не толькі для вышэйшых духоўных задач зносін з Богам, але і для атрымання прыбытку, а гэта прывяло да таго, што пры дапамозе друкаванага слова пачалі распаўсюджвацца не толькі высокія матэрыі.

У прыватнасці, Г.П. Мельнікаў у сваім артыкуле «Мелантрих и Велеславин – крупнейшие пражские книгоиздатели XVI в.» як аб кур'ёзным выпадку гаварыў пра выданне Іржы Мелантрыхам з Авентына (1511–1580) кнігі пад назвай «Пра нехрысціянскую і жудасную лянку, лай, блюзерства», дзе было прадстаўлена ўсё багацце чэшскай лексікі азначанага зместу [2]. Хоць для інтэлектуальных колаў такая прадукцыя здаецца непрымальнай, у кнігавыдаўніцтве, як галіне камерцыі, яна была даволі звыклай.

Такім чынам, на світанку раннебуржуазных адносін у Еўропе кнігадрукаванне – гэта бізнес, прычым не заўсёды паспяховы. У прыватнасці, акрамя прыстасаванняў для кнігадрукавання, Іржы Мелантрых заняўся хатнім вінаробствам і купіў крму для гандлю сукном. Відавочна, рамяство друкара не магло забяспечыць неабходны прыбытак для вялікай сям'і [2]. Цікавая таксама кнігавыдавецкая дзейнасць зяця і пераемніка Іржы Мелантрыха за друкаваным станком Даніэля Адама з Велеславіна. Апошні прыйшоў у гэтую прафесію з пасады прафесара Пражскага ўніверсітэта. Менавіта Велеславин (1546–1599) шмат у чым паўтарыў у чэшскай культуры асветніцкія пачынанні Францыска Скарыны. У прыватнасці, ён друкаваў працы толькі на чэшскай мове, лічачы лаціну мовай вузкага кола адукаваных людзей, якія павінны паведамляць народу (г.зн. гарадскому саслоўю) неабходныя яму гуманітарныя веды толькі на роднай мове. Таму ён адрасуе свае выданні «нашым звычайным і простым людзям, якія іншых моў, акрамя роднай, не ведаюць» [2, с. 253; 3, с. 76].

Даючы філасофскую інтэрпрэтацыю гэтых гістарычных фактаў, неабходна адзначыць, што падобная асветніцкая дзейнасць, несумненна, была інспіравана гуманістычнымі памкненнямі Рэнесансу, аднак само асветніцкае імкненне да распаўсюджвання ведаў ні ў якой меры не вычэрпвае яго змест. На першы план выступае не вобраз чалавека як пасіўнага сузіральніка Боскага тварэння, а вобраз Майстра. І гэты вобраз набывае ўніверсальнае значэнне. У разглядаемай намі традыцыі вытворчасці кніг гэтая трансфармацыя мела важныя наступствы.

Нагадаем, што ў сярэднія вякі кніга разглядалася «падобна да царквы, як нейкая боская аўра на грэшных абшарах зямной марнасці, якая хоць і была фрагментарнай па сваёй будове, але па змесце заставалася аўтэнтчнай боскаму Універсуму» [4, с. 213]. Разгляд аўтара, а пазней і лібраарыя як майстра, г.зн. як такога творцы, які, дзякуючы сваім інтэлектуальным і творчым здольнасцям, можа дзейнічаць, зыходзячы з уласнай волі, аказвае на кніжную дзейнасць кардынальны ўплыў. Кніга ўжо не падабенства Боскай праўды, а аўтарская праца, якая можа прэтэндаваць на мадэль абсалютнай і нязменнай праўды, але ўсё больш і больш пачынае задавальняць унутраным патрэбам свайго творцы, ператвараючы, напрыклад, асветніцтва не ў Боскі акт, а ў чалавечую дзейнасць. Аўтар кнігі (ды і наогул гуманіст-асветнік у шырокім сэнсе гэтага слова) за плату альбо проста так аказвае іншым людзям дапамогу ў тым, каб яны станавіліся больш гуманымі. Акрамя таго, кнігадрукаванне ўносіць у працэс стварэння тэксту іншыя фундаментальныя змены. Аўтар пачаў як бы адлучацца ад кнігі, цяпер «адказвае» толькі за тэкст [5, с. 77] ці тыя думкі, якія потым укладваліся ў кнігу, але не за кнігу як цэласны твор мастацтва. Друкары і лібраарыі першымі сталі атрымліваць прывілей на публікацыю твораў, і жальбы аўтараў на іх «самаўпраўнасць», невуцтва

і карыслівасць ператварыліся ў адзін з топасаў літаратурнага жыцця XVI ст. (як, зрэшты, і наступных стагоддзяў). Менавіта ў гэты перыяд стала відавочна, што «аўтары пішуць зусім не кнігі, яны пішуць тэксты, якія іншыя ператвараюць у друкаваныя аб'екты» [4, с. 212]. Такім чынам, кніжная дзейнасць, ператвараючыся ў эпоху Сярэднявечча ў прафесійны занятак, набывала і ўсе характарыстыкі, уласцівыя заняткам чалавека, пагружанага ў вельмі супярэчлівае жыццё грамадства, змушанага лічыцца як з фізічнымі, так і духоўнымі пачаткамі свайго існавання, а так званыя верх і ніз апынуліся цесна пераплеценымі паміж сабой.

Што да тэхнікі і тых навінак, якія ў разглядаемы намі час чалавек упершыню пачаў распаўсюджваць дзеля выгоды, а не дзеля забавы, то любая тэхніка, напрыклад абсталяванне для друкавання кніг, можа дапамагчы ў выкананні чалавечай волі, не зважаючы на тое, якімі памкненнямі яна выклікана. Іншая справа, што ў сілу працэсаў эмансipaцыі чалавека Рэнесанс выступіў найбольш ярка ў параўнанні з мінулымі часамі. Такім чынам, гэтая эпоха (напэўна, упершыню ў еўрапейскай гісторыі) паказала цяпер ужо ўніверсальную рэч – тэхнічную інавацыю – як нейтральную да любых маральных памкненняў чалавека. Суадносіны таго, які бок чалавека атрымлівае большую асалоду ад тэхнічных вынаходніцтваў – зямны ці ўзнёслы, жывёльны ці творчы, маральны ці амаральны – дагэтуль застаюцца нявысветленымі.

Менавіта таму ў адмысловым і ўсебаковым разглядзе мае патрэбу сама спецыфіка рэнесанснай волі ў двух сваіх галоўных аспектах – як воля ўнутраная і як яе вонкавая праява (воля як воля). Традыцыйна прынята, што зварот да праблематыкі Рэнесансу сваімі эмблематычнымі прыкметамі мае антрапалогію, г.зн. праблематыку чалавека і тое, што звязана з пошукамі ў філасофіі гэтай эпохі новага месца чалавека. Уласна «адрознае разуменне чалавека», а дакладней – «гуманізм», безумоўна, будзе галоўным ключавым словам для раскрыцця любой рэнесанснай тэмы. Аднак рэнесансны гуманізм, нягледзячы на шырыню гэтага паняцця і яго сапраўдную эпахальнасць, усё ж застаецца пэўна-гістарычным феноменам. У нашым разуменні гісторыі будзе правільна гаварыць тут не пра гуманізм наогул, а пра гуманізм у прыватнасці. Першым чынам варта звярнуць увагу на структурную характарыстыку той інтэлектуальнай з'явы, з якой сутыкалася беларуская культура пры далучэнні да Рэнесансу.

Адразу трэба адзначыць, што рэнесансны гуманізм быў пазбаўлены трох яго знамянальных рыс, якія дасталіся нам ад марксісцкай філасофіі, – рэвалюцыйнасці, падзвіжніцтва і ўніверсальнасці. У сучасным артыкуле пра марксісцкі гуманізм мы знаходзім наступнае сцвярджэнне: «Задача гуманізацыі сфер жыцця грамадства і складаецца ў тым, каб даць раскрыцця магчымасці ўсебаковай творчай праявы і прысваення індывідам сваёй сутнасці» [6]. У адпаведнасці з гэтым палажэннем, задача і рэвалюцыянера, і інтэлігента, нават асветніка і гуманіста далёкіх ад Маркса эпох традыцыйна тлумачыцца як нейкая падзвіжніцкая дзейнасць па выратаванні чалавека (незалежна ад яго сацыяльнага статусу і ад велічыні кашалька) ад эксплуатацыі, адчужэння ад прыроды і грамадства, цемры і невуцтва і іншых плям цывілізацыі. З нашага пункту гледжання, рэнесансны гуманізм вельмі далёкі ад прыведзеных рэвалюцыйных інтэнцый бескарыслівасці і ад таго, што мы можам назваць дэмакратызмам. У артыкуле «Гісторыя мастацтва як гуманістычная дысцыпліна» [7] разважанні пра гуманізм Панофскі пачынае з наступных слоў Імануіла Канта, якія нямецкі філосаф сказаў за дзевяць дзён да смерці: «На вочы абодвух прысутных навярнуліся слёзы, – працягвае далей Панофскі. – Бо хоць у XVIII ст. слова Humanität азначала ўсяго толькі ветлівасць ці добрае выхаванне, для Канта яно мела куды больш глыбокі сэнс, які абставіны моманту толькі падкрэслілі: ганарлівая і трагічная ўсвядомленасць вынашаных і засвоеных чалавекам прынцыпаў, якія гэтак ашаламляльна

кантрастуюць з яго слабасцю, хваравітасцю – усім тым, што ўвасоблена ў слове «смяротнасць» [7, с. 12].

Таму гуманнасць – гэта перш за ўсё тое, што мы набываем шляхам выхавання і навучання, г.зн. асаблівай працай над сабой. Рэнесанс жа – гэта эпоха, калі, нягледзячы на некаторае адраджэнне цікавасці да практычнай дзейнасці, існавала выразнае проціпастаўленне паміж дзвюма часткамі чалавечай персоны – яе фізічнай асновай і нейкай духоўнай надбудовай. І калі першае рабіла чалавека часткай жывёльнага свету, то другое ўзвышала яго над ім і быццам набліжала да Бога. «Гістарычна слова *humanitas* мела два выразна адрозныя значэнні, з аднаго боку, супрацьпастаўляючы чалавека таму, што знаходзіцца на ніжэйшым узроўні, з іншага – таму, што стаіць над чалавекам. У першым выпадку яно азначала перавагу, у другім – абмежаванасць... Такім чынам, у рэнесанснай трактоўцы *humanitas* першапачаткова насіла дваісты характар. Новая цікавасць да чалавечай істоты засноўвалася як на адраджэнні класічнай антытэзы *humanitas* і *barbaritas* ці *feritas*, так і на захаванні сярэднявечнага проціпастаўлення чалавечага (*humanitas*) і Боскага (*divinitas*)» [7, с. 12–13].

Трэба асоба адзначыць, што Рэнесанс займаў вельмі практычную пазіцыю да праблем чалавечага ўзвышэння. З аднаго боку, замацавалася разуменне таго, што гуманізацыя – доля тых нешматлікіх, у каго для гэтага ёсць адпаведныя схільнасці, наяўнасць вольнага часу і неабходных фінансавых сродкаў. Па-другое, імкненне да гуманізму разумелася як выключна добраахвотны працэс, г.зн. як працэс вольнага выбару чалавека, і ў гэтым традыцыйна разглядаецца яго адрозненне як ад папярэдняга Сярэднявечча, так і ад пазнейшых эпох Асветніцтва і марксісцкіх рэвалюцый. Калі ў першым выпадку становішча чалавека паміж зямным і Боскім светам першапачаткова вызначана і ніякай змене не падлягае, то ў другім і асабліва ў трэцім выпадку гуманізм ператвараецца ў нейкую абавязковую мэту, а падзвіжніцтва лічыцца ганаровым абавязкам інтэлігенцыі.

У часы Рэнесансу «гуманізм – гэта не гэтулькі рух, колькі пункт гледжання, які можна вызначыць як перакананасць у чалавечай добрай якасці, і заснаваны ён, з аднаго боку, на сцвярджэнні чалавечых каштоўнасцей (разумнасці і волі), з іншага – на прыняцці чалавечай абмежаванасці (схільнасці да памылак і тленнасці). Вынікам гэтых двух пастулатаў з'яўляецца адказнасць і памяркоўнасць» [7, с. 14]. Адмысловае гучанне гэтая магчымасць, а такім чынам, воля выбару свайго стану ў іерархіі паміж зямлёй і небам набыла ў наступным пасажы з «Прамовы аб чалавечай годнасці», які належыць пяру італьянскага гуманіста Джавані Піка дэла Мірандола (1463–1494).

Паводле Піка дэла Мірандола, Бог, звяртаючыся да толькі што створанага чалавека, вымавіў прыкладна наступнае: «Але не прыстала бацькаўскай моцы адсутнічаць у апошнім нашчадстве як бы знясіленай, не прыстала вагацца яго мудрасці ў неабходнай справе з-за адсутнасці рады, не належала яго дабратворнай любові, каб той, хто ў іншых павінен быў усхваляць божую шчодрасць, змушаны быў асуджаць яе ў самім сабе. І ўсталяваў, нарэшце, лепшы творца, каб для таго, каму не змог даць нічога ўласнага, стала агульным усё тое, што было ўласціва асобным тварэнням. Тады прыняў Бог чалавека як тварэнне нявызначанага вобраза і, паставіўшы яго ў цэнтры свету, сказаў: «Не даём мы табе, Адам, ні вызначанага месца, ні ўласнага вобраза, ні адмысловага абавязку, каб і месца, і твар, і абавязак ты меў па ўласным жаданні, паводле тваёй волі і твайго рашэння. Вобраз іншых тварэнняў вызначаны ў межах усталяваных намі законаў. Ты ж, не скаваны ніякімі межамі, вызначыш свой вобраз па сваім рашэнні, ва ўладу якога Я цябе аддаю. Я стаўлю цябе ў цэнтры свету, каб адтуль табе было зручней аглядаць усё, што ёсць у свеце. Я не зрабіў цябе ні нябесным, ні зямным, ні смяротным, ні несмяротным, каб ты сам, вольны і хвалебны майстар, сфарміраваў сябе ў вобразе, якому ты аддасі перавагу. Ты можаш перарадзіцца

ў ніжэйшыя, неразумныя істоты, але можаш перарадзіцца па загадзе сваёй душы і ў вышэйшыя боскія. О, вышэйшая шчодрасць Бога Бацькі! О вышэйшае і цудоўнае шчасце чалавека, якому дадзена валодаць тым, чым пажадае, і быць тым, чым жадае!» [8]. У чалавеку, разважаў Піка дэла Мірандола, існуе насенне любога жыцця. Калі ж ён не здавольваецца ні якасцю расліны, ні лёсам жывёлы, ні доляй анёла, то ў гэтым выпадку ён явіць «адзіны дух, створаны па вобразе і падабенстве Божым, той, што быў змешчаны вышэй за ўсе рэчы і які застаецца вышэй за ўсе рэчы» [8].

У кантэксте прыведзенай цытаты неабходна крытычна разгледзець магчымасць яшчэ адной трактоўкі рэнесанснага гуманізму як нейкага прататыпа атэізму ці бязбожнасці. Наогул праблема сумяшчэння здольнасці і імкнення да філасофствавання з адначасовай верай у Бога ў межах асобна ўзятай асобы – пытанне цікавае і складанае, тым не менш факт адначасовай рэлігійнасці і рацыянальнасці філосафаў датычыцца і сучаснай гісторыі. У гэтай сувязі неабходна адзначыць, што ў дачыненні да эпохі Ренесансу антрапацэнтрызм і злучаны з ім гуманізм зусім не азначалі адмаўленне парадыгмальнага падстаў хрысціянства. Мы зго дны з Піямай Гайдэнка, якая адзначала: «Чалавек не проста прыродная істота, ён творца самога сябе і гэтым адрозніваецца ад іншых прыродных істот. У адносінах да іх ён – гаспадар, сапраўды гэтак жа, як гаспадар і над усёй астатняй прыродай – тут у ператворанай форме мы сустракаем хрысціянска-біблейскі матыў. У ператворанай форме – таму што ў сярэднявечным хрысціянстве чалавек з'яўляецца гаспадаром над прыродай пастолькі, паколькі ён – раб Божы; сапраўдным творцам свету і самога чалавека ў хрысціянстве з'яўляецца Бог; цяпер жа, па меры вызвалення ад хрысціянскага разумення чалавека, па меры секулярызацыі рэлігійных уяўленняў, чалавек сам становіцца на месца Бога: ён сам – свой уласны творца, ён – уладар прыроды. Так, па перакананні Марсілія Фічына, чалавек здольны «стварыць самі... свяцілы, калі б меў прылады і нябесны матэрыял» [9].

Дадзеная цытата прыкрывае для нас яшчэ адзін момант для аналізу. У гэтую эпоху чалавек упэўнена пачаў спрабаваць межы ўласнай магутнасці, пазначаць тыя межы ўніверсуму, якія могуць быць падпарадкаваны яго ўладзе. Адчуваючы сябе творцам, чалавек стаў глядзець на свет з пункту гледжання творцы. Прычым прыкладна ў гэты ж час з'яўляецца разуменне таго, што людзі адрозніваюцца паміж сабой не толькі па тым адмысловым месцы ў зямной іерархіі, якое чалавеку наканавана Богам, але і асабістымі здольнасцямі. Дастаткова, напрыклад, успомніць біяграфію Джота дзі Бандонэ, аднаго з заснавальнікаў італьянскай рэнесанснай школы жывапісу, прыналежнай пярэпашага «гісторыка» Rinascimento Джорджа Вазары. «Як бы там ні было, гэты чалавек, такі вялікі, нарадзіўся ў 1276 г. у Фларэнтыйскай вобласці, за чатырнаццаць міляў ад горада, у вёсцы Веспіньяна ад бацькі па імені Бандонэ, хлебараба і чалавека простага. Ён даў свайму сыну, якога ён назваў Джота, прыстойнае выхаванне ў адпаведнасці са сваім становішчам... І вось аднойчы Чымабуэ, адпраўляючыся па сваіх справах з Фларэнцыі ў Веспіньяна, натыкнуўся на Джота, які пас сваіх авечак і ў той жа час на роўнай і гладкай скале злёгка завостраным каменем змяляваў авечку з натуры, хоць не вучыўся гэтаму ні ў кога, акрамя як у прыроды; таму вось і спыніўся Чымабуэ, поўны здзіўлення, і спытаў яго, ці не жадае ён пайсці да яго. Хлопчык адказаў на гэта, што пойдзе ахвотна, калі бацька на гэта пагодзіцца. Калі ж Чымабуэ спытаў пра гэта Бандонэ, той ласкава на гэта пагадзіўся, і яны дамовіліся, што ён возьме яго з сабой у Фларэнцыю. Прыбыўшы туды, хлопчык у кароткі час з дапамогай прыроды і пад кіраўніцтвам Чымабуэ не толькі засвоіў манеру свайго настаўніка, але і стаў такім добрым пераймальнікам прыроды, што цалкам адпрэчыў нязграбную манеру і ўваскрэсіў новае і добрае мастацтва жывапісу, пачаўшы маляваць прама з натуры жывых людзей, чаго не рабілі больш за двасце гадоў» [10].

Як мы бачым з гэтага фрагмента, ужо не пячатка Бога, цудоўнае нараджэнне і іншыя ірацыянальныя атрыбуты вызначаюць поспех ці геніяльнасць чалавека. Сам лёс як спалучэнне ўнутраных патэнцый, працы над сабой і, вядома, збегу знешніх абставін цяпер вызначае яго жыццёвы шлях. Менавіта ў гэтую эпоху пачаліся такія звыклыя для нас развагі пра тое, што трэба чалавеку для дасягнення поспехаў у жыцці, якія адсоткавыя суадносіны ў гэтым поспеху павінны быць паміж такімі кампанентамі, як прыродная адоранасць і сацыяльнае паходжанне, атрыманае выхаванне і правільныя адукацыя і праца. У гэты ж час з'яўляецца і катэгарыяльны шэраг для пазначэння выбітных людзей, і разважанні пра тое, якую ролю гэтыя персаналіі іграюць у грамадскім жыцці, і, нарэшце, пра ўнутраныя ірацыянальныя механізмы «стану быць выбітным», пра тыя душэўныя пакуты, якія гэты стан прыносіць. Паспрабуем зрабіць кароткі нарыс галоўных катэгорый гэтага шэрагу. Па-першае, са знешняга боку вялікія італьянскія пісьменнікі, жывапісцы і філосафы часта зваліся *πολυμαθής* (*polymathes*). Полімаст – гэта чалавек, які меў цудоўны інтэлект, досвед якога ахопліваў значную колькасць прадметных абласцей. Як адзначае Піяма Гайдэнка, «імкненню быць выбітным майстрам – мастаком, паэтам, навукоўцам і г.д. – садзейнічае агульная атмасфера, якая атачае адораных людзей літаральна рэлігійнай глыбокай пашанай; іх паважаюць цяпер так, як у Антычнасці – герояў ці ў Сярэднія вякі – святых». «У Італіі тым часам, – піша Я. Буркгарт, – гарады лічаць гонарам валодаць прахам каго-небудзь са знакамітых людзей, нават які нарадзіўся ў іншым горадзе, і нас мімаволі дзівіць імкненне фларэнтыйцаў, напрыклад, яшчэ ў XIV ст., задоўга да збудавання Санта-Крочэ, звярнуць сабор у пантэон вялікіх людзей. Тут яны жадалі змясціць пышныя магільныя Акорза, Дантэ, Пятраркі, Бакача і юрыста Цанабі дэла Страда. Пазней, у XV ст., Ларэнца Прывялебны звяртаўся да спалетынцаў з асабістай просьбай саступіць Фларэнтыйскаму сабору рэшткі мастака Фра-Філіпа-Ліпі, але атрымаў адмову, што яны, жыхары Спалета, не багаты залішнімі ўпрыгожанымі ў сваім горадзе, асабліва такімі, як прах знакамітых людзей, а таму не могуць саступіць яго нікому» [9].

З іншага боку, выбітны чалавек – гэта геній. А спецыфікай генія, па меркаванні расійскага пісьменніка Данііла Граніна, з'яўляецца здольнасць бачыць яшчэ неадкытыя зоркі. Гэтая заўвага падкрэслівае наступную рысу генія – бачыць звыш таго, што можна пазнаць з кодэкса пазітыўных ці наяўных ведаў. Геній з пункту гледжання рэнесанснай традыцыі – гэта той, хто здольны спачатку ўбачыць, а потым стварыць новае, прычым у адрозненне ад Сярэднявечча гэта зусім новае, а не тое, што было падказана Богам.

З часоў Рэнесансу геній бачыўся чалавекам, які валодае экстраардынарнай інтэлектуальнай сілай, праз якую ён здольны кіраваць рухам свету, а ў асобных эпохі лічыцца адзінай рухаючай сілай інтэлектуальнага развіцця [11]. «Паколькі геній стаяў у стыхійнай, непасрэднай сувязі з прыродай, гэта працавала пад боскай інтуіцыяй. Мастак тварыў у захапленні і не мог «скоўвацца» рэгулярнымі працоўнымі часамі. Такім чынам, аснова была створана для адрознення паміж кваліфікаваным працоўным і «дакладным» мастаком» [12, с. 115]. У гэты перыяд, калі інтэлектуалы пачалі сумнявацца ў эфектыўнасці нейкага надчалавечага ўніверсальнага рухавіка для сусветнай гісторыі, «вялікія людзі выконвалі містычна-фаталістычную місію, а гісторыя бачылася як нешта бессэнсоўнае і ірацыянальнае» [13, с. 42].

І нарэшце, як адзначаў Фрыдрых Ніцшэ, «so ist es nun einmal bei allen grossen Dingen, «die nie ohn, ein'gen Wahn gelingen» [14], г.зн. ніякія вялікія рэчы не атрымліваюцца па-за некаторай утрапёнасцю. «Чалавек Адраджэння, прадстаўлены Эразмам, Марсілія Фічына, Піка дэла Мірандола, Мікалаем Кузанскім, Дзюрэрам, імкнуўся не гэтулькі да індывідуальнага выратавання, колькі да вольнага развіцця індывідуальнай спантаннасці; менавіта ў гэтым парыве заяўляе пра сябе жарсць рамантычнага генія, якога трымае ў напружаным стане выклікаючы трывогу кантраст

паміж апантанасцю і дэпрэсіяй. Негатыўнае канцавоссе тут – гэта тое, што Лесінг назаве «пажаднай меланхоліяй» (махленаманіяй), спадчынніцай сярэднявечнай скрухі (*acedia*), гэтай падступнай спакусніцы, змешчанай паміж грахам і хваробай. Але чалавек Адраджэння гатовы біцца аб заклад, настойваючы на тым, што меланхолія можа быць «*melancholia generosa*» [15, с. 259; 16, с. 112]. Такім чынам, тая рэвалюцыя, якую здзяйсняў чалавек *Rinascimento* над сабой, была шматграннай і шматмернай, і, больш за тое, наборы якасцей, якімі валодалі «вялікія людзі», адрозніваліся паміж сабой. А значыць, і матрыца для пераймання і далучэння да гуманізму магла быць рознай – ад пагружанага ў адваротны бок тытанізму ўтрапёнасці да сухога рацыянальнага асэнсавання свету ў рамках поліматызму.

На гэтым узроўні тэарэтычнага аналізу можна таксама выказаць здагадку, што карціна шляхоў запазычання культуры *Rinascimento* будзе яшчэ больш складанай, чым прататыпа, паколькі раннебуржуазнае грамадства Італіі – гэта ўжо нешта іншае, чым сярэднявечны феадалізм. «Рынак сімвалічнай прадукцыі», які існаваў ужо ў тыя часы, несумненна, меў не зусім звычайную нам структуру попыту і прапановы. Тым не менш, як усякі выпадак адносін камерцыйнага абмену прадукцыі, гэты рынак меў пад сабой, па-першае, канкурэнцыю, а па-другое – выбар альтэрнатыў. Аднак, як рынак, культура *Rinascimento* рабіла спажываўца залежным ад яго. З гэтага пункту гледжання неабходна больш уважліва разгледзець шляхі і магчымасці ўспрымання *Rinascimento* ў ВКЛ менавіта як культурнай прадукцыі з магчымасцямі не толькі духоўнага (арыентаванага на найбольш дасканалыя ўзоры), але і рынкавага ці кан’юнктурнага выбару.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Анушкин, А.И. На заре книгопечатания в Литве / А.И. Анушкин. – Вильнюс : Минтис, 1970. – 196 с.
2. Мельников, Г.П. Мелантрих и Велеславин – крупнейшие пражские книгоиздатели XVI в. / Г.П. Мельников // Книга в культуре Возрождения. – М. : Наука, 2002.
3. Корецкы, Milan. Daniel Adam z Veleslavína / Milan Kорецкы. – Praha : Svobodné slovo, 1962. – 172 s.
4. Стаф, И.К. Изображение книги и проблема авторства в издательской деятельности Антуана Верара / И.К. Стаф // Книга в культуре Возрождения. – М. : Наука, 2002.
5. Chartier, Roger. Au bord de la falaise : l’histoire entre certitudes et inquiétude / Roger Chartier. – Paris : A. Michel, 1998. – 292 p.
6. Цанн-кай-си, Ф. Маркс о гуманизме как решении «загадки истории» / Ф. Цанн-кай-си, Л. Андреева // Здравый смысл / ред. В. Кувакин [Электронный ресурс]. – 2009. – № 2 (51). – Режим доступа : http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/51/zann_andr.htm.
7. Панофский, Э. Смысл и толкование изобразительного искусства : ст. по ист. искусства / Э. Панофский. – СПб. : Гуманит. агентство «Акад. проект», 1999. – 393 с.
8. Пико делла Мирандола, Д. Речь о достоинстве человека / Дж. Пико делла Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли / пер. Л. Брагина. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962.
9. Гайденко, П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. – СПб. : Университет. книга, 2000. – 456 с.
10. Vasari, Giorgio. Le vite de’ più eccellenti pittori, scultori e architettori / Giorgio Vasari / a cura di Marini Maurizio. – Roma : Grandi tascabili economici Newton, 1997. – Ed. integrale, 3. ed. – 1403 p.

11. Hohl, Hanna. Saturn, Melancholie, Genie / Hanna Hohl / hrsg. Jenns E. Howoldt. – Hamburg, Stuttgart : Hamburger Kunsthalle, Verlag G. Hatje, 1992. – s. 61.
12. Salmi, Hannu. Ein Alltäglicher Genius oder ein Genialer Handwerker? Die Arbeitsweisen und Arbeitspläne Richard Wagners / Hannu Salmi // Archiv für 837 Kulturgeschichte / hrsg. Neuhaus Helmut. – Köln; Weimar; Wien : Böhlau Verlag, 1993. – s. 113–122.
13. Райнеке, Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия) / Ю.С. Райнеке. – М. : Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова, 2002. – 212 с.
14. Nietzsche, Friedrich Wilhelm. Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben / Friedrich Wilhelm Nietzsche ; hrsg. Landmann Michael. – Zürich : Diogenes, 1984. – 111 s.
15. Klibansky, Raymond. Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art / Raymond Klibansky, Erwin Panofsky, Fritz Saxl. – New York : Basic Books, Inc., 1964. – 429 p.
16. Рикер, Поль. Память, история, забвение / ред. Л.Б. Комиссарова; пер. И.И.Блауберг [и др.]. – М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.
17. Голенищев-Кутузов, И.Н. Гуманизм и Возрождение в Польше / И.Н. Голенищев-Кутузов // История всемирной литературы. В 8 т. Т. 3. – М. : Наука, 1985. – С. 443–445.
18. Cioffari, Gerardo. Bona Sforza: donna del Rinascimento tra Italia e Polonia / Gerardo Cioffari. – Bari : Centro studi nicolaiani, 2000. – 418 p.
19. Rudzki, Edward. Polskie królowe / Edward Rudzki. – 2-e wyd. – Warszawa : Novum, 1990. – Т. 1 : Żony Piastów i Jagiellonów. – 301 s.
20. Белова, Т.В. Энциклопедия белорусской кухни / Т.В. Белова. – Минск : БелЭн, 2008. – 717 с.

Yevarouski V. Belarusian Renaissance in the Comparative European Perspective

The Renaissance meant for Belarus the radical transformation of culture and structure of society. These processes may be considered as the revolutionary leap with the radical break of ideological orientation. We may also see the cumulative accumulation of both the general education of society and the potency to be «prominent people». The article shows that these processes are synchronized with the -European context. Nevertheless the ideas, events, cultural and civilizational landmarks, as a rule, have not changed here, but layered. This is not only affected the everyday consciousness or culture of the silent majority, but fundamentally embraced the intellectual elite of the Grand Duchy of Lithuania.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 17.02.2012

УДК 340.12

Б.М. Лепешко**ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ**

В статье рассматриваются категории «право», «традиция», «ценность» в их взаимодействии и взаимовлиянии. Характеризуется специфика методологии, основанной на теории ценностей, анализируется аксиологический метод. Обращено внимание на нормативный характер правовой традиции, охарактеризованы существенные черты традиции в праве. Охарактеризовано соотношение дефиниций «право» и «ценность», показана специфика рассмотрения аксиологических проблем в рамках национального типа мышления.

В самом общем виде данную проблему, можно сформулировать так: каким образом правовые традиции в обществе формируют систему ценностей и формируют ли вообще? Иначе: ценности, бытующие в обществе, формируют соответствующие правовые традиции либо процесс осуществляется с точностью до наоборот? Можно обосновать и иной подход, связанный с пониманием сути права и выбором тех или иных методологических констант. Одно дело, когда мы заявим о преимуществе позитивистского (юридический позитивизм) методологического инструментария, и право окажется «зачищенным» от неких «традиций» вообще, и другое, когда выберем иную систему философско-правовых приоритетов, связанных с осознанием важности и неизбежности обращения как к традициям, так и к ценностям.

Данная проблема не нова, к ней обращались не раз и осмысливали с точки зрения самых разных методологических оснований. Задача данной статьи – показать, что условия нынешнего века, ситуация, сложившаяся в науке после жёсткого падения приоритетов марксистского правоведения, ситуация методологической «всеядности» нисколько не дезавуируют остроту проблемы. Более того, на первый план выдвигается новое «прочтение» понятий «ценность», «право», «традиция», основанное не столько на диалектике понятийных форм, сколько на понимании изменившихся условий жизни. Впрочем, мы можем и должны говорить прежде всего о национальной правовой традиции, о ценностях, являющихся определяющими для белорусского общества, о понимании ключевых понятий и их диалектики с точки зрения национальной правовой практики.

Имеет смысл начать с характеристики основных категорий, в частности ценности. О ценностях мы сразу же заговорили в контексте понятия «проблема», и это далеко не случайно. После того как оформилось аксиологическое (от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение) направление в философии (а это вторая половина 19 века), стало возможным говорить и об аксиологии в праве, причём в контексте жарких споров теоретиков права относительно специфики и сути данной методологии и в условиях отсутствия единых базовых теоретических оснований. Более того, первоначально отношение к аксиологии было чрезвычайно скептическим и основные каналы проникновения тех или иных идей, связанных с теорией ценности, были связаны с деятельностью философов. Скажем, Владимир Соловьёв, претендующий на системность мышления и являющийся, по сути, первым и последним систематиком в отечественной интеллектуальной традиции, определял ценность как свидетельство присутствия высшего, религиозного смысла в тех или иных реалиях социальной и духовной жизни, в том числе – праве. Попутно заметим, что для христианской аксиологии любое проявление чувств и воли человека, его стремление достичь какой бы то ни было цели, связано с присутствующими в Священном Писании нормами, идеалами, целями.

В отечественной интеллектуальной традиции преобладал пессимизм по отношению к категории «ценность», возможностям аксиологической методологии в целом. Преклонение перед правом, государством «вторично» по сравнению с преклонением перед моральными нормами и соответствующим религиозным каноном. Жизнь на наших просторах определяется не столько правовыми нормами, сколько этическими ценностями – традицию именно такого понимания проблемы заложили славянофилы. Но не только о них идёт речь. Н. Бердяев полагал, что нравственные христианские заповеди выше права, о позиции В. Соловьёва мы уже упомянули. А поэт позапрошлого века выразил эти настроения в саркастической формуле: «Широки натуры русские. // Нашей правды идеал // Не влезает в формы узкие // Юридических начал». Лев Толстой, как известно, призывал жить по совести, а не по закону, А. Солженицын призывал к добропорядочности в торговых делах, да и в действующих кодексах понятия добросовестности, справедливости, разумности также имеют место (Гражданский кодекс Республики Беларусь).

Сразу же оформилось представление о ценностях в виде определённой иерархической структуры. Скажем, существуют ценности относительные, которые могут видоизменяться, перемещаться в рамках этой самой иерархии, даже замещаться, модифицироваться, и есть ценности вечные, которые носят абсолютный характер. Исторически сама иерархия ценностей изменялась, причём могли меняться местами «абсолютные» и «относительные» ценности. Исторический характер аксиологических проблем – одна из существенных черт понимания данного феномена в принципе. Связано это с тем, что цели, планы, намерения человека не являются врождёнными, они формируются по мере социализации индивида, и только этим, кстати, можно объяснить тот факт, что та или иная ценность возникает именно в данный исторический период, но не раньше и не позже. Скажем, идея правового государства возникает в тот период, когда средние века исчерпали свои цивилизационные возможности, а новое время «заговорило» о важности появления, создания гражданского общества. Аристотель говорил о человеке как о политическом животном, а, например, Сен-Симон заговорил о человеке как животном общественном. Для того чтобы осуществилась подобного рода метаморфоза, должно было прийти понимание того, что же первично – общество или государство – в системе социальных отношений.

Помимо исторического характера ценностных установок, представлений об иерархичности, важнейшую роль в понимании базисных оснований аксиологических концепций сыграло понимание антропологического характера всех мыслимых ценностей. Человек сам формирует круг своих ценностей, он «первичен» в дихотомии «реальность» – «субъективность», ценность в объективном, онтологическом качестве в этой ситуации «уходит» на второй план. И здесь, конечно же, сразу же возникла масса концептов, которые выстраивали ценностные предпочтения, исходя из особым образом понятой субъективности, особым образом понятой реальности, а также идеологических, политических, этических, да и эстетических предпочтений. Мы можем здесь упомянуть такие известные имена, как М. Бахтин, А. Белый, Н. Бердяев, В. Розанов, Г. Шпет и иные. Почему так происходило, понятно: та или иная система ценностей, воплощённая в конкретных целях (программах) имела сильное действие на конкретного человека, влияла не только на духовные, но и практические, политические действия человека, что часто использовалось в разных исторических ситуациях различными политиками-практиками.

В каком-то смысле, а именно антропологическом, в первую очередь, мы сегодня можем говорить об аксиологизации правовой науки. Это означает, что появился острый интерес к проблемам, ранее бытовавшим на периферии интереса юристов-концептуалистов. К их числу мы можем отнести рефлексии методологического характера над правовыми проблемами; осознание совершенно новых правовых проблем

и наши попытки найти им «место» в системе правового знания (правовые аспекты заключения однополых браков, «замещение» понятий «отец» и «мать» в семейных кодексах понятиями «родитель А» и «родитель Б» и т.п.); осознание характера связи между изменяющимся характером ценностных установок общества и теоретической деятельностью в сфере права; разработку новых теоретических концепций, представлений об иерархии ценностей в сфере права на основе новейших достижений междисциплинарного характера и т.д. Как отмечается исследователями, «ценностные императивы в интерпретации взаимоотношений человека, власти, государства и общества характерны и для современной юридической науки, ибо важнейшей характеристикой права, наряду с его онтологическим и гносеологическим измерением, является рассмотрение права как ценности, то есть аксиологические аспекты права» [1, с. 41]. И здесь важнейшим аспектом является этизация правовых отношений, к специфике которой мы обратимся ниже.

Конечно, апелляция к ценностям вновь возвращает нас к старому вопросу о возможностях объективного знания, ведь аксиология, как полагают критики, закрывает дорогу учёному к науке в её классическом виде. Здесь, очевидно, мы сталкиваемся с вопросом, который присущ всему комплексу гуманитарных наук и ответа на который сегодня не существует. Однако мы вправе изложить то понимание проблемы, которое сформировалось на сегодняшний день. Это понимание можно свести к четырём основным тезисам:

1. Понимание собственно науки на сегодняшний день может существенно отличаться от предложенного классиками жанра (Р. Декарт, Дж. Ст. Милль и др.), в частности, постмодернистские трактовки погружают нас даже не в поиск ценностей, а смыслов этих ценностей и привычные логико-методологические границы познания в этой ситуации существенно размываются.

2. «Изъять» субъективный фактор из комплекса гуманитарных наук не представляется возможным, это та данность, которая будет «преследовать» специалистов в сфере эпистемологии вечно, а потому все попытки «навсегда решить проблему» именно путём дискриминации субъективного фактора обречены на неудачу.

3. Несмотря на ряд альтернативных теоретических попыток, сегодня остаётся приоритетным понимание того факта, что науки естественные и науки гуманитарные имеют свою несомненную специфику. Кажется, Т. Карлейлю принадлежит сравнение историка и физика: для первого обнаружение того, что Иоанн Безземельный проезжал через какой-то городок средневековой Англии, является фактом, который не могут поколебать никакие теории, для физика подобный факт просто неинтересен: вновь он здесь не проедет, а неповторимое не подводится под закон. Особо отметим, что понятие «закон» для юристов имеет двойное значение в методологическом аспекте: это и результат, возможность обобщения, выявление соответствующих закономерностей (философско-методологический аспект) и основная категория права, требующая уже философско-правового осмысления.

4. Идеал объективности остаётся для юриспруденции незыблемым. Да, в итоге мы можем говорить о явном противоречии между должным и реальностью, но решения этой антиномии не предложено. В этом аспекте, кстати, нам мало что дают констатации, связанные с определением предметной области юридической аксиологии («предметная область и основная тематика юридической аксиологии – это проблемы понимания и трактовки права как ценности.., соответствующие ценностные суждения о правовом значении данного закона и государства» [2, с. 53]). Мало, поскольку само определение предметной области не обращено к специфике ценностей в праве.

Здесь, однако, мы временно прервёмся и обратимся к иной нашей основополагающей категории – традиции.

Алан Мегилл, профессор университета в штате Висконсин, предлагает следующее определение традиции: «Традиция есть термин, относящийся к набору верований и практик, который наследуется от прошлого и имеет значение именно в связи с этим наследованием. Наиболее ярким примером традиции является религия, но сам термин «традиция» применим к любому множеству практик, которые осуществляются на основе эталона, наследуемого от прошлого» [3, с. 124]. Традицию определяют и как устойчивую нормативно-ценностную структуру, выступающую средством сохранения и передачи опыта и оказывающую регулятивное воздействие на поведение индивидов и общностей [4, с. 295].

Тот факт, что понятия «традиция» и «право» имеют глубокую и существенную связь, достаточно широко известен. Канонический пример, связанный с деятельностью Конфуция: следование традициям является основой законопослушного, морального поведения. Великий китайский учитель полагал, что стремление к новизне вторично по отношению к бережному отношению к ценностям старины, твёрдому соблюдению нормативных границ, очерченных в прошлом, соблюдению устоявшихся общепринятых норм. Кодекс конфуцианства, включавший правовые, этические, религиозные и иные предписания, просуществовал фактически до наших дней, обеспечивая стабильность в обществе и бережное отношение к правовым, государственным институтам. Нам важно отметить и иное: для китайской правовой системы в целом присуща такая черта, как преемственность во времени, обусловленная закономерностями национальной правовой системы и воплощающая связь между различными этапами развития юриспруденции, то есть изменение политического строя не вызывает изменений в праве (его сущности, формах, структурах, функциях).

Достаточно давно было отмечено, что традиция обладает большим нормативным потенциалом. Регулятивная функция традиций, в частности, придаёт устойчивость жизни человека, тех или иных сообществ в кризисные периоды развития. Такого рода устойчивость коренится как в индивидуальной и коллективной психике, так и связана с основными архетипами коллективного бессознательного, предполагающего наличие поведенческих стереотипов. На основе такого подхода мы и сегодня говорим о важнейших функциях традиции: связанной с накоплением опыта; ориентированной на участие в передаче от поколения к поколению духовных, нравственных, правовых ценностей; основанной на использовании нормативного потенциала как формы социального контроля за поведением индивидов и др.

Мы можем достаточно смело утверждать, что сегодня правовая традиция – обязательный элемент не просто учёта того, что было, что накоплено в прошлом в интеллектуальном, нормативном аспекте. Правовая традиция существует не в виде неких мёртвых форм, догматических предписаний, а как живое напоминание о практике предшествующих поколений и как живой импульс для позитивных изменений в настоящем и будущем. Здесь можно достаточно долго рассуждать о соотношении понятий «консерватизм» и «новации» или «модернизм», но жизнь дала ответ на вопрос такого порядка. Нет абсолютных ценностей, ни консервативных, ни модернизационного характера. Исключение, возможно, составляют религиозные ценности. Из истории права известно: не приводили к успеху ни полное забвение исторического опыта, ни стремление построить будущее исключительно в рамках уже апробированных теорий и ценностей. Вообще вся «борьба с пережитками», которой и мы отдали дань в советские годы, достаточно бессмысленна.

В качестве примера обратимся к одной из глав известной работы профессора В. Нерсисянца «Философия права». Этот раздел называется так – «Традиции и опыт государственно-правовых преобразований в России: актуальные уроки» [5, с. 352–371]. Автор замечает, что движение к правовому государству, реализация конституционных

прав и свобод после известных событий 1991 года усугублено «многовековыми традициями деспотизма и крепостничества, всесилием власти и бесправием населения, стойким и широко распространённым правовым нигилизмом» и т.д. Закономерно встаёт вопрос о выборе стратегических линий развития, связанных с такими категориями, как «традиция» и «настоящее», ориентирами будущего развития. Говоря иным языком, встаёт вопрос такого рода: является ли наследие (негативное) объективным и, если да, как его избежать? Или здесь существуют некие иные связи противоречивого, как это очевидно, характера? Профессор В. Нерсисянц полагает, что выход – в «исторической самоидентификации населения России», что позволит отсеять зёрна от плевел. Правда, каким образом и что именно идентифицировать, речь не идёт. Надо, дескать, «умело сочетать опыт и уроки собственной истории с общезначимыми ценностями». С этим положением нельзя не согласиться, но вот в чём вопрос: вся пореформенная история России, а это уже 20-летняя история, показывает, что ни одна из заявленных «ценностных» задач так и не решена. Экс-президент России Д. Медведев говорил о важности ликвидации «правового нигилизма», о требовании внедрять правовую культуру в широкие слои российского населения, и сегодня мы видим, что государство носит преимущественно «императивный» характер в том смысле, что «последнее слово» чаще всего остаётся за ним. Получается, что заявленный «процесс самоидентификации» или не закончился, или неверно выбран, даёт сбой.

Здесь, конечно, вновь следует обращение многих исследователей к старым констатациям, связанным с географическим положением страны, традиционно деспотическим характером власти, геополитическим фактором (например, расположение страны между Востоком и Западом) и т.д. Все эти факторы, начиная от славянофильских теоретиков, не раз становились предметом пристального внимания. Вопрос ведь в том, что очередное перечисление традиционных и всем известных причин отсталости страны, нерешение основных правовых проблем и вовсе не приближают нас к такого рода решению. Можно ведь вновь говорить о важности привнесения этического начала в право или либерального «подъёма личности» на небывалую до сих пор высоту, можно утверждать, что на смену дореволюционному правовому нигилизму пришёл «коммунистический правовой беспредел», но это несколько не продвинет нас по пути поиска ответа на всё тот же вопрос о действенности и важности правовых традиций.

Традиция, может быть, некий фатум? Тогда мы так и не вырвемся из «правовой азиатчины», и следствием этого прискорбного факта могут быть многочисленные катастрофы, разного рода иные проблемы, которые наблюдаются в стране и которые многие оправдывают всё той же традицией: наша традиция именно такая и иной ей не быть. Конечно, этот взгляд и в теоретическом, и в политико-правовом аспекте должен быть отвергнут. Даже в условиях нарастания тех же проблем, которые имели место и раньше. И дело не только в том, что этот пессимистический подход не даёт нам цивилизационных шансов. Дело в ином: у нас есть примеры позитивных изменений ситуации даже в том случае, когда традиция была как будто против возможного позитива. Скажем, Пётр III своим указом от 18 февраля 1762 года о дворянской вольности всё же освободил дворян от обязательной государственной службы. Екатерина II в XVIII веке всё же признала за дворянами некоторые гражданские права. А Александр II всё же предпринял попытку ликвидации крепостного права, частично увенчавшуюся успехом. Михаил Горбачёв, при всём геростратовском характере своих преобразовательных усилий, всё же добился того, что на пути демократии и свободы были сделаны некоторые существенные шаги.

Традиция, как это очевидно, не носит фатумного характера, и вопрос не в том, какие традиции надо сохранить, а какие – отвергнуть. Здесь ответ ясен: отвергается всё античеловеческое, всё деспотически-тоталитарное, сохраняется всё то, что связано

со свободой, демократией, «вечными ценностями» (характер которых, кстати, спорен). Проблема в характере такого процесса, его сути, направленности, конкретной наполняемости с точки зрения действий законодателя, с точки зрения действий властных структур, государства. А вот здесь всё непросто.

Следующий вопрос может показаться парадоксальным: а есть ли у нас правовые традиции вообще? Возьмём, например, школу парламентаризма. Про суверенную Беларусь говорить в данном контексте не будем: такой школы республика вообще не знала. В России такая школа была, достаточно вспомнить деятельность Государственной Думы четырёх созывов (1906–1917). Можно ли назвать Думу 1993 года пятой думой? Наверное, да, можно, но обращает на себя внимание тот факт, что существенные признаки, благодаря которым возможна такая аналогия, носят, как правило, «негативный», если можно так выразиться, характер. В обоих случаях можно говорить об отсутствии демократических традиций, опыта парламентаризма и конституционализма, неразвитости формируемых представительных органов, слабом контроле за исполнительной властью, отсутствии баланса между ветвями власти и т.д. Другими словами, опыт парламентаризма имеет место, однако это опыт становления, опыт ошибок и недоработок, опыт кризисов и катастроф.

Обратимся к иной сфере, связанной с подготовкой высокопрофессиональных кадров, представляющих сферу права. О каких бы то ни было традициях и здесь говорить сложно. С одной стороны, формирование профессионального корпуса адвокатов, судей, прокуроров и иных работников сферы юстиции начинается после известной судебной реформы второй половины XIX века. Именно тогда, кстати, возникла и добилась крупных результатов блестящая плеяда выдающихся русских юристов, о значении, важности трудов, деятельности которых мы говорим и сегодня. Сергей Муромцев, Максим Ковалевский, Лев Петражицкий, Борис Чичерин, Богдан Кистяковский, Фёдор Плевако, Пётр Александров, Павел Новгородцев и многие иные адвокаты, прокуроры, судьи, университетские профессора действительно создали ту базу, ту основу, на которой можно и нужно было развивать правовую традицию. Но не получилось, поскольку советская юриспруденция развивалась совершенно по иному пути, в рамках иных правовых форм и иного правового содержания. Не говоря уже о содержании мировоззренческом, политическом, идеологическом. Сегодня мы реанимируем подзабытые имена, возвращаем в научный, общественный оборот идеи, мысли выдающихся отечественных юристов, но говорить определённо о том, что мы вернулись к собственным традициям, сложно. О каких традициях можно вести речь, если названные нами выше выдающиеся имена студенты юридических факультетов белорусских, в частности, вузов большинстве своём не знают вовсе!

Возьмём ещё один пример, тоже «негативного» характера, – события в Москве в сентябре–октябре 1993 года, известное силовое решение проблемы двоевластия. Как известно, президент России Б. Ельцин приказал штурмовать российский Белый дом, где засели его политические противники. Ведь если говорить по существу – а именно о том, что налицо имела «малая гражданская война», что никакого правового способа решения возникшего конфликта между двумя ветвями власти не было и быть не могло в силу тех же традиций, – то это как раз и укладывалось в ту практику, с которой мы за много веков привыкли иметь дело. Но вряд ли это та традиция, которую есть смысл «пролонгировать» в будущее. Мышление в формулах «если враг не сдаётся – его уничтожают», «если суверенитета мало – берите столько, сколько хотите», не правовое, а политическое, маккиавеллистское по сути, когда целевые установки заменяют сугубо правовую форму решения проблем. Потому в итоге получилось, что правовые аспекты формирования нового общества и в те, первые пореформенные годы конца XX века были на задворках общественного внимания, выглядели и являлись «вторичными»

по отношению к ценностям прагматическим, политико-идеологическим. Чтобы ещё раз убедиться в этом, вспомним Беловежские соглашения 1991 года, прекратившие существование великой страны, – количество «права» в той ситуации было равно количеству и качеству политической воли, что, всё же не одно и то же.

Другими словами, у нас если и была традиция, то, скорее, традиция правового нигилизма, традиция пренебрежения правом. В том же случае, когда всё-таки можно говорить о формировании подлинной правовой культуры, мы замечаем, насколько быстро прекращается этот период в национальной истории. Периоду расцвета национальной юридической мысли во второй половине позапрошлого века было отпущено сорок – сорок пять лет, не более. А ему на смену приходит всё то же «личное волеизъявление» кого бы то ни было (царя, генерального секретаря), диктат партии (коммунистической или иной), наплевательское отношение к правам личности, пренебрежение личным в угоду или непонятно какой «высшей цели», или идеологическим, коррупционным интересам. Словом, у нас актуальной является задача не восстановления преемственности, а осознания подлинных интересов и формирования правовых традиций с учётом всех наших нынешних реалий.

Но что следует из приведённых замечаний – то, что правовая традиция у нас может и должна формироваться в нынешнем, уже XXI веке, что правовых традиций нет в принципе? Конечно, данная точка зрения – это крайность. И аргументы, дезавуирующие эту крайность, очевидны. Мы воспитаны, интеллектуально обогащены теми идеями, той правовой практикой, которую осуществляли великие национальные юристы предыдущих поколений. В качестве примера напомним о замечательной книге «Речи известных русских юристов», куда вошли судебные речи выдающихся национальных адвокатов конца XIX – начала XX века. Выступления в суде этих людей находили понимание у широкого круга людей потому, что частный судебный случай служил им поводом «для поднятия общих вопросов и их оценки с точки зрения политика, моралиста и публициста». Это точка зрения А.Ф. Кони [6, с. 3]. Зададимся простым вопросом: мог ли состояться как профессионал защитник Веры Засулич на известном процессе 1878 года П.А. Александров или выступающий по делу игуменьи Митрофании Ф.Н. Плевако, если бы не было национальной этической, христианской школы мышления и практики, сложилась рационалистическая школа в философии, если бы не возник национальный подъём второй половины XIX века? Говоря иным языком, традиция – это ведь не только всё то, что связано с известными западноевропейскими, да и в целом мировыми формами развития правового знания и такой же практики. Вопрос надо рассматривать шире и включать в понятие правовой традиции этические, религиозные, философские нормы. И тогда ситуация станет более понятной, более прозрачной, более ясной. Потому что отечественная правовая традиция – это и этический комплекс идей, который содержится в православии. Отечественная правовая традиция – это многовековые стремления добыть «правду и волю», причём выражения этой борьбы могли быть самыми разными и необязательно революционными. Отечественная правовая традиция – это апелляция к народному чувству, народному духу. Далеко ведь не случайно, к примеру, что крупный русский юрист Павел Новгородцев во время эмиграции свою последнюю статью назвал «Восстановление святынь». В этой статье он писал: «И как бы ни представить себе переход от жёсткого и умертвляющего деспотизма советской власти к формам более свободным, всё равно русский народ не встанет со своего одра, если не пробудятся в нём силы религиозные и национальные. Не политические партии спасут Россию, её воскресит восставший к свету вечных святынь народный дух» [7, с. 9]. Конечно, скептики могут сколько угодно иронизировать над такой несциентистской категорией, как «национальный дух», но примечательно, что для целой когорты выдающихся

отечественных юристов именно эта «постнеклассическая» (по сути) дефиниция стала определяющей в их творчестве. Другими словами, мы можем и должны искать фундамент идейного, мировоззренческого, духовного, правового движения вперёд] на основе всего комплекса достижений национального гуманитарного знания. Возразят: предмет, о котором ведётся речь, окажется размытым, слишком широким, утратившим свои гносеологические, в частности, границы. Но послушаем, например, известного русского юриста Н.Н. Алексеева (1879–1964): «В нормальной и здоровой правовой системе внешнему статусу справедливости должен соответствовать внутренний статус добродетели» [8, с. 128]. Следовательно, этические категории вовсе не являются чужеродными для правовых конструкций. Вообще понятие справедливости – важнейшее в национальной правовой мысли.

Так как же соотнести категории «ценность» и «право», какого порядка взаимосвязи формируются в этом случае? Здесь, на наш взгляд, мы можем сформулировать следующие положения и выводы.

Первое. Юрист, правоведа не может в принципе избежать определённого (личного, субъективного) отношения к предмету исследования. Это та данность, которая является объективной для всего спектра гуманитарных наук. Здесь всегда будет присутствовать и оценочный подход, и оценочное суждение. Даже формируя то или иное базовое понятие, учёный фиксирует своё к нему отношение, осуществляет тот или иной выбор методологических констант – словом, оценивает и рассуждает. Юрист не может ограничиться исключительно рациональным способом познания, здесь всегда присутствует отношение исследователя к предмету своего исследования.

Второе. Сущность аксиологического метода (в том случае, конечно, когда он признаётся целесообразным) заключается в отнесении объектов к той или иной системе ценностей, отбору объектов и их оценке. Скажем, обращаясь к специфике понимания государства, мы можем рассматривать данный термин и в русле этических оценок, и в рамках классового подхода, и с точки зрения христианских социальных идеалов и т.д. Ценности в данном случае определяют и характер понимания объекта исследования. Однако следует помнить, что сами по себе ценности также могут быть «объективированы», поскольку являются производным таких не зависящих от человека обстоятельств, как эпоха, политический режим, семейные традиции и т.д. Здесь вообще существует достаточно сложная взаимосвязь понятий, обстоятельств, характерная для социальной сферы отношений. Конечно же, релятивность ценностных установок должна быть относительной, иначе теряются границы гносеологической практики, субъективный фактор становится самодовлеющим, и упрёки в утрате принципов научности становятся обоснованными.

Третье. Ценности могут и должны быть типизированы, выстроены в определённую иерархическую структуру. Это связано с несколькими соображениями. Во-первых, ценности многообразны и разноплановы, представляют точку зрения различных групп, классов, страт общества, государств и наций, их понимание зачастую затруднено именно вследствие чрезвычайной многоплановости. Во-вторых, ценности носят исторический характер, они меняются не только «от эпохи к эпохе», но и в рамках одной эпохи. Выявить, вычленив основное, определяющее, характерное именно для данной эпохи, данного времени, данного исторического отрезка функционирования социальной системы – это значит определить главное и второстепенное, существенное и отличительное. А это, в свою очередь, позволит сформировать стратегию научного поиска, действия законодателя.

Четвёртое. Субъективизм юриста может и должен быть преодолен, например, на основе принципа преемственности. Ведь ни одно поколение юристов не начинало свою профессиональную деятельность с некоего абстрактного нуля. Мы все «стоим»

на плечах своих интеллектуальных предшественников, и выше приводились аргументы в пользу того утверждения, что контекст правовой традиции можно рассматривать достаточно широко, привлекая культурную основу жизнедеятельности общества в целом. Ведь на основе принятия теории ценностей в её «абсолютной» форме, апологии аксиологического подхода можно утверждать известное: «сколько юристов – столько точек зрения». Это – непродуктивная точка зрения, поскольку юрист обращается к правовой реальности такой, какой она была до него, и она такой останется и после него. Не правовед творит правовую действительность – правовая действительность первична, и мы воспринимаем её как объективную данность.

Пятое. Существуют достаточно аргументированные точки зрения (например, Ганса Кельзена), в основе которых лежит идея «чистоты права», «очищения права» от всего того, что не есть право (этика, история, социология, психология и т.д.). В основе идей Г. Кельзена и иных похожих подходов лежит отрицание самой возможности правовых традиций, исключение из обихода правовой мысли философии права в целом, выдвигание на первый план нормативистского подхода как метода долженствования. Норма при этом выступает как форма толкования сути бытия, и именно норма придаёт бытию правовой смысл. Здесь сразу же напрашивается такой контраргумент: а не является ли «норма» Ганса Кельзена той ценностью, которая и определяет его собственное понимание сути права, а иерархия норм есть иерархия именно таким образом понятой системы ценностей? Ведь норма, по Кельзену, это «умозрительный эквивалент естественно-правового Бога и позитивно-правового Законодателя», а такого рода определение даёт возможность и его «ценностного» прочтения. Кельзеновская норма – чистое долженствование, исключаящее и справедливость, и свободу, и традиции. Вопрос, насколько это теоретически и практически возможно. Впрочем, такого рода полемика требует самостоятельного и обстоятельного рассмотрения.

Шестое. Суждениям о ценностях не может быть присуща та степень безусловности, которую мы применяем по отношению к теоретической истине. Но это означает только то, что наши эвристические, методологические усилия должны быть максимально направлены на поиск тех границ, за пределами которых знание теряет свой объективный характер. Как писал Н. Алексеев, логика сознательно изгоняет из своих пределов Бога, и это единственно правильный путь для её развития. Но гуманитарные науки, в том числе и право, включают ценности в свой арсенал, в том числе и ценности христианские, и по-иному поступить просто не в состоянии. Здесь следует обратить внимание и на такой вопрос: а существуют ли специфические правовые ценности или они «заклочены» в более общие формы, скажем, философского, этического характера? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, хотя основные концептуальные подходы связываются с антропологической теорией, то есть основной правовой ценностью является личность. Не государство, не конкретная правовая система, а именно личность. Особый вопрос – об идее справедливости, но это может быть предметом специального разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яскевич, Я.С. Социально-гуманитарное знание и современная демократия: нравственные императивы / Я.С. Яскевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – №1. – С. 39–45.
2. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М. : Инфра : Норма, 1997. – 652 с.

3. Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / А. Мегилл // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки / отв. ред. М.А. Кукарцева. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2011 – 351 с.

4. Бачинин, В.А. Малая христианская энциклопедия : в 4 т. / В.А. Бачинин. – Т. 1. – СПб. : Шандал, 2003.

5. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М. : Инфра : Норма, 1997. – 652 с.

6. Речи известных русских юристов. – М. : Юридическая литература, 1985. – 544 с.

7. Новгородцев, П.И. Введение в философию права / П.И. Новгородцев. – СПб. : Фонд Университет, 2000. – 352 с.

8. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб : Лань, 1999. – 256 с.

Lepeshko B.M. The Legal Tradition and the Problem of Values

The article deals with the categories of «law», «tradition», «value» in their interaction and mutual influence. Specific of methodology based on the theory of values is characterized, axiological method is analyzed. Attention is drawn to the normative legal tradition, characterized by the essential features of the tradition in law. The ratios of definitions «law» and «value» is shown considering the specifics of axiological problems in the national mindset.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.06.2012

УДК 316.423.2:303.09

О.А. Романов

ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

В статье рассмотрен эвристический потенциал категории «цивилизация» в изучении социокультурных процессов. Выделены этапы ее эволюции. Показано, что логика развития категории цивилизации шла от утверждения ее нормативного характера к признанию плюрализма цивилизационных систем. Рассмотрены работы ведущих представителей цивилизационного подхода, в которых эксплицированы разные грани анализируемого концепта. Показан механизм социокультурного устройства цивилизации, выявлены источники ее развития. Дано рабочее определение категории «цивилизация».

Категория «цивилизация» является одной из наиболее популярных и востребованных в современных социальных науках. Ее объяснительные возможности настолько велики, а описываемая ею реальность настолько сложна, что на сегодняшний день сложились десятки подходов к пониманию сущности концепта «цивилизация». Мы выделим несколько основных.

Согласно первому подходу, цивилизация рассматривается как этап развития человеческого общества, следующий за дикостью и варварством и обозначающий собственно социальную форму бытия человека. Данная трактовка понятия «цивилизация» была представлена в работах Л. Моргана и Ф. Энгельса. Сегодня в таком значении понятие цивилизации широко применяется для осмысления прогресса человеческого общества, системного усложнения и расширения «второй природы» – мира созданных человеком предметов и процессов.

Второе значение понятия «цивилизация» связано с выделением уровня, специфики и этапов развития отдельных регионов мира или суперэтнотосов. В рамках этого подхода цивилизация воспринимается как особый социальный организм, характеризующийся спецификой его взаимодействия с природой, особенностями социальных связей и культурных традиций. В таком значении говорил о «локальных цивилизациях» А. Тойнби и «культурно-исторических типах» – Н. Данилевский.

Третий подход связан с жестким противопоставлением понятий «культура» и «цивилизация». Наиболее полно такое видение цивилизации предложили О. Шпенглер и Н. Бердяев. Ими показано, что прогресс в технике и технологии не только не приводит к моральному прогрессу, но зачастую связан с моральным регрессом. Поэтому культура и цивилизация рассматриваются ими как разные аспекты социальной истории.

После краткой характеристики категории цивилизации обратимся к ее более глубокому анализу. Термин «цивилизация» появился в исторических исследованиях относительно недавно, но быстро утвердился в науках об обществе и даже проделал значительную эволюцию. Принято считать, что впервые это слово употребил маркиз де Мирабо в известном трактате «Друг законов». В дальнейшем его подхватили другие философы-просветители, понимая под цивилизацией триумф и распространение разума не только в политической, но и в моральной и религиозной областях, просвещенное общество в противовес дикости и варварству, прогресс науки, искусства, свободы и справедливости, устранение войны, рабства и нищеты. В цивилизации, с точки зрения просветителей, заключается «гуманитарное начало» и «живая душа общества», т.е. тот механизм, который оберегает общество от распада и ожесточения. Цивилизация стала обозначать абсолютную рациональную ценность для всех времен и народов, тот единственный способ существования, к которому должны

присоединиться все народы нашей планеты. Таким образом, в момент своего возникновения понятие «цивилизация» имело нормативный характер, представляя собой определенный идеал, что в значительной степени сохранилось в обществоведении и до настоящего времени.

Важно отметить, что описанный идеал просветители отождествили с реальным способом социальной организации и ценностной структуры государства Западной Европы XVIII века. Другими словами, в данной концепции Европа смешала свою цивилизацию, приняв ее за меру, с цивилизацией вообще. Такое понимание цивилизации способствовало формированию «цивилизаторской миссии», с которой приходят европейцы в остальные страны мира. Понятие цивилизации приобретало особую нагрузку в идейных обоснованиях колониального режима, в самооценке западных «культуртрегеров», возлагавших на себя бремя «белого человека», чтобы нести новые порядки «полудиким, угрюмым племенам», как выражался Р. Киплинг. Хотя эта миссия исчерпала себя с распадом колониальных империй, прежнее значение термина вновь встречается в идеологических построениях западников и прозападной политической элиты.

Второй этап эволюции концепта «цивилизация» связан с критикой порядков, которые называются цивилизованными, но означают кризисное состояние общества, отказывающегося значительному большинству населения в социальной справедливости. Одним из наиболее ранних критических выступлений был трактат Ж.-Ж. Руссо «О влиянии наук на нравы», в котором он писал о пагубном влиянии на человека и общественные нравы цивилизации неравенства с ее чисто внешними и лицемерными принципами. Эта линия критики сословного, или буржуазного, общества породила различные протестные течения и привела к возникновению марксизма как наиболее последовательного учения, раскрывающего формационные противоречия различных типов общественного устройства. Признавая значительность достижений западного буржуазного общества, марксисты вместе с тем многое сделали для выявления пагубных последствий развития капитализма как в Европе, так и в других регионах. Тем самым заметно уменьшается исторический оптимизм и ставится под сомнение идея прогресса. В результате цивилизация потеряла предикат абсолютности, статичную сущность идеального состояния, и начинают развиваться представления о множестве локальных цивилизаций.

На третьем этапе (вторая половина XIX–XX вв.) стали доминировать представления об истории как совокупности локальных цивилизаций – социокультурных систем, порожденных конкретными условиями деятельности, особенностями людей, населяющих данный регион и определенным образом взаимодействующих между собой в масштабах мировой истории. Причиной употребления термина «цивилизация» во множественном числе стали масштабные общественно-политические изменения в Европе, бурное развитие исторического знания, этнографии, культурной антропологии, археологии, которые расширили представление о количестве и сущности настоящих и древних цивилизаций. Этнографические экспедиции рубежа XIX–XX вв. позволили выявить устойчивые – глубинные и поверхностные – характеристики незападных народов, отличные от «общепринятых» европейских. Таким образом, монистическая концепция истории окончательно сменяется плюралистической.

Одним из первых теоретиков, выдвинувших идею множественности цивилизаций, был русский ученый Н.Я. Данилевский. В своей знаменитой книге «Россия и Европа» он подверг жесткой критике европоцентризм, доминировавший в историографии второй половины XIX века, и общепринятую схему деления мировой истории на периоды древней, средней и новой истории. Русский мыслитель считал подобное деление крайне абстрактным, имеющим лишь условное значение и совершенно неоправданно выполняющим роль регулятивного принципа, «привязывающего» к этапам европейской истории явления совсем другого рода.

Отрицая европоцентристскую схему, Данилевский предлагает новую формулу «построения истории»: история не есть прогресс какого-то общего разума, какой-то общей цивилизации, так как такой просто нет, а есть развитие отдельных культурно-исторических типов. В концепции Данилевского история человечества предстала как развитие отдельных, замкнутых культурно-исторических типов, носителями которых являются естественные, т.е. исторически сложившиеся, группы людей. Понятие «культурно-исторического типа» центральное в учении Данилевского. Согласно его собственному определению, самобытный культурно-исторический тип образует всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Однако за многовековую историю человеческой культуры лишь немногие народы смогли создать великие цивилизации. Вопрос о том, сколько таких цивилизаций было в истории и какие это были цивилизации, всегда вызывал нескончаемые споры среди теоретиков культурно-исторической школы. Данилевский выделял в качестве основных культурно-исторических типов, уже реализовавших себя в истории, египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, арабийский и романо-германский (европейский). Эту схему он дополнял также двумя культурно-историческими типами – американским и перуанским, «погибшими насильственной смертью и не успевшими совершить своего развития». Уже в ближайшем будущем, считал мыслитель, огромную роль в истории предстоит сыграть новой культурно-исторической общности народов – России и славянскому миру.

Каждый культурно-исторический тип проходит определенные ступени, или фазисы, эволюции. Н. Данилевский, будучи ботаником по образованию, проводит сравнение с жизненным циклом растений. По его мнению, все культурно-исторические типы и народы, их составляющие, «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают» [1, с. 74].

При этом Данилевский не отказывался от понятия исторического прогресса как фиксирующего момент единства истории, но утверждал, что смысл прогресса состоит как раз в принципиальной многосторонности, многоплановости развития человеческой культуры. Он писал, что для человечества как целого «нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и разноместного... выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе развития». Данилевский выделял четыре основных направления исторической жизнедеятельности народов: религиозное, культурное, политическое и социально-экономическое. Они присущи каждому культурно-историческому типу, но развиты не в равной мере. И он надеялся, что культурная односторонность может быть в будущем преодолена именно Россией и славянством и возникнет «четырёхосновной» культурно-исторический тип.

Размышляя над способом отношений между отдельными культурно-историческими типами, Данилевский далек от благодушия. Каждая цивилизация утверждает свое право на жизнь в жесткой борьбе, соперничестве и вытеснении. «Око за око, зуб за зуб, строгое правило, бентамовский принцип утилитарности, т.е. здраво понятой пользы, – вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования» [1, с. 34].

Общетеоретические положения стали у Данилевского основой видения и понимания реальных политических процессов. Более того, само построение новой модели истории предопределялось у Данилевского настоятельной потребностью осмыслить сложные и зачастую трагические отношения между Россией и Западом.

И здесь Данилевский выделяется своим последовательным и бескомпромиссным антизападничеством. Европа и Россия, утверждал русский ученый, принадлежат к совершенно различным культурно-историческим типам, и уже поэтому любые надежды на возможность подлинной гармонии в отношениях с Западом не более чем утопия. «В продолжение этой книги, – писал автор «России и Европы», – мы постоянно приводим мысль, что Европа не только нечто нам чуждое, но даже и враждебное... Из этого, однако, еще не следует, чтобы мы могли или должны были прервать всякие сношения с Европой, оградить себя от нее Китайской стеной. Это не только невозможно, но было бы даже вредно, если и было возможно... Но если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то... *необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения* (курсив мой. – О. Р.)» [1, с. 440–441].

Многие идеи Данилевского в начале XX века воспринял немецкий философ О. Шпенглер, автор двухтомной работы «Закат Европы». Книга принесла автору мгновенную и весьма широкую популярность. Успеху книги способствовал тот факт, что она вышла непосредственно после Первой мировой войны, повергшей Европу в руины и вызвавшей рост двух новых «заокеанских» держав – США и Японии. В самой Германии «Закат Европы» стал «философским шлягером» потому, что сформулированная в нем идея гибели западной культуры парадоксальным образом утешила и объединила солдат, возвращающихся с фронта, интеллигенцию, мелкую и среднюю буржуазию, невоевавшую молодежь и т.п.

Подобно Данилевскому, Шпенглер видит безосновательность деления истории на Древний мир – Средние века – Новое и Новейшее время. Анализируя историю Древнего Рима, Шпенглер пишет о том, что в его истории было и свое средневековье, и новое время, свой феодализм и свой капитализм. Рим начала нашей эры был крупным мегаполисом со своей инфраструктурой, многоэтажными домами и газетами. (Шпенглер приводит любопытный факт: некий царек из Северной Африки дал объявление в одну из римских газет о том, что он желает снять квартиру на 4–5 этаже в центре Рима.) Это типичный Нью-Йорк XX века, только со своим национальным колоритом и уровнем развития техники. Поэтому «птолемеевская» модель истории, согласно которой все культуры вращаются вокруг неподвижного центра – Европы – должна быть заменена коперниковской, предполагающей равноценность и самодостаточность отдельных культур.

История по Шпенглеру – процесс случайного зарождения, расцвета и умирания культур. Немецкий мыслитель насчитывал восемь великих культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, аполлоновскую (греко-римскую), арабскую (магическую), мексиканскую, западную (фаустовскую), а также предвосхищал расцвет русской культуры. Критерием, по которому Шпенглер выделял культуры, был способ восприятия каждой культурой пространства. Это восприятие определяет все остальные феномены в рамках одной культуры, начиная от парковой архитектуры до математических открытий и техники масляной живописи. Например, аполлоновская культура не знала понятия «дали», поэтому в ней отсутствовали интерес к истории, голубой цвет, сумерки, образ старости, иррациональное число, хроники. Совершенно противоположна ей фаустовская культура, в которой бурно развивается археология, присутствуют полутона, бесконечные сумерки, иррациональные и бесконечно малые числа, музыкальный и поэтический контрапункт, исторические хроники и искусственные парковые развалины.

Возникновение новой культуры – это всегда тайна. Она не может быть просчитана рационально, ибо ее развитие предопределяется не рациональной причинностью, но судьбой. Рождение культуры – это пробуждение великой души. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой привязана наподобие растения. Срок жизни каждой культуры 1000–1200 лет, и, когда огонь великой души

затухает и она исчерпывает все свои силы, культура превращается в цивилизацию. Проводя аналогию с живым организмом, цивилизация – это этап старости, дряхлости и приближающейся смерти. Культура – это рожденный почвой организм, а цивилизация – образовавшийся из организма при его застывании механизм. Признаками цивилизации являются появление городов-мегаполисов, а внутри них – городской массы, обезличенной и аморфной, научный атеизм или мертвая метафизика вместо истинной религии. Шпенглер называл это переходом от творчества к спорту, от литературы к варьете и от героев к инженерам, словом, механизацией живого. Но основным критерием цивилизации является резкое снижение рождаемости. Например, в Древнем Риме издавались даже императорские указы, которые разрешали брать бесплатно пустующие земли, заводить там хозяйство, создавать семью и растить детей. Но это не помогло: ко второму захвату Римской империи ее население сократилось настолько, что могло все вместиться в город Рим. Культура, исчерпав свои силы, не имеет возможности продолжать себя даже биологически. Многие тенденции, описанные Шпенглером, проявляются и в культурной динамике современной Европы. В Европе с начала XX в. наблюдается неуклонное падение рождаемости, причем именно в высокоразвитых странах. Люди не хотят иметь детей не потому, что они бедные и трудно прокормить ребенка, но потому, что подсознательно ими владеют, по Шпенглеру, усталость, душевный надлом и безотчетный страх перед будущим. Технизация жизни, формализация отношений, бессмысленность жизни и деятельности, утрата духовных оснований – все это позволяет говорить многим исследователям о том, что название основного труда Шпенглера было пророческим.

Важным положением культурфилософии немецкого мыслителя являлась идея об абсолютной герметичности, замкнутости великих культур. С присущей ему экспрессией О. Шпенглер писал о том, что каждой из великих культур присущ «тайный язык мироощущения», вполне понятный только тому, чья душа принадлежит этой культуре. Даже отдельные сосуществующие во времени или сменяющие друг друга культуры герметически изолированы друг от друга, ибо в их основании лежат различные, чуждые друг другу представления о мире, красоте, призвании человека и т.д. Философ предсказывал, что людям будущих культур западный мир станет казаться таким же далеким, диковинным и мимолетным, каким сегодня нам представляется вавилонский мир.

Наиболее целостная и теоретически строгая концепция цивилизаций принадлежит английскому историку А.Дж. Тойнби. Его идеи вышли далеко за пределы академической среды и оказали значительное влияние на общественное сознание стран Запада и «третьего мира». Анализ цивилизаций Тойнби проводит как рационально мыслящий культуролог, выделяя в их истории четко определенные этапы: возникновение – рост – надлом – распад. Ни одна из перечисленных стадий не является обязательной; А. Тойнби допускает, что любая цивилизация в какой-то момент способна сойти с циклической дистанции истории.

В своей знаменитой 12-томной работе «Постижение истории» Тойнби насчитал 37 цивилизаций, когда-либо существовавших на Земле. Двадцать одну он тщательно изучил и описал, что позволило ему найти универсальный механизм развития цивилизации. Им является сложная диалектика вызова–и–ответа. Каждая цивилизация начинается с ответа на вызов – сначала природной, а потом и человеческой среды. Вызовом может быть изменение природных условий, нашествие иноплеменных захватчиков, внутренний духовный или политический кризис и т.д. Ответ дает элита, «творческое меньшинство», и до тех пор, пока она способна генерировать яркие творческие решения, цивилизация укрепляется и процветает. Воплощение ответа в жизнь проводит нетворческое инертное большинство, на которое элита воздействует

с помощью механизма мимесиса (подражания). Но в механизме мимесиса сокрыт роковой изъян. Масса, стремясь подражать творческой элите, на самом деле уходит от нее. Творчество всегда оригинально и неподражаемо, инициативно и самоопределяемо. Подражание, напротив, есть бездумное копирование, повторение, тиражирование однажды кем-то созданного или изобретенного. Поэтому импульсы творчества зачастую затухают в косной инертной среде массы. Вторая опасность мимесиса заключается в том, что элита может начать подражать сама себе: однажды найденный ответ дается на новые оригинальные вызовы. Творчество, как писал Маркс, это «адски тяжелое дело», и поэтому меньшинство может уклониться от генерирования новых идей. Так произошло в Советском Союзе, когда на вызов Запада, связанный с научно-техническим развитием и переходом к постиндустриализму, советская престарелая элита ответила риторикой о «решающих преимуществах социалистического строя», «абсолютном и относительном ухудшении положения рабочего класса при капитализме» и т.п. Так происходит надлом – творческое меньшинство превращается в господствующее меньшинство, используя силу и принуждение, а масса – во внутренний «пролетариат». Под пролетариатом Тойнби понимает бесправную обездоленную массу людей, оторванных от своих социальных корней и поэтому постоянно испытывающих чувство неудовлетворенности. «Внутренний пролетариат» в союзе с «внешним пролетариатом» (варварами) ввергает цивилизацию в упадок и гибель. Цивилизация при этом не исчезает бесследно; сопротивляясь упадку, она порождает «универсальное государство» и «универсальную церковь». Первое исчезает с гибелью цивилизации, тогда как вторая становится своеобразной «куколкой» – наследницей, способствующей появлению новой цивилизации.

Говоря о современной истории, Тойнби выделяет в ней пять живых цивилизаций:

- а) западное общество, объединенное западным христианством;
- б) православно-христианское, или византийское общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России;
- в) исламское общество – от Северной Африки и Среднего Востока до Великой Китайской стены;
- г) индуистское общество в тропической субконтинентальной Индии;
- д) дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах Юго-Восточной Азии.

В этой классификации уже просматриваются основные критерии, по которым Тойнби выделял цивилизации: религия, язык, обычаи и культура. Особое значение Тойнби отводит религии, которую он считает «цельной и единонаправленной в сравнении с многовариантной и повторяющейся историей цивилизации» [2].

На основе изучения отдельных теорий можно выделить существенные характеристики цивилизации. Во-первых, цивилизация представляет собой некую целостность, отличную от ее частей. Для цивилизации характерно имманентное определение своей жизненной судьбы. Внешние силы могут способствовать или препятствовать развитию цивилизации, могут даже привести к ее разрушению, но превратить ее в нечто качественно иное они не в силах. Индивидуальность, самость цивилизации сохраняется, несмотря на изменение ее частей или давление внешних обстоятельств.

Во-вторых, каждая цивилизация обладает уникальным культурным опытом, который не может быть в полной мере воспринят другой цивилизацией. Н. Данилевский и О. Шпенглер вообще выдвигали радикальный тезис о герметичности, непроницаемости культур, неспособности их воспринять содержание иной культуры. Современная цивилизациология более сдержанно подходит к этой проблеме, но нельзя не признать, что межкультурный и межцивилизационный диалог имеет свои внутренние пределы. Дело в том, что культуры активно обмениваются информацией, заложенной

в их верхних пластах; более глубинные пласты относятся к той сфере коллективного подсознания, которая не вербализуется, не являет себя в прямых, непревращенных формах. Отсюда становится понятно, что все, касающееся предпосылок богатства и процветания, остается скрытым от взора «реципиента», которому открывается один только внешний результат. И тем самым создается дезориентирующий миф: доверчивые «западники» твердят о необходимости перенести на туземную почву все, что относится к результатам цивилизационного развития Запада, нимало не задумываясь ни о реальных путях, ведущих к этому результату, ни о том, возможно ли его повторить в иных исторических и географических условиях.

В-третьих, каждая цивилизация представляет собой сложный синтез разнородных начал – конфессиональных, этнических, социокультурных. Это особенно важно понять нашим современникам, на глазах которых начинает воплощаться в жизнь миф «столкновения цивилизаций». Этот миф предложен американским исследователем С. Хантингтоном в известной статье «Столкновение цивилизаций» [3]. Согласно Хантингтону, современные цивилизации – это гомогенные образования, разделяющие единые исконные культурные ценности. И потому общества, которые объединились в силу исторических или идеологических причин, но разделены цивилизационно, либо распадаются, как это произошло с Советским Союзом, Югославией, Боснией-Герцеговиной и Эфиопией, либо испытывают огромное напряжение. По сути дела, Хантингтон сводит цивилизацию к ареалу одной конфессии или даже одного этноса. Но непредвзятый анализ показывает, что большинство цивилизаций являются поликонфессиональными, их питает напряженная энергетика разных религиозных полюсов – католического и протестантского (Запад), православного и мусульманского (Россия), буддистского и конфуцианского (Тихоокеанский регион). Столь же многообразны все цивилизации и в этническом отношении, и именно это внутреннее разнообразие является залогом повышенной жизнестойкости и адаптивности – способности приспособливаться к изменениям среды.

Конечно, сочетание гетерогенных этнических и конфессиональных начал таит в себе немалые опасности. Цивилизационные синтезы не являются изначальной данностью, но результатом исторического творчества, продуктом деятельности многих поколений людей, требующим недюжинной духовной энергии. По мере развития цивилизации эти синтезы должны обновляться, трансформироваться с учетом меняющихся реалий социальной и духовной жизни. Каждое поколение сталкивается с необходимостью обновления надэтнических и надконфессиональных скреп, что предполагает волю к созиданию и развитию. Но при этом всегда существует соблазн упрощения. Слабые характеры и примитивные умы, не способные осилить напряженную энергетическую интеллектуальных синтезов, тяготеют к процедурам линейного упрощения и выравнивания. Иногда им вторят взыскующие экзотики примитивизма интеллектуалы. Так рождаются опасные мифы, претендующие на новые «цивилизационные прозрения».

В целом концепция С. Хантингтона предлагает странам не-Запада антицивилизационный проект, который призван ослабить волю к суперэтническим синтезам, утвердив фатальный характер новейшего раскола народов по этническим и конфессиональным признакам. В то же время идея «столкновения цивилизаций» должна дать Западу источник энергии и устремленности в будущее. «Запад против остального мира» – этот красноречивый заголовок одного из разделов статьи С. Хантингтона весьма подходит для названия всей работы в целом. Идеологический подтекст автора очевиден: сплотить западный мир, дать ему новую консолидирующую идею.

Подводя итог, необходимо дать общее определение цивилизации и выделить общие положения цивилизационного подхода. Цивилизации – это большие, длительно существующие самостоятельные сообщества стран и народов, выделенных по

социокультурному основанню і сохрانیючих своєобразіє і унікальність на довгих відрізках історического часу, незважаючи на всі змієніє і вплиєня, котрим они підвергаються. Єти сообщества в процесі своєї еволюції проходять (тут можна погодитися з А. Тойнбі) стадії виникновєня, становлєня, расцвєта, надлома і розложєня (гибєлі). Єдинство мирової історії виступає як сосуществованіє єтих сообществ в пространствє і во вчємєні, их взаємодієвіє і взаємосв'язь.

В самом общєм видє цивілізаційний підхід базирєється на слєдуючих принципах:

1) Из множества социокультурных явлений можно выделить цивилизации как крупные системы, реально функционирующие и имеющие свои собственные закономерности, не сводящиеся к тем, что присущи государствам, нациям или социальным группам.

2) Цивилизация имеет свою социальную и духовную структуру, в которой находятся в определенном соотношении ценностно-смысловые и институциональные компоненты.

3) Каждая цивилизация существует отдельно и имеет самобытный характер. Своєобразіє цивілізацій проявляється в різничієніє содержанія духовної житії, структур і історических судєб.

4) Хотя число цивилизаций, выделяемых разными авторами, не совпадает, оно невелико: перечень Данилевского–Шпенглера–Тойнби не превышает 30, включая погибшие и «сателлитные». Єще мєньше число универсальных цивілізацій, сохрانیючих житієспосібність в новій і сучасній історії.

5) Большинство теоретиков признает, что каждая из культурных суперсистем зиждется на какой-то исходной духовной предпосылке, «большой идее», первичном символе или конечной сакральной ценности, вокруг которых в ходе формирования цивилизации складываются сложные духовные системы, придающие смысл, эстетическую или стилевую согласованность и единство остальным компонентам и элементам.

6) Цивилизациям присуща своя динамика, охватывающая длительные исторические периоды, в течение которых они проходят через различные циклы, флуктуации, фазы генезиса – роста – созревания – увядания – упадка – распада. При всех єтих змієнієях цивілізація сохрانیє самобитність, хотя содержаніє єє єлєментов мєжєт радикально мєнятися. Динаміка єдєрєдєляється внутрієнними закономірностями, присущими кожній цивілізації.

7) Взаимодействие между цивилизациями основано на принципе самоопределения, хотя оно может ускорить или замедлить, облегчить или затруднить развитие, обогатить или обеднить «принимающую» сторону. В ходє взаємодієвієя кожєна цивілізація виборочно вєсприймає підходящіє для нєє єлєменты, нє розрушаючіє єє самобитності.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Данилевский, Н. Россия и Европа / Н. Данилевский. – М., 1991. – С. 34–441.
2. Тойнби, А. Постигжение истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 524 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1.

Romanov O.A. Evolution of Category «Civilization» in Social and Humanitarian Knowledge: Basic Theoretical Results

In the article the heuristic potential of the category of «civilization» in the consideration of socio-cultural processes is considered. Stages of evolution are given. It is shown that the logic of the development of the categories of civilization started from the assertion of normative character to the recognition of civilizational systems pluralism. The works of leading representatives of the civilized approach, which explicate the different facets of the analyzed concept, are considered. The mechanism of the ordering of social and cultural civilization is shown; the sources of its development are identified. The working definition of the category of «civilization» is given.

УДК 141.78

С.З. Семерник, И.С. Сульжицкий

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕАЛЬНОСТИ: ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС

Статья посвящена проблемам изучения интернет-реальности – феномена, играющего важную роль в развитии современного общества. Рассматриваются перспективы использования различных теоретических подходов для создания методологической основы исследований интернет-реальности. В частности, выясняется роль и значение философии французского постструктурализма и постмодернизма для построения объяснительных моделей глобальной информационной сети. Рассматриваются такие концепции и понятия постмодернистской философии, как «интертекстуальность», «ризома», «номадология», «симулякры» и «гиперреальность». Дается анализ смыслов, раскрываемых в постмодернистских терминах, рассматривается возможность их применения для характеристики сети Интернет. На основе проанализированного материала делается попытка охарактеризовать интернет-реальность как онтологический феномен, выявить ее важнейшие свойства и качества.

За последние несколько десятилетий темпы развития информационных технологий удивляют не только рядовых обывателей, но и различных специалистов в данной области. То, что ещё так недавно считалось научной фантастикой или просто выдумкой, уже сейчас с небывалым размахом внедряется во все сферы жизни общества, становясь привычным и даже обыденным. Как справедливо замечают по этому поводу шведские профессора Кьелл Нордстрем и Йонас Риддерстрале, «в современном автомобиле стоят более мощные компьютеры, чем в космическом корабле «Аполлон», доставившем человека на Луну. Микросхема в поздравительной открытке, играющей незатейливую мелодию, мощнее, чем совокупный потенциал всех компьютеров планеты в 1950 году. Один диск в формате Blu-ray (новое поколение дисков высокого качества, разработанных компанией BDA. – З.С., И.С.) позволяет хранить 25 миллионов страниц текста» [6].

Примечательно, что факт стремительного развития информационных технологий был замечен ещё в 1965 году одним из основателей корпорации Intel Гордоном Муром: «В первом микропроцессоре было всего 22 сотни транзисторов. В следующих поколениях процессоров мы увидим в миллион раз более сложные решения – миллиарды транзисторов. Это даст нам поистине феноменальную гибкость разработки новой продукции», – отмечал он. Впоследствии его наблюдение было названо «закон Мура». Оно гласило, что количество транзисторов в микропроцессоре будет удваиваться каждые два года [5].

По этому поводу можно привести интересное сравнение: «Если бы авиапромышленность в последние 25 лет развивалась столь же стремительно, как промышленность средств вычислительной техники, то сейчас самолёт Boeing 767 стоил бы 500 долларов и совершал облёт земного шара за 20 минут, затрачивая при этом пять галлонов (≈18,9 л) топлива. Приведенные цифры весьма точно отражают снижение стоимости, рост быстродействия и повышение экономичности ЭВМ» [4].

Стоит отметить, что необычайно важным достижением в области развития информационных технологий стало создание глобальной информационной сети, или, другими словами, Интернета. Интересным фактом в развитии сети Интернет является то, что ей потребовалось всего лишь 5 лет для достижения пятидесятимиллионной аудитории. В то же время другим средствам массовой информации, как, например, радио и телевидение, потребовалось на это 38 и 13 лет соответственно [7].

О небывалых темпах внедрения интернет-технологий в пространство общественной жизни, как и о важности глобальной информационной сети для всего мирового сообщества, говорит факт принятия Организацией Объединенных Наций в 2011 году решения о признании права на доступ в Интернет базовым правом человека.

Стоит отметить, что данным правом стремится воспользоваться все большее количество людей. Если к началу 2000-х годов число пользователей Интернет не превышало 6% от числа населения планеты, то ныне ситуация резко меняется. По данным доклада ООН, на сегодняшний момент количество пользователей сети составляет более двух миллиардов человек, а число участников популярной социальной сети Facebook возросло от 150 до 600 миллионов в короткий период с 2009 до 2011 года [12].

Масштабное и стремительное распространение глобальной информационной сети привлекает к ней внимание большого числа исследователей. При этом проблемы, возникающие в ходе развития и распространения данного виртуального пространства (справедливо обозначенного еще в 80-х годах XX века канадским фантастом Уильямом Гибсоном как киберпространство), столь многообразны, что для решения их требуется экспертное мнение огромного числа специалистов, работающих в области технических, естественных и социогуманитарных наук. Так, например, в течение последних нескольких десятилетий в среде гуманитариев ведутся активные исследования, в ходе которых мыслители пытаются ответить на широкий спектр вопросов, касающихся взаимодействия интернет-реальности, общества и человека. Это такие проблемы, как интернет-зависимость, интернет-механизмы «твиттерных революций», информационные перегрузки психики человека и связанные с ними стрессы и другие.

В то же время некоторые вопросы еще не нашли достаточно серьезного отражения в аналитической литературе. Контуры их обозначены лишь схематично (что неудивительно, с учётом факта новизны и динамичности исследуемого объекта). Одним из таких вопросов является проблема онтологического статуса реальности, создаваемой сетью Интернет, характеристики ее как возможной *иной* реальности.

Первое, что обращает на себя внимание, – это факт отсутствия единой точки зрения относительно данной проблемы. Так, например, одни исследователи склонны видеть в Интернете воплощение идеи гиперреальности (В.А. Емелин, Н.В. Громько, Ш. Тёркл и др.). Другие, такие как Н.А. Носов, занимаясь исследованиями в области виртуалистики, сопоставляют сеть и виртуальную реальность. Социологи преимущественно описывают Интернет как новую форму социальности, которая порождает в свою очередь качественно новую творческую среду (М. Кастельз).

Объектом нашего исследования является реальность, порождаемая глобальной информационной сетью Интернет. Среди множества проблемных вопросов выделяется специфический *предмет* нашего анализа: каков статус реальности, порождаемой сетью?

Целью настоящей работы является попытка экстраполяции идей, разрабатываемых представителями различных теоретических направлений, в частности французского постструктурализма и постмодернизма, на объяснительные модели, описывающие пространство глобальной информационной сети.

Для достижения поставленной цели нам предстоит решить следующие *задачи*:

- 1) раскрыть суть основных понятий, выработанных постмодернистской философией: «интертекстуальность», «гипертекст», «гиперреальность», «ризом» и др.;
- 2) рассмотреть возможность использования данных понятий, а также выработанных на их основе методологических подходов для анализа реальности, порождаемой сетью Интернет;
- 3) обосновать актуальность использования идей постмодернистской философии при изучении интернет-реальности.

Постструктурализм и постмодернизм представлены сегодня работами таких авторов, как Р. Барт, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийар и др. Так, Ю. Кристева и Р. Барт занимались теоретическими разработками понятия интертекстуальности. Ж. Делёз и Ф. Гваттари в работе «Тысяча плато», являющейся вторым томом труда «Капитализм и шизофрения», выдвинули и обосновывали такие понятия, как «ризом»

и «номадология». Ж. Бодрийар дал определение феномена симуляции и гиперреальности в своих книгах «Симулякры и симуляция» и «Символический обмен и смерть». Все эти разработки привлекались нами для исследования феномена интернет-реальности. Также нами были использованы труды таких исследователей, как В.А. Емелин, Е.Е. Таратута, Н.В. Громыко, В.Л. Эпштейн, занимающихся сопоставлением идей постмодернистской философии с той феноменологической данностью, которую являет собой Интернет.

Рассматривая методологические ориентации современных исследователей, на основании которых они выстраивают анализ интернет-реальности, можно отметить тот факт, что многие исследователи склонны видеть в Интернете прямое воплощение идей постмодернистского направления. К примеру, российская исследовательница Н.В. Громыко пишет: «Интернет – это квинтэссенция постмодернистского строя и стиля жизни, это то пространство, где постмодернизм представлен наиболее развернуто и по форме наиболее адекватно: войдя в Интернет, погружаешься в суть постмодернистской эпохи во всей ее философско-мировоззренческой и антропологической специфике» [1].

Вполне соглашаясь с автором данных строк, тем не менее, отметим, что данные теории следует рассматривать в более широком смысле, чем они представлены изначально. Так, весьма важной концепцией, разработанной философами постструктурализма, является идея интертекстуальности. Интертекстуальность – понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в форме интериоризации внешнего опыта, преобразование его во внутреннюю смысловую реальность. Термин «интертекстуальность» был введен Кристевой в 1967 году на основе анализа концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с текстами (и жанрами), предшествующими и параллельными ему во времени [8].

Теоретик постструктурализма Р. Барт даёт следующее определение текста, в котором присутствует интертекстуальность: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [8, с. 359].

Подобным образом проинтерпретированное понятие интертекстуальности позволяет обнаружить семантически сходные с ним коннотации при толковании феноменов, раскрывающихся в интернет-реальности. Это позволяет расширить спектр практического использования названных терминов.

Ярким примером применения подобного сопутствующего значения «интертекста» в практически-прикладной плоскости можно считать обозначение через данную категорию такого популярного интернет-проекта, как Википедия. Также можно отметить, что сегодня многие сервисы в сети построены именно по принципу «интертекста» – «коллективного авторства», где на разных уровнях переплетено множество связанных между собой текстов, образующих единое целое. Для феномена интертекстуальности прежде всего характерны нелинейность, децентрализованность, незавершённость, динамичность, открытость. Все эти свойства атрибутивны сегодня производным сети Интернет.

При дальнейшем исследовании интернет-реальности на первый план выходит понятие гипертекста. Оно имеет много схожего с принципами интертекстуальности, логически связано с ними. И хотя на сегодняшний день понятие «гипертекст» не является каким-то необычным и новым, его применение обретает абсолютно новые возможности именно с появлением Интернета. Пространство всемирной паутины, по сути, является тысячами гипертекстовых документов соединенных воедино. Основной язык, на котором пишется большинство веб-страниц в Интернете, – HTML –

является разновидностью гипертекстового письма. Становится очевидным, что гипертекст как принцип организации информации – это основа глобальной информационной сети. Термин «гипертекст» был введен в обращение Тедом Нельсоном (Ted Nelson) в 1965 г. для описания документов (например, представляемых компьютером), которые выражают нелинейную структуру идей, в противоположность линейной структуре традиционных книг, фильмов и речи [10]. Важными характеристиками гипертекста являются нелинейность построения содержания, отсутствие иерархии, вариативность. Таким образом, мы можем успешно применить для анализа интернет-реальности понятие интертекстуальности, а также представить данную реальность как гипертекстовую систему, что позволит нам апплицировать характеристики, свойственные интертексту и гипертексту на пространство всемирной сети.

Ещё одним смысловым образованием, воплощенным в идеях постмодерна (и постструктурализма), которое, на наш взгляд, может быть эффективно использовано при изучении феномена интернет-реальности, является понятие ризомы. Ризома – понятие, разработанное французскими философами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, – подразумевает под собой такой способ организации чего-либо, в котором полностью отсутствует некая определённая структура и линейность. В ризоме невозможно определить ни начала, ни конца. Она является собой хаотическое переплетение различных структур. Можно говорить о том, что всякое централизующее начало в ней отсутствует, поэтому невозможна строгая фиксация какой-либо структурной иерархии. Философы определяют шесть принципов организации ризомы: принцип сцепления, гетерогенности, множественности, незначущего разрыва, принципы картографии и декалькомании. Все эти принципы предлагают достаточно ясную онтологическую характеристику ризомы как формы организации бытия в целом. Характерно, что данное понятие часто трактуется как образ постмодернистского мира, системообразующими признаками которого выступают отсутствие централизации и строгих линейных связей. Ризома в определённом смысле состоит из т.н. плато – временных фрагментов, в которых постоянно изменяющаяся ризоматическая сеть может быть зафиксирована в её относительной статичности [2]. На первый взгляд, идеи Делёза и Гваттари кажутся совершенно оторванными от реального мира, однако, как уже указывалось, мы вполне можем экстраполировать данные принципы на изучение феномена Интернет.

В своих трудах российский исследователь В.А. Емелин предпринял попытку экстраполяции принципов ризомы на теоретические модели, описывающие современное информационное пространство. Принципы связи и гетерогенности он сравнил с тем, что в сети нет центрального пункта, контролирующего потоки информации, а связь между компьютерами не опосредована каким-либо централизующим органом. Пути передачи информации являются случайными и зачастую парадоксальными с точки зрения обычной географии, что говорит о нелинейности внутри сети. Тот факт, что организация глобальной информационной сети и её функциональность связаны не с её узлами, а с самими линиями связи, автор объяснял принципом множественности.

Также для сети Интернет характерен принцип незначущего разрыва ввиду её разветвленной и многоканальной структуры. В связи с этим, по мнению автора, попытка изоляции частей сети и установление внутри неё цензуры в конечном итоге заканчиваются неудачей. Названные свойства, по В.А. Емелину, приводят к тому, что на сегодняшний день Интернет является самым неуязвимым средством массовой информации, которое практически невозможно контролировать. В свою очередь, принцип картографии и декалькомании успешно согласуется с тем, что Интернет представляет собой постоянно меняющуюся систему, сделать точную копию которой просто невозможно. Таким образом, можно говорить о сети Интернет как о карте, но не как о кальке [3].

Принципы ризомы, интертекстуальности и гипертекста находят своё отражение в предложенной Делёзом и Гваттари концепции, называемой номадология. Номадология (от англ. nomad – кочевник) – проект действительности, модель, которую авторы сравнивают с пространством кочевых племён. Делёз и Гваттари так описывают номадический мир: «Гладкое пространство – это поле без труб и каналов. Поле – неоднородное гладкое пространство – сочетается с крайне особым типом множественностей: неметрические, а-центрированные, ризоматические множественности, оккупирующие пространство, не исчисляя его, мы можем исследовать их, лишь шагая по ним» [2, с. 623].

Как видно из данной цитаты, основой т.н. «реальности кочевников» служит представление о ризоме, уже рассмотренное нами. Авторы приводят интересное сравнение онтологий двух типов пространства на примере шахмат, как игры оседлых народов и «игры го», традиционной для кочевых народов. Так, реальность кочевников, отраженная в «игре го», отличается такими параметрами, как открытость пространства, хаотичность и непрерывность любого перемещения, отсутствие каких-либо постоянных координат, постоянная изменчивость и непредсказуемая динамика развития [2].

Мы можем говорить о том, что номадология в широком смысле, скорее, новое понимание действительности, новое мировоззрение. Такое видение мира не могло появиться из «ниоткуда», а было отражением определённой социокультурной атмосферы, присущей западному обществу середины прошлого века, имеющее свое идейное продолжение в дне сегодняшнем.

Говоря об идеях постструктурализма и постмодерна, хотелось бы также отдельно выделить теоретические разработки такого автора, как Жан Бодрийар. Одной из основных идей трудов Жана Бодрийара является концепция гиперреальности и симулякра. Гиперреальность – это симуляция действительности, замена реальности виртуальной реальностью. В данном случае виртуальная реальность понимается как вся реальность постмодерна, носящая симулятивный характер. По его мнению, действительность изобилует переизбытком реального, превращаясь в гиперреальное, – которое не имеет ни истока, ни реальности. Как пишет сам Бодрийар, «реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт излучения комбинаторных моделей в безвоздушном гиперпространстве» [11, с. 3].

На первый взгляд, может показаться, что Интернет и гиперреальность, которую описывал Бодрийар, – одно и то же явление. В ходе дальнейших исследований становится очевидным, что это не так. Для того чтобы понять, является ли Интернет гиперреальностью, нужно разобраться в другом определении, предложенном автором, а именно – в сути понятия «симулякр».

Симулякр, по Бодрийару, это реальное изображение того, чего никогда не существовало в действительности. Как гиперреальность, так и симулякры эпохи постмодерна полностью отрицают или деформируют понятие аутентичности, подменяя её симуляцией. Таким образом, для самой аутентичности не остаётся места.

Французский философ выделял следующие характеристики, в которых раскрывается природа симулякра:

- он является отражением некоей глубинной реальности;
- он маскирует и денатурирует глубинную реальность;
- он маскирует отсутствие глубинной реальности;

– он не имеет отношения к какой-либо реальности и является своим собственным симулякром в чистом виде (именно такие симулякры и стали господствующими в эпоху тотальной симуляции) [11].

Подтверждением того, что Интернет не следует прямо отождествлять с симуляцией и гиперреальностью, служит тот факт, что большинство интернет услуг, таких как электронная почта, блоги, сайты различных учреждений, интернет-магазины и т.п., если и можно сравнить с симулякрами первых трёх уровней, то никак нельзя сопоставить с последним, наиболее тесно связанным с сущностью данных феноменов уровнем, в котором симулякры отражают сами себя. Не симулятивные, а всего лишь *подобные симулякрам* интернет-образования присутствуют сегодня в сетевом мире. Они являются, скорее, изменённой формой совершенно определённых структур и явлений обыденной социальной реальности и потому не могут полностью сопоставляться с симуляцией.

Например, такая исследовательница, как Е.Е. Таратута, считает, что виртуальная реальность Интернета, изменяя некоторые параметры регулярной реальности, не старается все же конструировать собственные, не связанные с нею миры. Более того, создание виртуальной реальности при помощи Интернета, по мнению Е.Е. Таратута, позволяет откорректировать, изменить минимальными средствами образ реальности регулярной. Важным параметром выступает то, что для Интернета не существует понятия «здесь». Он не имеет четких пространственных характеристик, а потому может легко комбинировать различные составляющие, многократно «проигрывая» возможные варианты определенных действий. При этом для Интернета существует понятие времени, длительности, что ограничивает его возможности, не дает воплотиться в самостоятельную (симулятивную или регулярную) реальность.

Тем не менее, можно говорить о том, что, хотя сам Интернет не способен выступать в качестве полноценной реальности, он является техникой, способом, при помощи которого возможно конструирование особой виртуальной реальности [9]. Как показывает современный опыт, Интернет давно вышел за пределы только лишь информационной сети. Ныне он выполняет не только непосредственно информативную, но и множество других функций, тем самым оказывая существенное влияние на своих посетителей, меняя жизнь самого общества. Многие исследователи склонны видеть в Интернете иную, альтернативную реальность. При этом некоторые из аналитиков усматривают в Интернете прямую проекцию идей, разрабатываемых в учениях постмодернистов, говорят о воплотившихся на экране постмодернистских дискурсах.

Безусловно, постмодернизм как реакция европейской философской мысли на атмосферу, царившую в западной культуре XX века, во многом предвосхитил идеи, благодаря которым состоялось рождение глобальной информационной сети. И поэтому, рассуждая сегодня о феномене сети Интернет, о его онтологическом статусе, точнее, о статусе созданной «всемирной паутиной» реальности, невозможно пройти мимо многих теорий, разработанных постмодернистами. В идее сети Интернет нашли своё отражение содержательные принципы понятий интертекстуальности, номадологии, симулякров, ризомы и гипертекста. Сети присущи такие отличительные характеристики, как нелинейность, децентрализованность, открытость, гетерогенность, непредсказуемая и постоянная динамика, отсутствие чётких граней и жёстко запрограммированных структурных связей, явной, устоявшейся структуры. Подобно воспетому постмодернистами «пространству кочевников», сеть можно познать только путешествуя по ней.

Можно не удивляться тому, что многие принципы постмодернистской философии «оживают» на экране мониторов в виде воплотившихся виртуальных проектов и схем. Необходимо принять во внимание тот факт, что Интернет как «покоривший массы» феномен является продуктом социального и культурного развития западного общества.

Таким образом, можно констатировать, что неоднозначная и противоречивая философия постмодернизма может выступить в качестве методологического посыла для изучения такого сложного явления, как интернет-реальность. Тем не менее, хотелось бы отметить, что только лишь философией постмодернизма не может быть исчерпан теоретический потенциал исследовательских программ, направленных на изучение сети Интернет. Для дальнейшей разработки онтологической модели, создаваемой в рамках данного феномена реальности, следует прибегать к теориям, имеющимся и в других направлениях социогуманитарного блока наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громыко, Н.В. Интернет, постмодернизм и современное образование / Н.В. Громыко // Кентавр. – 2001. – № 27. – С. 55–63.
2. Делёз, Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; науч. ред. Ю.В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
3. Емелин, В.А. Ризома и Интернет / В.А. Емелин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm>. – Дата доступа : 27.11.2011.
4. Закон Мура [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Мура. – Дата доступа : 10.10.2011.
5. Закон Мура воплощается в жизнь благодаря инновациям Intel® [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intel.com/cd/corporate/techtrends/EMEA/rus/376990.htm>. – Дата доступа : 14.10.2011.
6. Нордстрем, К. Бизнес в стиле фанк навсегда: капитализм в удовольствие / К. Нордстрем. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 311 с.
7. Павлов, С. Новое лицо аукциона / С. Павлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://offline.computerra.ru/1999/287/2444/>. – Дата доступа : 03.01.2012.
8. Современная западная философия : учеб. пособие / Т.Г. Румянцева [и др.] ; под общ. ред. Т.Г. Румянцевой. – Минск : Выш. шк., 2000. – 493 с.
9. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности / Е.Е. Таратута. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 147 с.
10. Эпштейн, В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы / В.Л. Эпштейн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm>. – Дата доступа : 13.10.2011.
11. Baudrillard J. Simulacra and Simulation (The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism) / Jean Baudrillard ; transl. by Sheila Faria Glacer. – Michigan : University of Michigan Press, 1996. – 108 p.
12. Frank La Rue. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression / Frank La Rue. – A/HRC/17/27 – 16 may 2011. – 22 p.

Semiarnik S, Sulzhytski I. Study of Internet Reality: Postmodernist Discourse

The article deals with the problems of studying the reality of the Internet – a phenomenon which plays an important role in the development of modern society. The prospects of using different theoretical approaches to create a methodological basis of research online reality are explored. In particular, it turns out the role and importance of the philosophy of the French post-structuralism and postmodernism for the construction of explanatory models of the global information network. Such concepts and notions of postmodern philosophy as «intertextuality», «rhizome», «nomadology», «simulacra» and «hyperreality» are considered. An analysis of the meanings disclosed in postmodern terms is provided and the possibility of their use to characterize the Internet is considered. On the basis of the analyzed material is an attempt to characterize the Internet as an ontological reality of the phenomenon, to identify its most important properties and qualities is provided.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.04.2012

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЦЕННОСТЕЙ ХРИСТИАНСТВА В РАЗВИТИИ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируются место и роль ценностей христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества. Исследуется система христианских ценностей как основа духовно-нравственного развития личности и социума. Представлено авторское видение решения проблемы преемственности ценностей христианства в современных условиях.

Введение

На современном этапе усиление морального нигилизма, поворот к эгоизму и потеря значимости нравственных норм советского периода способствуют возникновению ценностного вакуума и ослаблению роли духовно-нравственных ценностей в регулировании поведения, что может привести к дестабилизации общества. В поисках путей выхода из кризиса в общественном сознании укореняется идея, что основополагающим средством его преодоления является совершенствование духовного мира человека. На этом фоне взгляды государственных деятелей, политиков, философов и ученых все чаще обращаются в сторону традиционных, существовавших на протяжении долгого исторического периода ценностей, и, прежде всего, ценностей христианства. Осмысление христианского наследия в формировании нравственной культуры современного белорусского общества и возможностей его использования в индивидуальной и социальной практике является актуальной задачей. Необходима парадигма развития нравственной культуры, в наибольшей мере выражающая менталитет народа, закреплённые веками высшие, духовно-нравственные ценности его бытия.

Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества

Нравственная культура как системное единство морального сознания, отношения и поведения, нацеленное на репрезентацию опыта социальной деятельности, теснейшим образом связана с национальным характером и его чертами. В исторически изменяющихся формах нравственного сознания христианское наследие как его основа проявляется в развитии духовной жизнедеятельности белорусского общества, обнаруживая преемственность в трансляции моральных норм духовности. Данные нормы, связанные с традициями белорусского народа, не позволяют разрушить преемственность национальной культуры и социальной практики. Постоянная включённость в актуальную культуру, даже при частичном несовпадении с господствующей идеологией, является свойством морального наследия, выступающего фундаментом нравственной культуры. От интерпретации морального наследия зависят реальные практические действия по формированию нравственной культуры личности.

Длительное развитие культуры общества сформировало ряд фундаментальных «каналов» преемственности нравственных ценностей, среди которых ведущими традиционно представляются искусство, система образования и религия.

В современных условиях, к сожалению, недостаточно использован потенциал искусства, и, прежде всего литературы, в качестве источника нравственной информации [5, с. 9–10]. Огромную роль в обогащении духовности белорусского народа, в выявлении его духовно-нравственных ценностей сыграли классики белорусской литературы и ряд других выдающихся представителей национальной культуры. Христианские основы

национального самосознания белорусского народа эксплицированы в трудах В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича и др.

Важную роль в преемственности христианских ценностей играет «естественная» память, благодаря которой происходит непосредственная передача нравственного опыта от человека к человеку через практическую деятельность. Нравственная информация о жизненной практике фиксируется в памяти поколений именно благодаря языку. Одна из ключевых ролей в сохранении нравственных ценностей и их трансляции принадлежит традиции, передающей определенную социокультурную информацию от поколения к поколению. Традиция сводит все многообразие моральных ценностей к ритуалу, обычаю, различным предметным формам деятельности, которые именно поэтому и доступны для понимания и ретрансляции [5, с. 117].

На современном этапе в силу низкого уровня знания многих людей о христианском образе жизни, ориентированном на всестороннее морально-нравственное совершенствование, и христианских обрядах, призванных оказывать духовную помощь личности в ее интенции к высокому идеалу, необходимо переосмысление подходов к практике христианской обрядности как части национальной культуры белорусского народа. В результате трансформации морально-нравственного стержня жизни народа, утраты глубинных смыслов, заложенных в христианском наследии, последнее в современном белорусском обществе фактически редуцировано до уровня обычая [6, с. 8]. Однако даже в условиях недостаточной информированности о духовном содержании христианства и сохранения в национальной культуре языческих элементов в соблюдении христианской обрядности существуют положительные моменты.

Укрепление христианства в национальной культуре ненасильственными методами путем возведения храмов и монастырей обусловило непрекращающееся влияние архетипов дохристианского периода на население Беларуси вплоть до современного этапа ее развития. С другой стороны, политеизм язычества, признавая существование множества богов, не ставил преград для распространения новой веры. Данные особенности способствовали формированию таких традиционных ценностей, как доброжелательность и толерантность, в ситуации, осложняемой борьбой христианских конфессий за власть в религиозно-общественной жизни и доминированием одной из них в разные исторические периоды. Сохранение элементов язычества на Беларуси стало ответом на воздействие православного, католического, протестантского, униатского религиозных потоков, а также атеистического прошлого. Феномен двоеверия обусловил переплетение в восприятии белорусов образов святого пророка Ильи и языческого бога Перуна; в их культурной жизни и обрядовой практике – празднование Рождества христианского подвижника Иоанна Предтечи (Крестителя) и языческого праздника Ивана Купалы и т.д. Культура дохристианского периода, и в частности обрядность как один из главных компонентов этнокультурной трансляции, явилась фактором, предотвратившим размывание белорусского генотипа под влиянием польско-русского натиска.

В период независимого белорусского государства обрядность, в основе которой находится переплетение языческих и христианских элементов, выполняет не столько религиозную, сколько эстетическую функцию. Об этом, например, свидетельствуют купальские праздники и обряды, в которых участвуют язычники, христиане и атеисты. Сущность феномена обрядности белорусов очень хорошо отражена в фольклоре. Вообще все обряды – пасхальные, рождественские и т.д. – основаны на народном творчестве, на архетипах языческого славянства, и в этом заключается их жизненность. Наблюдающуюся реставрацию обрядности можно рассматривать как сохранение обычаев белорусского народа, обеспечивающих передачу форм коллективной

деятельности отдельной личности и от поколения к поколению, которые их сохраняют и последовательно передают дальше.

Христианские ценности представлены в менталитете белорусского народа и оказывают влияние на его этносоциальную практику. Необходимо также отметить отождествление их в современном социуме с определенной этносоциальной средой, что связано с самооценкой. Осознание важной роли ценностей христианства в формировании уникальности, особенностей белорусского национального характера позволяет представить их как один из главных факторов самоидентификации белорусов на современном этапе, способствующий реализации высоких духовно-нравственных идеалов. Тот же, кто полагает, как утверждал Г. Гегель, что народ якобы вообще лишен конкретной духовной сущности, а представляет собой лишь собирательное понятие, объединение отдельных людей, тот отрицает тем самым внутреннее единство народа, и для него, следовательно, сама тема национального мировоззрения беспредметна [2, с. 38].

Общечеловеческий духовно-нравственный опыт отношения к людям, обществу и своему внутреннему миру, воплощенный в ценностях христианства, является одним из оснований белорусского национального самосознания. На мировоззренческом фундаменте христианства возникли главные черты белорусского национального характера: признание достоинства человека, его духовно-нравственной самоценности, идея добра и милосердия, душевность, сочувствие к чужому горю, терпимость при решительном неприятии деспотизма, принуждения и гнета, любовь к родному краю. Данные качества входят из поколения в поколение в сознание белоруса и в XXI веке призваны сыграть важную роль в единении белорусского народа.

В жизнедеятельности белорусского социума гуманистический потенциал ценностей христианства позволяет осмыслить их как основу для формирования и развития нравственной культуры, обеспечивающую преемственность опыта конструктивной социальной коммуникации, ведения интенсивного диалога между Западом и Востоком, сохранение высших духовных достижений прошлого. Особую значимость имеет укрепление христианских начал общности и консолидации, способствующее воспитанию патриотических чувств и убеждений, осознанию единства наиболее важных общественных и государственных интересов. Ценности христианства призваны выступить в качестве определенных связей и отношений между человеком и другими людьми, обществом и государством, укрепляемых Церковью как любовь и преданность Родине в совокупности идей, чувств и действий, способствующих ее успеху и процветанию. В свою очередь, целями Церкви являются стабильность государства, национально-культурное развитие, благосостояние и здоровье граждан, а духовно-нравственное развитие общества предполагает принцип соборности.

В труде «Духовные основы общества» понятие «соборность» определено С.Л. Франком как *первичное «органическое единство мы»*, из которого, по его представлению, как из «почки», должны произрастать организованные – с помощью духовных векторов – гражданские и государственные институты, формы человеческой солидарности (экономической и социальной). Практическое внедрение данной концепции соборности как путь выхода за пределы единичности и вхождения в социум, соотносимость «Я» с другими «Ты» в ситуации «взаимной обращенности, живой встречи, взаимного вторжения индивидуальностей друг в друга в форме Мы» является актуальным для белорусского общества в долгосрочной перспективе. В условиях распространенности индивидуалистической ориентации представляется целесообразным проведение исследовательской работы по экспликации процесса актуализации перехода от первичной категории «Я» к категории «Ты», а через нее к «Мы».

В контексте специфики жизнедеятельности современного белорусского общества понятие «соборность» определяется как стремление не к механическому соединению

взаимосвязанных составляющих, а к подлинному духовному единству, основанному на общности морально-нравственных принципов, единоклассности и наличии совместной цели деятельности. Данное определение раскрывает роль соблюдения нравственных норм и принципов христианства в развитии социума и их реализации в повседневной жизни. Считается, что чем более существенный и материализованный характер носят общие цели деятельности, тем прочнее организационное единство [3, с. 48]. Цель построения сильной и процветающей Беларуси как идеально-побудительный элемент механизма духовно-нравственной регуляции формируется, конкретизируется и корректируется путем ее соотнесения со средствами достижения результатов действия этого механизма. В современных условиях актуализируется основанная на ценностях христианства соборность общественной жизни, воплощенная в усвоении каждым гражданином моральных принципов и норм, долженствующих воплотиться в линии поведения, в жизненной позиции. Основой соборности как формы организации общественной жизни должны стать осознание каждым человеком своей свободы и ответственности перед другими участниками совместной деятельности. С точки зрения практики, понимание членами коллектива уникальности и ценности каждого из них, своего права на свободу мнения и при этом признание ответственности за свои действия на основе добровольного объединения с другими ради общей цели – главное условие активизации творческого потенциала коллектива и его эффективной деятельности. В социальной деятельности христианство артикулирует ценности свободы и ответственности любого члена общности, представленные этическими принципами самоотверженного служения во имя общего дела. Через принцип соборности реализуется заповедь любви к ближнему, соблюдение которой в христианстве является главным способом решения как социальных проблем, так и проблем личностного роста. Любовь как главное моральное чувство и состояние обуславливает духовно-нравственные цели, мотивы, намерения, установки и ценностные ориентации, является источником формирования гуманистического мировоззрения, высоких гражданских качеств. Ценность любви к согражданам и государству является духовной основой построения сильной и процветающей Беларуси.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о репрезентации в сознании белорусской молодежи – социально активной части общества – духовных потребностей, соответствующих ценностным ориентациям и установкам христианства. Из предложенных ценностных переменных молодые граждане на 1-е место выносят любовь. Одновременно для 100% опрошиваемых важны хорошие отношения с родными, близкими, коллегами, забота о стариках и детях, а для 97% – уважение к традициям, желание иметь «спокойную совесть» [4, с. 22, 24]. Однако, обладая огромными внутренними ресурсами для самосознания, в реальном процессе социальной коммуникации значительная часть молодежи руководствуется широким диапазоном ценностных ориентаций и установок. Наиболее существенные причины этого связаны с тем, что, во-первых, информированность белорусского народа о моральных средствах духовно-нравственной регуляции общественных отношений, сформированных в русле традиционных для государства конфессий, явно недостаточна; во-вторых, плюрализация ценностного сознания молодежи в трансформирующемся обществе обуславливает эмоционально-психологические барьеры в восприятии норм христианства как универсальных нравственных императивов; в-третьих, «бездуховная атмосфера» (Т.И. Адуло) общества способствует разрыву между когнитивным усвоением нравственных норм и их практической реализацией у различных групп молодежи.

Таким образом, в сфере развития нравственной культуры на основе ценностей христианства существует значительный социальный резерв, который необходимо привести в действие, чтобы практически реализовать огромный моральный потенциал

белорусского народа и каждого человека. Ценность любви как духовная установка оказывает влияние на формирование нравственного сознания людей и детерминацию их поведения в социокультурном пространстве и поэтому применима в качестве оценочного основания ко всем сферам жизнедеятельности современного белорусского общества. Актуальность любви значит, что данное чувство и состояние проявляется как доминантный фактор формирования личности и в условиях социальных трансформаций. Выявление наиболее существенных причин разрыва между духовно-нравственными установками и их реализацией на практике позволяет связать изменения, происходящие в жизнедеятельности современного белорусского общества, с возникновением переходных состояний в области ценностных представлений, касающихся самых разных сторон человеческой деятельности. Моральный потенциал современной белорусской молодежи может развиваться как с опорой на созидательные, конструктивные национальные ценности, так и на антисоциальные, деструктивные, если вовремя не направить его в русло созидания и толерантности. При этом христианские ценности, воплощенные в достижениях духовной культуры и практики белорусского народа, нельзя отрывать от реальных условий нашей действительности, потому что они, как и социальные процессы, подвержены определенной трансформации. Актуальной является помощь молодежи в восприятии выработанных веками ценностей, закрепление в ее сознании иммунитета, невосприимчивости ко всем проявлениям бездуховной атмосферы.

В контексте развития нравственной культуры белорусского социума любовь как главная ценность христианства призвана выступить в качестве основы духовной жизни общества, практически представленной в двух аспектах. Фундаментальный путь воплощения любви в жизнедеятельности современного белорусского общества представляет ценность ответственности в социальной практике, конституируемой золотым правилом Евангелия.

Другой аспект ценности любви, взаимодействуя с вышеназванным, предполагает установление барьеров безответственному и безнравственному социальному поведению. Система христианских ценностей ориентирована на социальную активность: ответственное отношение человека к происходящему, ограничение деструктивных действий других, что стимулирует в конечном итоге их духовный рост (Прит. 23, 13). Степень проявленной любви во всех сферах жизнедеятельности конкретной личности, а также вносимый ею вклад (через поступки, оценки, отношение к другим людям) в формирование социальной практики призваны выступить мерой развития нравственной культуры. В утверждение ценности любви как главного морального чувства и состояния, определяющего поступки и отношение человека к социальной действительности и самому себе, формирующего его жизненный мир и проект духовно-нравственного развития, и состоит основная роль ценностей христианства в жизнедеятельности белорусского народа.

Основные направления актуализации духовно-нравственного потенциала христианского наследия в социокультурном пространстве Республики Беларусь

В социокультурном пространстве Республики Беларусь ценности христианства реализуются через духовно-практическую деятельность по освоению социального опыта, накопленного народом, в ходе индивидуального и коллективного развития людей. Она связана с реализацией и актуализацией совокупности выработанных устойчивых моральных регулятивов (ценностей, норм, установок и др.) в системе общественных отношений. В жизнедеятельности личности и общества огромное значение имеют каналы социальной связи и взаимодействия между сферой духовного опыта и практической деятельностью по его трансформации в систему нравственной культуры.

К каналам такого свойства целесообразно относить такие виды духовно-практической деятельности как, нравственно-воспитательная, идеологическая, религиозная. Здесь немаловажное значение имеют право, политика, образование и воспитание. Ценности христианства, формируемые в рамках духовной сферы жизни общества, распространяются и утверждаются через социальные институты (семья, государство, система образования и воспитания, научные организации, учреждения культуры и т.д.), через институт национальной культуры. В современных условиях на них влияют идеология и переоценка ценностей.

Значительно возросший интерес белорусского общества к ценностям христианства требует информирования о них со стороны семьи, педагогов, через систему образования и воспитания, научные организации, учреждения культуры, средства массовой информации.

Традиционные христианские религии: православие, католицизм, протестантизм – оказали определяющее влияние на развитие духовности и культуры народов, населяющих территорию Беларуси, составили часть ее исторического, духовного, социального и культурного наследия, стали частью национальных культур. Плодотворное значение в социокультурном пространстве нашей страны имеет взаимодействие данных религий с другими компонентами культуры: моралью, искусством, наукой, просвещением и т.п. Механизм духовно-нравственной регуляции общественных отношений, сформированный в русле традиционных христианских конфессий, нацелен на согласование повседневных личных и общественных интересов, единство индивидуального и коллективного начал. В повседневной жизни достижение христианского идеала предполагает постоянную работу над собой, совершенствование отношений с окружающими, поиск своего места и назначения в мире. Свободный выбор человека как ценность христианства предполагает право оценить ситуацию, представить возможные варианты и последствия принимаемых решений. Важным фактором, формирующим современную нравственную ситуацию, выступает духовная автономия человека [1, с. 109].

В развитии нравственной культуры белорусского социума важную роль играет реализация права на свободу совести, создание условий для экзистенциального самоопределения и развития личности, а главным приоритетом является реализация ее интересов, соотносящихся с общественными. Ценности христианства призывают молодежь служить своему народу, защищать отечество, уважать старших, принимать активное участие в учебе и профессиональной деятельности, в общественных делах. При этом необходимо учитывать, что православие играет огромную роль в жизнедеятельности нашего общества и вместе с католичеством призвано формировать наиболее авторитетное духовно-практическое руководство жизни. Однако представляется, что это не должно служить поводом для дистанцирования от протестантизма.

На современном этапе главными приоритетами Русской Православной Церкви являются духовно-нравственное развитие молодежи, доступность и открытость церковной жизни, расширение социальной деятельности. Глубокие исторические корни имеет коммуникационная функция храмов, что полностью оправдывает их строительство в нашем государстве. В общинах традиционных для Республики Беларусь конфессий действуют молодежные группы, налажены различные формы социальной и воспитательной работы с населением (проведение лекций, семинаров, встречи со священнослужителями, кружки по интересам и др.). Возникающая и обогащающаяся в процессе этой деятельности совокупность нравственных идеалов, принципов и норм поведения реализуется в конкретных действиях верующих. Например, в Минске при Петропавловском соборе укрепляется традиция организации крестных ходов

молодежи к историческим местам Беларуси, России, Литвы; в микрорайоне Уручье проводятся православные литургии в соответствии с раннехристианской традицией участия всех присутствующих; прихожане храма «Всех скорбящих Радость» опекают подшефный интернат для детей с ограниченными возможностями; молодежная группа Святосимеоновского собора г. Бреста пропагандирует ценности христианства через художественную самодеятельность. Таким образом, методика работы традиционных христианских конфессий с верующими предполагает активность и сознательные усилия со стороны последних. Духовно-нравственная регуляция общественных отношений в русле традиционных религий направлена на стимулирование способности верующего выстраивать коммуникативные практики в условиях конкретной деятельности и в соответствии с формулируемыми целями-ценностями закреплять конструктивные сценарии поведения в социуме. В современных условиях традиционные религии, обращаясь к духовному началу человека, ориентированы на духовно-нравственное развитие и самоизменение личности, группы, общности. При этом управление данным процессом осуществляется не столько «извне», но прежде всего «изнутри» – самим человеком – и как результат его осознанного выбора реализуется в цепочке мировоззренческого становления, включающей в себя знания – ценности – убеждения – волю к действию.

Традиционные религии на первое место ставят внутренний мир человека, который определяет его внешнюю жизнь. Смысл жизни для христианина связан с процессом его духовного развития, а главной целью является нравственное совершенствование индивидуальной и социальной практики. Христианские ценности, направленные на воспитание важнейших человеческих качеств путем раскрытия внутреннего духовного резерва личности, последовательного нравственного совершенствования, способствуют укреплению таких черт белорусской нации, как трудолюбие, миролюбие, стремление к разумному компромиссу, терпимость, уважение людей с иным мировосприятием и стилем мышления. Ценности христианства ориентируют человека на соблюдение высших принципов жизни, поведения, общезначимых норм, являющихся основой устойчивого развития. В жизнедеятельности современного белорусского общества к моральным средствам-регулятивам социальной связи и взаимодействия между сферой духовного и практической деятельностью по его трансформации в систему поступков и наличной культуры целесообразно относить христианские заповеди, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки. В материальной и духовной сфере система христианских ценностей служит ориентиром для определения допустимого (способствуя формированию нравственного сознания белорусского народа) и недопустимого (удерживая негативные поведенческие интенции в сфере подсознательного и препятствуя их реализации в индивидуальной и социальной практике) в человеческой жизни. Высокий статус ценностей христианства в нравственной культуре, укрепление их в духовной сфере белорусского общества будут способствовать устранению причин неустойчивости социальных систем и отрезонирует в социально-экономической и политической сферах.

Важную роль в информировании белорусского общества о ценностях христианства призваны сыграть институты семьи, церкви, образования, а также СМИ, литература и искусство. В настоящее время большинство людей придерживаются определенной религии в силу своей принадлежности к ней по рождению или воспитанию. Чаще всего социальной средой, побуждающей человека обратиться к религии, выступает семья, по силе влияния превосходящая все остальные факторы воздействия на его внутренний мир. Через институт семьи транслируются духовно-нравственные ценности, выработанные многими поколениями людей. Если вовремя не направить моральный потенциал современной белорусской семьи на закрепление

нравственных форм сознания, отношений и поведения, выражающих национальные ценности, то ее жизнедеятельность может развиваться в антисоциальном и деструктивном направлении. В целях повышения эффективности нравственного воспитания личности необходима организация системы семейной и молодежной идейно-воспитательной работы на основе христианских ценностей через проведение лекций и семинаров, работу в группах и встречи со священнослужителями как по месту жительства, так и в рабочих коллективах, учебных заведениях. СМИ заранее должны предоставлять информацию о данных мероприятиях.

Система образования сегодня становится одним из ведущих каналов формирования нравственной культуры в связи с возможностями воздействия на каждого индивида не только в период становления личности, но и в течение всей его жизни (система непрерывного образования). Важную роль в получении человеком определенной суммы знаний о христианских ценностях как предмете духовно-нравственного восприятия играет образование, предполагающее убеждение, внушение и заражение. Убеждение апеллирует к познанию и строится на последовательности личных выводов, причем информация оценивается критично и для воспринимающего не может быть негативной. Внушение проявляется в воздействии на бессознательном уровне, без использования аргументации. Заражение, разновидностью которого является подражание, осуществляется путем передачи с усилением эмоционального состояния от человека к человеку. Образование предполагает освоение новой информации, а воспитание призвано удовлетворить духовные потребности людей в целостном мироощущении своего бытия. Педагог должен уметь построить своеобразный резонансный контур, т.е. найти вовремя нужные слова, мысли, интонацию, чтобы бережно и осторожно воздействовать на чувственную сторону сознания. Только затронув сокровенные, смысложизненные пласты человеческого существования, можно рассчитывать на отклик формирующейся личности [6, с. 91].

В современных условиях, на наш взгляд, представляется нецелесообразным немедленное введение в школе Закона Божия или обязательных спецкурсов религиоведения, так как это может вызвать отрицательную реакцию молодого поколения. Формированию нравственной культуры белорусской молодежи, осмыслению встающих перед нею проблем и задач призван способствовать факультативный курс по выбору «Основы христианской культуры», нацеленный на изучение истории традиционных христианских конфессий, содержания ценностей христианства и специфики их проявления во всех сферах жизнедеятельности белорусского народа.

В многонациональном пространстве Республики Беларусь ценности христианства, раскрывающие отношения человека с внешним миром (морально-нравственный идеал, заповеди, нормы поведения, общения и деятельности), валидны рациональным принципам толерантности, взаимоуважения, открытой коммуникации, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов и преодоления кризисов. Специфика проявления ценностей христианства в социокультурном пространстве нашего государства связана с такими важными компонентами, составляющими основу его нравственной жизни, как народные традиции, наука и искусство. При этом необходимо обратить внимание на то, что взятые автономно знания и идеи вне системы идеалов и убеждений не обеспечивают целостности современного белорусского общества и сохранения самобытности национальной культуры. Ангажирование ценностей христианства силами интеллигенции, способной воздействовать на сознание народа, призвано укрепить эмоционально-чувственный, массово-психологический уровень функционирования и проявления нравственной культуры. Знакомство с этической проблематикой евангельского учения, нравственным выбором Иисуса Христа, поступками верующих – исторических персон и наших современников –

способно изменить экзистенциальный опыт личности. Христианские ценности любви, терпения и прощения актуализируют духовные стремления личности и тем самым способны оказать конструктивное влияние на коммуникативные стороны межличностных процессов, на формирование культуры чувств. Основными средствами достижения данной цели являются средства массовой информации и системы передачи данных. В условиях информационного общества актуализация традиционных форм невозможна вне влияния информационных технологий и средств массовой коммуникации, способных выступить фактором сохранения и развития национальной культуры [7, с. 187]. На основании экспертных оценок можно сделать вывод о потенциальной позитивной роли, которую эта ветвь власти могла бы играть в современном белорусском обществе.

В современных условиях смыслообразующие ценности и жизненные идеалы не столько вырабатываются и закрепляются личным опытом и собственным осмыслением, сколько навязываются постоянным воздействием СМИ. Здесь речь идет в первую очередь о китче, удельный вес которого значителен в визуальной массовой культуре, транслируемой каналами и средствами массовой коммуникации. Массовая культура в данном случае понимается как общедоступная и всегда авторская культура, формируемая группой людей под давлением экономических потребностей, ориентированная на преобразование человека в условиях социальных трансформаций в носителя строго определенных функций, среди которых на первое место выдвигается функция потребления материальных и культурных благ. Особенностью такого вида массовой культуры, тем, что отличает ее от элитарной и народной, является невысокая степень художественной ценности произведений и кратковременность их существования, направленность на удовлетворение сиюминутных потребностей людей.

Обращение к позитивному, исторически сложившемуся типу национальной культуры способствует выявлению наиболее эффективных способов воздействия христианских ценностей на массовое сознание и поведение. Еще Ф. Скорина обозначил формы взаимодействия христианского вероучения со старобелорусским религиозным менталитетом, с религиозной психологией народа, выявил объединение их функций в процессе консолидации представителей разных социальных слоев и конфессий. Важным является тот факт, что культура существует и как межсоциальная, точнее, общесоциальная, включающая в себя коллективные нравственные образцы деятельности и повседневного общения, совместные ценности, правила, нормы поведения, позволяющие людям разных положений, имущественных и образовательных цензов достигать взаимопонимания, необходимого уровня социальной солидарности, цивилизованности. Данная культура может складываться и в сфере внерелигиозных отношений, в быту и ярко проявлять себя в ситуациях корпоральности, плодотворной коммуникации, коллективного творчества, в том числе фольклорного и постфольклорного. Конечно, на эту позитивную культуру оказывают влияние и ценности христианского вероучения. Общесоциальная культура может быть национальной, обладать большой аудиторией и таким образом, способствовать раскрытию конкретных механизмов воздействия христианского вероучения на мировоззренческие ориентиры широких социальных слоев через предрасположенности, образующие религиозный менталитет. Соответственно, такого рода культура, наиболее ценностным образованием которой является этническая культура и ее репрезентативное образование – фольклор, транслируясь через средства массовой коммуникации, будет способствовать сохранению христианского наследия в условиях социальных трансформаций. Таким образом, выявляется позитивная роль использования современных информационных технологий, каналов телевидения, СМИ для трансляции христианских ценностей на самые широкие социальные аудитории.

На основании анализа данных магистральных путей влияния массовой и общесоциальной культуры на духовно-нравственную составляющую социума, главным направлением их оптимизации представляется идейно-воспитательная работа на государственном и общественном уровне, систематизированная через СМИ и системы передачи данных. При осуществлении данного процесса необходимо принять во внимание, что при оценке видов и проявлений массовой культуры в любом конкретном случае должен применяться дифференцированный подход. Из данного подхода вытекают принципы умеренного социального и эстетического плюрализма, а также установки на тесное взаимодействие, сращение элитарной и массовой культуры, их видов, опосредованное промежуточными коммуникационными формами. Примеры такого рода в Республике Беларусь существуют и весьма заметны, но их явно недостаточно, чтобы оказать существенное влияние на рассмотренный выше процесс. Необходимо признать, что массовая культура в современном обществе носит неупорядоченный, «мозаичный» характер. На ней лежит печать «диффузной» политики в сфере средств массовой коммуникации, нуждающейся в качественном изменении, которого пока не происходит.

На современном этапе сотрудникам СМИ отводится особая роль в освещении христианских ценностей. Духовно-нравственное развитие белорусского социума на основе ценностей христианства, выступающих в качестве образца поведения, оценочного основания, морально-нравственного идеала отношения человека к внешнему миру, другому человеку и самому себе, должно явиться результатом деятельности семьи, образования, церкви, СМИ, всего общества.

Ценности христианства являются основанием нравственности белорусского народа и, отражая самобытность национальной культуры, создают базу для осмысления проблем и задач ее дальнейшего развития. На процессы духовной жизнедеятельности белорусского общества оказывает влияние происходящая в нем переоценка ценностей, выступающая составной частью единого процесса адаптации мира к новым политическим, экономическим и научно-техническим реальностям. В процессе достижения современного уровня цивилизованности, освобождения сознания народа от имеющихся стереотипов принципиально важно избежать ошибки, состоящей в игнорировании специфики и положительного исторического опыта нашей страны. Формирование нравственной культуры должно исходить из осознания того обстоятельства, что спектр выбора возможностей созидательного социального развития весьма ограничен. Система ценностей христианства представляется потенциальным действенным механизмом объединения белорусского народа, организационной формой наиболее полной и целенаправленной реализации его важнейших духовно-культурных интересов.

Заключение

Анализ проблемы преемственности ценностей христианства в развитии нравственной культуры белорусского социума позволяет сделать ряд выводов:

1. Духовные ценности христианства в социальном пространстве адекватны трем модусам отношения человека – с миром, с конкретной социальной действительностью, с самим собой. Анализ ценностей христианства как системы моральных средств-регулятивов нравственного поведения в современном обществе позволил категориально представить их тремя основными группами:

1) ценности, раскрывающие отношения человека с внешним – природным и социальным – миром (библейские заповеди, христианский морально-нравственный идеал, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки);

2) ценности, выражающие личностное отношение человека к человеку (любовь как главное моральное чувство и состояние, духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации);

3) рефлексивные ценности, выражающие отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру (достоинство, совесть, свобода, стремление к самосовершенствованию (нравственное самосознание, самооценка, самоконтроль)).

Ценность любви понимается как основа системы христианских ценностей, призванная исполнять роль оператора, выстраивающего перспективы для дискурсивных практик. Репрезентация ценности любви в условиях конкретной социальной действительности играет важную роль в преобразовании теоретической модели нравственного поведения в жизненно-практическую установку, т.к. абстрактный внешний мир значительно легче любить по сравнению с любым человеком, к которому необходимо проявить любовь, оказавшимся рядом в данный момент времени. В жизнедеятельности современного белорусского общества любовь к согражданам и государству является духовной основой построения сильной и процветающей Беларуси.

2. Важную роль в поликонфессиональном, полиэтничном белорусском обществе играет законодательно закрепленное право на свободу совести. Стратегическая линия в области формирования ментального поля диалога, сотрудничества христианских и других конфессий должна быть нацелена на поиск *совместных* ценностей экзистенциальной коммуникации.

В жизнедеятельности белорусского общества ценности христианства призваны выступить в качестве *совокупности смыслов, создающих основу для интерпретации повседневных значений индивидуальной и социальной практики, посредством которой осуществляется межличностная коммуникация и внутриличностная рефлексия.*

3. Предлагаются следующие практические пути актуализации ценностей христианского наследия в развитии нравственной культуры общества.

На уровне государства как светской социально-политической структуры необходима нравственно-воспитательная работа по информированию о христианских ценностях, определяющих отношения человека с внешним – природным и социальным – миром, т.е. популяризация евангельских заповедей, морально-нравственного идеала, принципов поведения, общения и деятельности, норм и оценок, не нарушающих прав верующих и атеистов; обоснование рациональности выбора данных ценностей христианства как моральных универсалий и раскрытие деструктивных последствий их игнорирования для личности и социума в современных условиях. Информированию белорусского народа о ценностях христианства призваны способствовать СМИ, системы образования и воспитания, государственные органы управления, сфера профессиональной деятельности, научные организации, учреждения культуры.

На общественном уровне социальной организации в деятельности институтов семьи, церкви, различных общественных объединений необходимо обращение к духовным началам личности, осуществление целенаправленного воздействия на формирование ее жизненной позиции, основанной на ценности любви как главном моральном чувстве и состоянии, обуславливающим духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации и выражающем личностное отношение человека к социальной действительности, прежде всего человека к человеку.

На личностном уровне человек, самостоятельно осуществляя выбор между различными ценностными ориентациями, может принять ценности христианства как основание своей внутренней рефлексии (через самопознание, самовоспитание, самоконтроль и др.). Повышение роли ценностей христианства в ответственном экзистенциальном и социальном выборе человека: применение их как моральных средств-регулятивов своей собственной жизни и в процессе принятия решений,

осмысление их сопричастности созидательным процессам в обществе – призвано выступить мощным и эффективным позитивным средством духовно-нравственного развития личности.

4. Ценности христианства, формируемые в духовной сфере жизни общества, распространяются и утверждаются через социальные институты (семья, государство, система образования и воспитания, научные организации, учреждения культуры и т.д.), через институт национальной культуры. В период социальных трансформаций на них влияют идеология и переоценка ценностей.

5. В XXI веке ценности христианства способны оказать существенное позитивное воздействие на процесс развития нравственной культуры белорусского общества через обращение к духовным началам личности, повышение роли ценностей христианства в ответственном экзистенциальном и социальном выборе человека и в процессе принятия решений, их сопричастность созидательным процессам в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова, С.П. Методологические проблемы исследования морали / С.П. Винокурова. – Минск : Минский гос. пед. ин-т, 1992. – 110 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – Т. 3: Философия духа. – 471 с.
3. Демчук, М.И. Основы эффективного государства / М.И. Демчук, А.Т. Юркевич // Социология. – 2003. – № 2. – С. 44–51.
4. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е.М. Бабосов [и др.] ; под ред. Е.М. Бабосова. – Минск : Современное слово, 2001. – 144 с.
5. Лаптенюк, А.С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А.С. Лаптенюк. – Минск : НИО, 1999. – 201 с.
6. Осипов, А.И. Духовность. Традиция. Патриотизм : монография / А.И. Осипов. – Минск : Молодеж. науч. общ-во, 2001. – 99 с.
7. Позняков, В.В. Культура в информационном обществе / В.В. Позняков // Грядущее информационное общество / НАН Беларуси, Ин-т философии ; А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск, 2006. – С. 131–193.

Lahunouskaya A.A. Succession of Values of Christianity in the Development of Moral Culture of Modern Belarusian Society

The article analyzes the place and role of Christian values in shaping the moral culture of modern Belarusian society. The author examines the system of Christian values as a basis for spiritual and moral development of the individual and society. The author's vision of solving the problem of succession of values of Christianity in the modern world is presented.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.05.2012

УДК 101.1:316

И.В. Лисовская

**НОМО МЕCHANICUS:
«ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕДЕЛКА ЧЕЛОВЕКА»**

В статье исследуются кризисные явления «техногенного общества», главным атрибутом которого является абсолютизация научно-технической стороны жизнедеятельности людей, вера в ее безграничные возможности. Показаны внутренние противоречия взаимоотношений науки и техники, человека и техносферы, превратившие проблему человека в одну из главных проблем современности. Цель исследования – раскрыть сущность личности технократического типа («homo mechanicus») и процесс ее формирования. Делается вывод о том, что технологизм способен обернуться против человека. Научный разум обнаружил техническую и теоретическую мощь и, в то же время, нравственную, гуманистическую беспомощность. Кризисные явления и противоречия в развитии техногенной цивилизации поставили перед человечеством проблему выживания рода человеческого.

Введение

Тема человека, его природы и будущего всегда находилась в центре философских размышлений разных исторических эпох (Ф. Ницше, М. Фуко, Ж. Делез, М. Хайдеггер). Не является исключением и наша эпоха постмодерна, суть которой сводится не к преодолению модернизма ради возврата к классике (традиционному обществу), а к плавному переходу к сверхмодернизму (информационному обществу). Многие современные исследователи (М. Делягин, В. Кутырев, С. Хоружий и др.) отмечают, что человечество начало глобальный переход в новое состояние, которое заключается в приспособлении социальных отношений, адаптированных к прошлым, индустриальным технологиям, к идущим им на смену качественно новым постиндустриальным, в первую очередь информационным технологиям. Как отмечает В.А. Кутырев, «здесь находит свое завершение начавшийся в модернизме отказ от природы как естественной среды обитания человека и замена её новой, искусственной. Происходит смена субстанций бытия. Субстанцией становится техногенная реальность» [1, с. 64]. Именно поэтому автор называет постмодернизм универсальным технологизмом, а человека считает компонентом, а не субъектом новой реальности. «Человек-субъект превращается в сингулярность, в лучшем случае в персонаж и «гомутер» как концепт и техноид» [2, с. 12]. Кризисные явления и противоречия в развитии техногенной цивилизации поставили перед человечеством ряд сложнейших проблем, среди которых следует особо выделить общее понимание ситуации человека, его перспективы развития, а также переосмысление самого понятия человеческой природы. Сегодня можно говорить о том, что в центре внимания оказывается будущее не отдельного человека, а всего человечества как глобального и общезначимого структурного образования. Цель данного исследования – рассмотреть сущность личности технократического типа («homo mechanicus»), исследовать социокультурный контекст процесса формирования такой личности.

Техногенная цивилизация

За счет быстро расширяющегося процесса технизации и сопровождающей этот процесс системы ценностей, господствующих в культуре, современная цивилизация приобрела техногенный характер. Переход от традиционного общества к техногенной цивилизации прослеживается примерно в XIV–XVI столетиях. Как отмечает

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

В.С. Степин, техногенной цивилизации предшествовали две мутации традиционных культур: культура античного полиса и культура европейского христианского средневековья [3, с. 4]. Грандиозный синтез их достижений в эпоху Реформации и Просвещения сформировал ядро системы ценностей («культурную матрицу»), на которых основана техногенная цивилизация.

Система ценностей и жизненных смыслов техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ. Для традиционных обществ характерны замедленные темпы прогресса и социальных изменений, постепенное внедрение инноваций как в способ производства, так и в сферу регуляции социальных отношений. В соответствии с ценностями традиционных обществ, природа рассматривается как живой организм, малой частичкой которого является человек. Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. Предназначение человека не сводилось к преобразующей деятельности внешней среды. «Вектор человеческой активности там чаще всего направлен внутрь, на самоконтроль и самовоспитание, обеспечивающие адаптацию индивида к социальной среде» [3, с. 9]. В культуре приоритет отдается традициям, канонизированным стилям мышления, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков. Для традиционного общества характерен тип социальности, базирующийся на коммунократических, солидаристских отношениях.

Напротив, в техногенной цивилизации темпы социального развития резко ускоряются, экстенсивное развитие сменяется интенсивным. Высшей ценностью становятся инновации, творчество, формирующие новые оригинальные идеи, образцы деятельности, целевые и ценностные установки. Традиция должна не просто воспроизводиться, а постоянно модифицироваться под влиянием инноваций. Главным фактором, который определяет процессы изменений социальной жизни, становится развитие техники и технологии. Мировоззренческие доминанты техногенной цивилизации отражают понимание человека как активного существа, «противостоящего миру в своей преобразующей деятельности», а природы «в качестве закономерно упорядоченного поля объектов, которые выступают материалом и ресурсами преобразующей деятельности» [3, с. 8]. Деятельность человека рассматривается как креативный, инновационный процесс, направленный на преобразование объектов внешнего мира. Идеал деятельностно-преобразующего предназначения человека дополняется приоритетной ценностью науки и более широким пониманием власти и силы. Власть здесь распространяется не только на человека, но и на объекты, как природные, так и социальные. В техногенном мире отношения властвования становятся все более опосредованными, а на смену отношениям личной зависимости приходят отношения вещной зависимости. В техногенной цивилизации утверждается в качестве ценностного приоритета идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности.

Еще одной значимой чертой техногенной цивилизации является резкое повышение социокультурного статуса временного фактора. Если в большинстве традиционных обществ время понималось и переживалось как циклическое, то в техногенном обществе время начинает переживаться как необратимое движение от прошлого через настоящее в будущее.

Кроме того, в техногенном обществе техническая среда обладает способностью к саморазвитию и сегодня уже превращается в самодостаточный мир – техносферу. «В техногенном (индустриальном и постиндустриальном) обществе развитие осуществляется на основе наукотехники и создаваемой ею искусственной, предельно урбанизированной среды – техносферы, которые, взаимодействуя с социумом и биосферой, подчиняют, трансформируют и разрушают их» [4]. Техносфера

целенаправленно создается людьми для приобретения ими независимости от неблагоприятных факторов природной среды комфортного существования, т.е. для удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Техносфера является посредником в системе «человек – биосфера». Содержательные характеристики техногенного общества базируются не только на изменениях, вызванных непосредственно научно-техническими производительными силами, но и на последствиях, активизированных этой сменой, – ускорении роста и усложнении техносферы, ее усиливающимся влиянии на весь ход планетарной жизни, постепенной замене естественных форм жизни искусственными, то есть замещении биосферы ноосферой, что оборачивается экологическими и антропогенными кризисами.

Российская исследовательница Г.В. Савкова характерным признаком жизни техногенных обществ определяет ценность научной рациональности и её активное воздействие на остальные культурные сферы. «В техногенной цивилизации существуют и другие ценности, но они находятся под властью научной рациональности» [5, с. 84]. Таким образом, с одной стороны, техногенная цивилизация воспроизводит и утверждает технические ценности, с другой – подавляет ценности, препятствующие технократическому восприятию мира. Как следствие, способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления. В этих условиях человек не может выйти за рамки ограниченности, частичности, узости мышления, развернуть богатство своего потенциала.

Наше время, таким образом, породило новый тип современного человека, о чем один за другим пишут многие философы. Так, например, Э. Фромм называет его человеком-роботом («*homo mechanicus*»), Г. Маркузе – «одномерным человеком», Х. Ортега-и-Гассет – «человеком массы», А. Зиновьев – западоидом. Однако следует сразу же отметить, что философы трактуют феномен и перспективы «*homo mechanicus*» неоднозначно.

С одной стороны, в современной литературе ряд философов (Г. Гуревич, С. Хоружий, В. Кутырев и др.) прогнозируют развитие человечества в сторону слияния с компьютерными технологиями. Так, С. Хоружий рассматривает «постчеловека» в качестве нового «максимума трансформативности». Философ видит три возможных варианта развития событий: киборг (гибрид искусственных механизмов и человеческого тела), мутант (превращение человека в иное живое существо при помощи генотехнологий) и клон (точная генетическая копия человеческого организма) [9, с. 31].

В свою очередь В.А. Кутырев дает такое описание будущему облику постчеловека: «Это то, что приблизительно именуется роботами с искусственным интеллектом и кибернетическими системами типа «гомутер» / гомо + компьютер» [2, с. 46]. Г. Гуревич с горечью отмечает: «Люди вовлечены в такие процессы, что уже утратили свою идентичность. Потеряв свою тождественность, человек станет другим... Оказавшись «кибернавтом», он безболезненно и легко, как при обезболивающем уколе, сбросит человеческое тело вместе с тем наследием природы, которое вызвало его к жизни. Витальность отомрет как реликт, земной мир лишится своей трепетности, одушевленности. Техника, придуманная человеком, отпразднует собственное торжество» [7, с. 139].

С другой стороны, наряду с Э. Фроммом, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, мы склонны рассматривать «*homo mechanicus*» как тип личности техногенного общества, для которой характерны: мифологическое мировоззрение, технократический тип мышления, жизнь в соответствии со стереотипами, шаблонами, модами, которые поддерживаются общественным мнением, подавление подлинной эмоциональности и имитация эмоций. Проблема усложняется тем, что «*homo mechanicus*» превращается в объект технологического манипулирования, способствуя

технологизации и рационализации духовной жизни, а значит, утрачивает свою антропологическую данность.

«Homo mechanicus» как тип личности техногенного общества

Остановимся на основных характеристиках «homo mechanicus» подробнее.

1. Отсутствие собственных мыслей.

Мифы заполнили почти все сферы жизни современного человека, предлагая готовые ответы без аргументации на самые сложные вопросы, которые ставит перед собой человек. Их задача – не раскрытие истины, а успокоение человека, который не может жить без смысла. Миф «примиряет» его с окружающим миром. Популярность знахарей и гадалок обусловлена именно стремлением перенести ответственность за свою жизнь на другого. Сегодня можно утверждать, что мифы порождаются религией, наукой, СМИ, психологией («популярной» психологией и парапсихологией), образованием, построенными всецело на обслуживании государственной идеологии. Однако, какого бы происхождения ни был миф, результат один – нежелание мыслить, решать самому. Осознание того, что сложные вопросы могут быть разрешены только специалистами и что одного и того же набора мифов придерживается все общество, создает впечатление, что отдельный человек думает правильно.

Представляется, что панацеей от мифического сознания является критическое мышление. Научиться критически мыслить – научиться мыслить, анализировать, размышлять над информацией.

2. Технократическое мышление.

Технократизм становится глобальной характеристикой мышления и деятельности человека. Техника создает одномерно-количественный подход, и, функционируя в обществе, она многократно усиливает, размножает те стороны нашего мышления, которые являются односторонними, которые ориентированы на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию.

М. Хайдеггер пишет о таком мышлении, как «бегство от мышления», противопоставляя ему «осмысляющее раздумье». Он полагает, что «вычисляющее мышление» необходимо, но представляет собой частный вид мышления. «Его специфичность состоит в том, что, когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы берем их в расчет, исходя из определенной цели. Мы заранее рассчитываем на определенные результаты. Это рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером» [8, с. 21].

Итак, по М. Хайдеггеру, есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: «вычисляющее мышление» и «осмысляющее раздумье». Для «осмысляющего мышления» необходимы высшие усилия, длительные упражнения. М. Хайдеггер верит, что каждый может выйти в путь размышления по-своему и в своих пределах, потому что человек — это мыслящее, т.е. осмысляющее существо [8, с. 21].

Определяя черты «вычисляющего» (технократического) мышления, он называет: 1) строгую соотносительность с условиями существования; 2) целесообразность; 3) прогностический и прагматический характер; 4) калькуляцию; 5) связь не только с точным или естественно-научным знанием, но также и с гуманитарным. При таком способе мышления и возрастании роли техники человек отчуждается, превращается в технический элемент, деталь технической цивилизации.

В.П. Зинченко рассматривает технократическое мышление как мировоззрение, существенными чертами которого являются примат средства над целью, цели над

смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями современного мира, техники над человеком и его ценностями. «Существенной особенностью технократического мышления является взгляд на человека как на обучаемый программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций, а не как на личность, для которой характерна не только самостоятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельности. Технократическое мышление весьма неплохо программирует присущий ему субъективизм, за которым в свою очередь лежат определенные социальные интересы» [9, с. 19]. Он не соотносит его с мышлением ученых или техников, а считает прообразом искусственного интеллекта.

Не вызывает сомнения тот факт, что технизации современного общества способствует нынешняя система образования, которая является, по мнению М. Делягина, основным инструментом не только обучения, но в первую очередь воспитания молодежи, а следовательно, способом воссоздания себя в будущем. Но ведь на деле технократический подход к образованию, при котором на первый план выдвигаются задачи профессионального обучения молодого человека, ведет не более чем к подготовке квалифицированных специалистов, часто именуемых «однобокими функционерами». Система образования рассматривает человека не как самостоятельную личность, а как некий фактор, выполняющий определенные операции и процедуры.

«Системы образования по всему миру все в большей степени превращаются в средство подготовки максимально удобного для управления «человеческого полуфабриката». Этот «социальный материал» адаптирован к официальной пропаганде во всех ее видах и практически не способен к критическому восприятию авторитетных мнений, не говоря уже о самоорганизации ради защиты своих интересов», – констатирует М. Делягин [10, с. 106]. Способность к самостоятельному мышлению сведена к механическому перебору незначительного числа стереотипов. Неудивительно, что Европа, окончательно не растратившая свой порыв к подлинному знанию, воинственно настроена против Болонского процесса. Причина очевидна: ориентация на максимальную формализацию знаний при помощи унифицированной системы тестов существенно снижает качество знаний, стимулируя зазубривание и отучая студентов от самостоятельного размышления.

М. Делягин приходит к выводу, что разрушение системы образования не позволит готовить должное количество высокопрофессиональных специалистов даже для простого поддержания технологической инфраструктуры в работоспособном виде, а значит, приведет к разрушительным техногенным катастрофам [10, с. 106].

3. Подавление подлинной эмоциональности.

Технократизм разрывает связующее звено всех человеческих взаимоотношений, продуктов труда и творчества, он разрушает дух творчества, любви, радости, смысла жизни, заменяя его безличным повиновением, мертвыми социальными структурами, обезличенной властью и законами. В таком обществе нет места человеку, у которого еще осталась душа с вечными ценностями и подлинными эмоциями. Он вынужден подавлять свои эмоции как положительные, так и отрицательные. Его эмоциональная жизнь оторвана от реальности. В большинстве случаев человек вынужден работать на той работе, которая не соответствует его призванию, подавляет в нем творческую активность и превращает в функцию.

Маслоу утверждает, что в процессе самоактуализации человек испытывает пиковые переживания: чувство радости, печали, полноты жизни и т.д. Это и есть проявление подлинной эмоциональности. Ведь зачастую люди улыбаются, и не радуясь или делают грустный вид, не испытывая печали. «Номо mechanicus», подавивший свои собственные эмоции, вынужден имитировать эмоциональную жизнь, которая угодна

обществу. Кроме того, он имитирует эмоциональность для себя. В итоге люди имитируют самые разные чувства, полагая, что это и есть их настоящие чувства.

Человек подавляет в себе эмоциональность, но лишь на некоторое время. Чем дольше рациональное подавляет иррациональное, тем очевиднее, что второе вырвется наружу. Поэтому наше время – это время клипов, караоке-баров, ночных клубов, рок-концертов. Их основное назначение – создать настроение и дать выход накопившимся эмоциям и переживаниям.

Таким образом, современный человек пребывает в двух состояниях: либо безэмоциональном, либо предельно возбужденном, – не позволяющих ему достичь гармоничного единения со своей сущностью.

4. Имитационный характер жизни.

Современные исследователи часто критикуют технократическое общество за имитацию творчества, повторение того, чего достигли творцы прошлого. В подтверждение своей мысли, они апеллируют к факту, что «homo mechanicus» не может творить, он способен только выполнять программу. В интеллектуальном плане он следует программе общественного мнения, а в деятельностном – программе офисной машины. Будучи лишенным своих мыслей, он имитирует высокий интеллект, будучи лишенным подлинных чувств, он имитирует эмоциональность. В итоге подлинный талант, творчество которого не носит имитационный характер, не находит выражения и применения в обществе, так как общество игнорирует таланты, а приветствует посредственностей. Место творческих людей и гениев заняли имитаторы.

Подлинным примером сферы деятельности имитаторов являются социальные сети, где человекоподобные машины без собственных мыслей и настоящих чувств представляют человека. Российская исследовательница О. Николина пишет: «Теперь человеку для сохранения своей индивидуальности требуется гораздо больше усилий, чем в традиционной культуре. Доступность огромного количества информации, легкий способ общения с помощью Интернета порождают феномен растворения человека в информационном поле, где он утрачивает качества живого, подчиняясь логике информационной машины. Интернет строится на анонимности, человеческой бестелесности. Общение посредством компьютера порождает замену непосредственной коммуникации с другим человеком, способствующей раскрытию нашей индивидуальности и индивидуальности другого» [11, с. 128].

Анализируя необходимость творчества в современном обществе, М. Делягин приходит к пониманию, что «повсеместное распространение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательном применении логических умозаключений, а на озарениях, мышлении не тезисами, а образами» [10, с. 125].

Так как компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, то на долю человека выпадает недоступное компьютеру творческое мышление. Из этого следует, что конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ будет вестись на основе преимущественно творческого мышления. Соответственно, что наибольшего успеха в конкуренции будут достигать творческие люди и коллективы.

Несомненно одно: подлинное творчество – это способ самовыражения человека. Творческий труд, связанный с открытием, с созданием чего-то нового как в области науки, так и искусства, всегда индивидуален, во многом зависим от степени одаренности человека и не может быть сведен к простому труду. Продуктом творческого труда является не материальный или конечный интеллектуальный продукт, а новая художественная или научная идея, которая при “потреблении” не уменьшается, не изнашивается – она может только со временем морально устареть. То есть идея, раз

найденная в виде художественных произведений, научных открытий, изобретений и т.д., затем становится достоянием людей и служит людям, становясь их новым знанием.

Для понимания природы творческого труда и развития человечества, осознать, что творческий труд, создание новой идеи – это прерогатива человека, его уникальной мыслительной способности, и эту работу никогда не должна выполнять машина, даже самая умная. Дело в том, что это привело бы к созданию не машины, а искусственно созданного разумного существа, способного оперировать понятиями, что, разумеется, нецелесообразно и очень опасно для человечества.

И, наконец, продукт творческого труда создается его творцом не только для себя, для удовлетворения потребности в познании, творчестве и тщеславии, но и для удовлетворения высших нравственных потребностей, т.е. для удовлетворения потребности внести свой существенный вклад в развитие человечества и тем самым достигнуть духовного бессмертия. Таким образом, продукт творческого труда создается его творцом для людей, для всего человечества и тем самым для себя.

Однако «*homo mechanicus*» забывает о прекрасном, он не испытывает вдохновения от работы, для создания чего-то нового. Он не видит пользы морального, так как быть моральным становится бессмысленно для человека, являющегося частью технизированного «общества-машины». Вечные истинные законы морали и красоты, основанные на благе всеобщего, пошатнулись с приходом техногенной цивилизации и технократического разума. Наступило время глобальной деструкции и деконструкции человеческого сознания, в котором нет места культурным традициям, понятиям целостности человека и гармонии, определяющей смысл его бытия.

Заключение

Абсолютизация только научно-технической стороны жизнедеятельности людей, вера в ее безграничные возможности постепенно привели к пониманию того, что данный путь развития ведет в тупик, лишает перспектив. Впервые в истории человечества полнейшая трансформация человека, его природы и конституции становится возможной и технически осуществимой, что, несомненно, беспокоит умы современных исследователей и заставляет поднимать вопрос о выживании рода человеческого. В результате установления рациональных отношений с природой, не принимая во внимание морально-этических, нравственных, эстетических форм и способов познания, освоения и преобразования природы и социальной реальности, человек формируется как личность технократического типа – «*homo mechanicus*». Ряд ученых полагает, что человек может превратиться в придаток техники, утратить свои уникальные, собственно человеческие формы, глубинные черты своей сущности.

Перспектива подобного исхода жизни человеческой цивилизации как особой формы социальной организации, осознание негативных тенденций, получивших развитие ввиду ускоренной технизации, привели к пониманию того, что современная техногенная цивилизация переживает кризисное состояние.

Выход из сложившейся кризисной ситуации видится: 1) в осознании необходимости изменения приоритетов в шкале культурных ценностей. Так, В.М. Лейбин считает, что человек должен стать не столько разумным, сколько благоразумным. «Сочетание разума и блага в человеке и во имя человека – одно из основных условий разрешения противоречий между человеком и природой, сохранения природного богатства и становления человека подлинным человеком» [12, с. 138]; 2) в смене принципов измерений техники, ее критериев; 3) в преодолении технократической односторонности, т.е. «соподчинение сфер, при котором сфера технологий сохраняет свою изначальную служебную роль, роль средств,

и не узурпирует прерогатив целеполагания, антропологически ей не принадлежащих и не положенных» [6, с. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутырев, В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 63–67.
2. Кутырев, В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества) / В.А. Кутырев. – Смоленск, 2006. – 301 с.
3. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – М., 1994. – 274 с.
4. Дергачева, Е.А. Техногенное общество: новые грани исследования / Е.А. Дергачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.congress2008.dialog21.ru/.../05610.htm>. – Дата доступа : 27.04.2012.
5. Савкова, Г.В. Глобализация и ценности российского общества / Г.В. Савкова // Свободная мысль. – 2008. – № 11. – С. 79–90.
6. Хоружий, С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергической антропологии / С.С. Хоружий // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 11–31.
7. Гуревич, П.С. Кибернавт как символ глобального мира / П.С. Гуревич // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 139–153.
8. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер ; пер. А.Г. Салодовниковой с изд. Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen, 1959. – S. 11–28.
9. Зинченко, В.П. Аффект и интеллект в образовании / В.П. Зинченко – М. : Тривола, 1995. – 64 с.
10. Делягин, М. Между прогрессом и варварством / М. Делягин // Наш современник. – 2010. – № 9. – С. 105–115.
11. Николина, О. Метаморфозы индивидуальности в западной культуре / О. Николина // Свободная мысль. – 2009. – № 2. – С. 121–131.
12. Лейбин, В.М. Человек как глобально-уникальная проблема современности / В.М. Лейбин // Век глобализации. – 2011. – № 1(7). – С. 130–139.

Lisouskaya I.V. Homo Mechanicus: «Technogenic Transformation of Man»

The article analyzes the crisis of technogenic society, the primary attribute of which is absolutization of scientific-technical sphere of human life, belief in its boundless possibilities. The internally contradictory relationships between science and technology, man and technosphere, that turned the problem of an individual into one of the main problems of the present days, are revealed in the article. The objective of research is to disclose the essence of the individual of technogenic type («homo mechanicus») and the process of its formation. It is concluded, that technogenic society is capable to turn around against an individual. Scientific intellect demonstrated technical and theoretical power, and at the same time, illustrated moral and humanistic weakness. The crisis phenomena and contradictions of technogenic society made people face the problem of survival of mankind.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.05.2012

УДК 130.2

А.Б. Федорев

КУЛЬТУРА: К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Настоящая статья посвящена изучению феномена культуры, приближение к пониманию которого осуществляется при помощи экспликации ряда аспектов. Во-первых, затрагивается историко-этимологический аспект, рассматривается проблема происхождения понятия культура; во-вторых, за счёт исследования и классификации существующих определений понятия культура на ряд направлений (социологические, исторические, нормативные, психологические и др.) раскрывается теоретико-понятийный аспект; в-третьих, в рамках характерологического аспекта выявляются и иерархируются наиболее общие, основные черты культуры (культура – это совокупность норм; культура находит свое выражение в ценностях, правилах, обычаях; культура динамична и др.). В качестве завершающего выделяется синтетический аспект, состоящий в конструировании на базе полученных знаний синтетического определения исследуемого понятия. Культура для нас выступает как обусловленная генетически, возобновляющаяся, динамическая система надбиологических программ.

Введение

Цель настоящей статьи – приблизиться к пониманию сути такого явления (понятия), как культура. Для достижения поставленной цели нам необходимо решить ряд задач. Во-первых, обратиться к истокам данного понятия, его происхождения; во-вторых, установить основные подходы к определению понятия культура; в-третьих, выявить ряд характеристик данного понятия, сгруппировав которые предпринять попытку конструирования синтетического определения понятия культура.

Историко-этимологический аспект

Уже в античности понятие культура было вполне достоверно сформулированным. Таким является латинское «cultura» (от cultas – возделывание, уход, почитание, поклонение, от colere – возделывать, почитать: colo – colui – cultum – обрабатывать, возделывать, выращивать [1] от супина «cultum» происходит «Культура»). «Эдем – сад, возделанный Богом, Человек, изгнанный из рая, получил землю «невозделанную», «неокультуренную» [2]. Кровное родство терминов «культура» и «культ» вполне очевидно. Законным членом этой же семьи является и термин «окультурение» (лат. occultus – тайный, сокровенный). В греческом «paideia» (от греч. pais – ребенок, воспитание, культура) акцент несколько перенесен на введение человека в культурную жизнь общества, на «воспитание и образование», имеющее целью калокагатию (kalos – прекрасный и agathos – добрый) – «гармоничное сочетание внешних (физических) и внутренних (духовных) достоинств как идеал воспитания человека» [3]. Дж. Реале и Д. Антисери приводят следующий перевод для пайдейи – «формовка» [4, с. 299]. Слово «информация» также может быть интерпретировано в данном контексте: «ин» («в», «внутри») + «формация», «форма» (в некотором роде результат «формовки») – внутреннее содержание, состояние, характеристика структуры, т.е. результат пайдейи. Таким образом, пайдейя – это придание формы самому себе (*образование – создание образа, эйдоса*), лепка себя.

В древнем Китае термин «культура» является одним из центральных. В оппозиции термину Вэнь (культурность, цивилизованность, письменность, гражданственность и др.) находится термин Чжи – природная (стихийная,

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

матеріальна) основа как состояние, еще не достигшее упорядоченности, а с другой стороны – «военное начало», «воинственность» как состояние, разрушающее уже существующий порядок [5].

Теоретико-понятийный аспект

Сегодня понятие «культуры» одно из самых распространённых и неуловимых с ним приходится в той или иной мере сталкиваться исследователям всех современных направлений науки. В настоящее время известно более 400 определений данного понятия [6–8]. Всех их объединяет тот факт, что основным субъектом и объектом в них или ином случае в ней выступает человек. Определения могут быть классифицированы на ряд направлений.

1) *Социологические*, когда культура понимается как фактор организации общественной жизни, как совокупность идей, принципов, социальных институтов, обеспечивающих коллективную жизнедеятельность людей. Примером такого понимания может быть следующее определение: «Культура – это то, что определяет социальный аспект человеческой личности с точки зрения усвоенного и приобретенного поведения. Культура динамична, равно как и личность, принявшая данную культуру, и о ∞ они (как личность, так и культура) меняются под влиянием обстоятельств и времени» [9].

2) *Исторические*, когда акцент делается на то, что культура есть продукт истории общества и развивается путем передачи приобретаемого человеком опыта от поколения к поколению. Например, «культура есть результат совместной жизнедеятельности, и основными составляющими культуры являются четко очерченная группа людей и определенная история их существования. Культура определяет способы, с помощью которых различные общества стандартизируют и канонизируют одобренные нормы поведения, а также методы, с помощью которых общество выражает неприятие несоответствующих моделей поведения» [10].

3) *Нормативные*, согласно которым содержание культуры составляют нормы и правила, регламентирующие жизнь людей. Например, в словаре «Культурология. XX век» культура рассматривается как «совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученным формам человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира» [11]. В этот же класс можно отнести определение культуры как «системы знаний и норм для восприятия, представления, оценки и действия. Это система социально усвоенных моделей поведения, которая служит для взаимодействия людей с окружающим миром. Она развивается во времени и постоянно, хотя и медленно эволюционирует» [12].

4) *Психологические*. Основанием служит взаимосвязь культуры с психологией поведения людей, культура видится в качестве социально обусловленных особенностей человеческой психики. Например, «культура – это образ жизни, тот контекст, в котором мы существуем, думаем, чувствуем и общаемся друг с другом. Это тот «клей», который соединяет в одно целое группу людей. Это программа, заложенная с раннего детства, которая управляет поведением людей в обществе и помогает понять, что от них ожидается и что случится, если эти ожидания не будут оправданы. Культуру можно определить как идеи, обычаи, навыки, методы и приемы, характеризующие данную группу людей в данный период времени» [13].

5) *Дидактические*. Культура в них представлена как совокупность качеств, которые человек получает в процессе научения и которые не наследуются им генетически. Например, «культура состоит из идеалов, ценностей и представлений

о жизни, присущих людям и определяющих их поведение. Культура воспитывается и усваивается с детства и передается из поколения в поколение» [14].

б) *Антропологические*. Основным смыслом культуры видится в деятельности. Культура выступает как «совокупность результатов деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычаев, традиций), составляющих и обуславливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени» [15]. При таком подходе к пониманию культуры в ней суммируются ценности, нормы и системы символов какого-либо общества, которые отражаются в мышлении, представлениях, восприятии и особенностях поведения ее носителей.

Культурная антропология также имеет достаточно разработанную теоретическую базу определения понятия «культура». В. Гуднаф – один из наиболее известных представителей когнитивной антропологии – считает, что «культура – не материальный феномен: она не состоит из вещей, людей, поведения или эмоций. Это скорее форма организации всего этого. Это форма того, что люди подразумевают, это модель их восприятия и понимания, отношения и ее интерпретации» [16].

Противоположной точки зрения придерживается К. Гирц, для которого культура – не знание, закрепленное в сознании людей, а репертуар контрольных механизмов, т.е. «планов, способов, правил, инструкций», при помощи которых становится возможным управление поведением людей [17]. Обусловленное культурой знание манифестируется в соответствии с этим в межличностные интеракции. Слова понимаются как символы, с помощью которых передаются намерения и ожидания.

Кроме того, культура может пониматься и как чрезвычайно индивидуальный процесс познания символов и значений, который дает индивиду представление о тех или иных явлениях окружающего мира. Этот процесс, в котором предварительные знания и представления всегда играют важную роль, направляет развитие значений у каждого человека. Формирующиеся благодаря этому процессу значения влияют на следующий за ними опыт, который, в свою очередь, способствует новой интерпретации уже имеющегося значения. Таким образом, явления окружающего мира понимаются все время по-новому. Поэтому культура представляет собой «постоянно развивающееся восприятие мира, которое индивидуально и неповторимо» [18].

Иная точка зрения на сущность культуры выражена в работах Р. Кэрролла. Здесь также понятие «культура» соотносится с понятием индивида, однако трактуется как логика, в соответствии с которой индивид упорядочивает свой мир. Этими критериями упорядочивания являются такие социально значимые явления, как язык, жесты, принципы воспитания и оценки, которые не всегда осознаются, но латентно действуют во многих областях жизни человека. Наконец, одно из наиболее распространенных в современной западной культурной антропологии определений культуры принадлежит А. Крёберу и К. Клакхону, которые утверждают, что «культура может быть определена как все виды деятельности и их не физиологические результаты (продукты человеческих особей, не являющиеся безусловно рефлексивными или инстинктивными). Это далее означает, выражаясь языком биологии и физиологии, что культура состоит из условно-рефлексивных и приобретенных обучением видов деятельности, а также их производным продуктом. В свою очередь, идея обучения снова возвращает нас к тому, что является социально передаваемым, то есть передаваемым по традиции, что приобретено человеком как членом общества» [19].

Характерологический аспект

Для понимания столь многогранного явления необходим комплексный подход, заключающийся в выявлении и схематическом объединении наиболее общих его характеристик, тех четко сформулированных и выраженных в каждой из существующих

груп определений «граней», каждая из которых «показывает» специфику феномена культуры под только ей свойственным углом зрения.

Итак, феномен «культура» обладает следующим рядом характеристик, с помощью которых становится возможным конструирование интуитивного целостного представления о нём:

- основным субъектом и объектом в любом случае в культуре выступает человек;
- культура – это универсальное явление человеческой жизни, поэтому не существует ни одного человеческого сообщества или социальной группы без присущей им культуры;
- культура – это фактор организации общественной жизни, совокупность идей, принципов, социальных институтов, обеспечивающих совместную жизнедеятельность людей и её продукт;
- культура находит свое выражение в ценностях, правилах, обычаях, традициях;
- культура регламентирует жизнь людей, является совокупностью норм;
- культура не наследуется генетически, а усваивается с помощью научения;
- культура находит себя в совокупности не физиологических результатов человеческой деятельности;
- культура сохраняется и развивается посредством передачи от поколения поколению, является продуктом истории общества;
- культура – это социально обусловленный психический контекст, в котором реализуются идеи, чувства, действия и общение людей;
- человечество не является единым социальным коллективом, разные популяции людей создали разные этнические, региональные, социальные культуры;
- культура динамична, она способна к саморазвитию и самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям своего бытия;
- носителями культуры выступают отдельные личности;
- культура функционирует в качестве основания для самоидентификации общества и его членов, осознания ее носителями своего группового и индивидуального Я, различения «своих» и «чужих» во взаимодействии с другими культурами и народами [20, с. 71–72].

В последнее время всё большую популярность приобретает определение, данное В.С. Стёпиным. В своей книге «Теоретическое знание» он отмечает существование двух типов программ в жизнедеятельности людей: биологических (инстинкты самосохранения, питания, половой инстинкт и т.п.) и социальных, которые надстраивались над биологическими в процессе развития человечества. Первые передаются через наследственный генетический код, вторые хранятся и передаются в обществе в качестве культурной традиции. Т.е. речь идёт о культуре как о «сложноорганизованном наборе надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, программ, в соответствии с которыми осуществляются определенные виды деятельности, поведения и общения» [21, с. 82].

Все эти программы образуют сложную развивающуюся систему, в которой можно выделить три основных уровня. Первый – реликтовые программы, возникшие еще в культуре первобытного общества. И хотя они и потеряли ценность для общества новой исторической эпохи, но некоторые виды общения и поведения людей, обусловленные ими, так или иначе воспроизводятся (обычаи, суеверия и приметы).

Второй уровень представлен программами, воспроизводящими жизненно важные для данного типа общества формы и виды деятельности, определяющие его специфику. На третьем уровне вырабатываются программы будущих форм и видов деятельности и поведения, приводящие к изменению существующих форм социальной жизни.

Это знания, идеалы и принципы, разрабатываемые в настоящем, но представляющие собой образцы программ будущей деятельности, появляющиеся в результате поиска путей разрешения социальных противоречий.

Синтетический аспект

Так или иначе человек творит некий *неприрождённый* себе мир – искусственный мир, творимый – мир культуры. Культура есть некое воплощение в окружающей реальности специфически организованной структуры человеческого сознания, которая, в свою очередь, предопределена генетически. Тем самым под культурой мы будем понимать также абсолютный структурирующий фактор бесконечновозможностного мира. А в более общем смысле – *отношение* человека к миру как таковое. Культура есть следствие, результат «деятельности», существования сознания. Так же, как и сознание, ежесекундно обновляясь, существует только «здесь и сейчас», культура есть не просто мир созданный, а постоянно воссоздаваемый, *возобновляющийся* мир. Создавая, познаём мы культуру и окружающий мир. В этом, по нашему мнению, заключается генетически предопределенная демиургическая способность человека, креативность, способность создавать окружающий мир «по образу и подобию своему». Таким образом, культура выступает как обусловленная генетически, возобновляющаяся, динамическая система надбиологических программ.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что в понимании и определении такого многогранного феномена как культура наиболее эффективным является синтетический подход. Он позволяет сформировать, на наш взгляд, наиболее приемлемое и глубокое с философской точки зрения определение изучаемого явления: *культура – это обусловленная генетически, возобновляющаяся, динамическая система надбиологических программ.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. EUdict. Latin-English dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eudict.com/?lang=lateng&word=colo%20colui%20cultum>. – Дата доступа : 27.09.2011.
2. Ктони, М. Эзотерика основ культуры / М. Ктони. – Москва : Гуманитарий АГИ, 1995. – 336 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://jivuchest.agni-age.net/CULTURE/EKO/indexEko.shtml#eko_1. – Дата доступа : 8.09.2011.
3. Калокагатия // Great Encyclopaedic Dictionary к версии Lingvo x5 [Электронный ресурс] : словарь : по материалам изд-ва «Большая Советская Энциклопедия»: БЭС. – М., 1998.
4. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. ; пер. с итал. / Дж. Реале, Д. Антисери. – Т. 1 : Античность. – СПб. : Петрополис, 1997. – 336 с.
5. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VEN.html>. – Дата доступа : 27.09.2011.
6. Гуревич, П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 288 с.
7. Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М. : Логос, 1996. – 280 с.
8. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 415 с.
9. Hofstede, G. Culture and Organizations. Software of the Mind / G. Hofstede. – Maidenhead, U.K. : McGraw-Hill, 1991. – 279 p.

10. Walton, C.C. *The Moral Manager* / C.C. Walton. – New York : Ballinger Pub Co, 1988. – 457 p.
11. Левит, С.Я. *Культурология. XX век : словарь* / С.Я. Левит [и др.]; – СПб. : Университетская книга, 1997. – 640 с.
12. Fatehi, K. *International Management: A Cross-Cultural and Functional Perspective* / K. Fatehi. – Englewood Cliffs, NJ. : Prentice Hall, 1996. – 643 p.
13. Richard-Amato, P.A. *Multicultural Classroom, the Readings for Content-Area Teachers* / P.A. Richard-Amato, M.A. Snow. – New York : Addison Wesley Publishing Company, 1992. – 413 p.
14. Brislin, R.W. *Understanding Culture's Influence on Behavior* / R.W. Brislin // *Understanding culture's influence on behavior.* – 2nd ed. – Fort Worth, TX : Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 2000. – 496 p.
15. Тер-Минасова, С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие* / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 262 с.
16. Goodenough, W.H. *Cultural Anthropology and Linguistics* / W.H. Goodenough // In: Garvin, Paul (ed.) *Report of The Seventh Annual Round table Meeting on Linguistics and Language Study.* – Washington, D.C. : Georgetown University, 1957. – 9 p.
17. Geertz, C.J. *The Interpretation of Cultures* / C.J. Geertz. – New York : Harper Collins Publishers, 1973. – 470 p.
18. Kaikkonen, A. *Interkulturelle Kommunikation aus nordischer Sicht* / A. Kaikkonen. – München : Fink, 1991. – 158 s.
19. Kroeber, A.L. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions* / A.L. Kroeber, C. Klukhohn // *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University – 1952 – Vol. XLVII, № 1: The Museum.*
20. Персикова, Т.Н. *Межкультурная коммуникация и корпоративная культура : учеб. пособие* / Т.Н. Персикова. – М. : Логос, 2002. – 224 с.
21. Стёпин, В.С. *Теоретическое знание* / В.С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

Fedoreev A.B. Culture: on the Problem of Definition Classification

The article is dedicated to the studying of the phenomenon of Culture the approach to the understanding of which is done with the help of explanation of a number of aspects. Firstly, historic-ethimological aspect is touched, the problem of the origin of the notion Culture is considered; secondly, on the basis of the research and classification of the existing definitions of the notion Culture on a number of directions (sociological, historic, normative, psychological, etc.) theoretical conceptual aspect is exposed; thirdly, in the frame of characterological aspect the commonest main features of Culture (Culture is the aggregate of norms; culture finds its expression in values, rules, customs; Culture is dynamic, etc.) are taken down and hierarchised. An attempt is made to build on these data our own synthetic definition of the explored concept.

The data of the article can be useful for both Culturology Studies and sociocultural disciplines as well as for research in these spheres.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.04.2012

УДК 130.02:008:004

И.А. Фурса

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье определяется понятие профессиональной культуры личности; обосновывается необходимость нового понимания культуры личности в профессиональном ее аспекте с учетом актуальных трендов информационного общества – информатизации, глобализации, виртуализации, – оказывающих существенное влияние на характер современного социокультурного пространства. Базовая структура профессиональной культуры личности, переосмысленная через призму процессов системной социальной трансформации, приобретает новые черты (активность в самопознании, установка на саморазвитие, аналитическое и системное мышление, способность выбора альтернатив с учетом вариативности современной социальной среды, рефлексивность, саморегуляция, стрессоустойчивость, адаптивность, креативность и творческая направленность личности, высокий уровень информационной культуры и др.), которые при условии их включения в образовательную среду могут существенно повысить адаптационный потенциал личности, способствовать ее самоактуализации, формированию активной жизненной позиции.

Введение

Тенденции динамики современного социума таковы, что процессы компьютеризации, распространения новых форм коммуникации стимулируют переход общества на информационную стадию его развития. Информация как ценность, как продукт производства, как предмет труда занимает все большее значение в жизни любого общества. Несмотря на разный уровень темпа, что зависит от степени готовности к социальным изменениям, информатизация как процесс перехода к информационному обществу, условие его функционирования – явление актуальное для общественной жизни всех стран, в том числе и нашей. Поэтому невозможно игнорировать те требования к личности, в частности к ее профессиональной культуре, которые обусловлены протеканием информационных процессов в социуме. Системные изменения предполагают создание нового образа личности как ориентира для образовательной среды, отражающего синтез социальных инноваций и культурных традиций. Описание нового образа личности может осуществляться в терминах профессиональной культуры личности. Причем важно осмысливать идеи образования в понятиях культуры, так как это позволит перейти от технократического подхода, ранее всецело доминировавшего, однако оказывающего влияние на образовательные предпочтения и сегодня, к более продуктивному *социокультурному подходу*. Это означает, что личность, ее всестороннее развитие являются не средством, а целью, результатом.

Пронизывая все формы общественных отношений, информатизация способствует провозглашению особой ценности информации и знания, укреплению идеи непрерывного образования, упрочению элитарного статуса информированного профессионала. Д. Белл называет теоретическое знание стратегическим ресурсом, а социальные институты, ответственные за кодификацию и обогащение теоретического знания, – осевыми структурами грядущей цивилизации [1, с. 33–34]. Отрицательные стороны этого процесса в отношении личности заключаются в создании ситуации неопределенности, когда только полученных в учебном заведении знаний, умений и навыков всегда недостаточно для компетентного решения проблемной ситуации. Для решения такой задачи необходимы иные ресурсы, которые рационально рассмотреть

Научный руководитель – А.С. Лаптенко, доктор философских наук, доцент

в отношении к структурным компонентам профессиональной культуры. Задачей такого анализа будет определение путей уменьшения противоречий между объективными и субъективными факторами формирования профессиональной культуры, противоречий между идеальным образом, соответствующим в том числе и тенденциям общественного развития, и реальной моделью профессиональной культуры личности.

Для полного анализа понятия «профессиональная культура личности» необходимо раскрыть его слагаемые: определить ракурс рассмотрения феноменов, культуры, профессии, а также культуры личности.

Культура представляет собой фундаментальное понятие и имеет множество значений и определений, что демонстрирует емкость и сложность этого феномена. В самом общем смысле культура трактуется как многомерное явление, отражающее диалектику «материального» и «духовного». Культура может выражать процесс, результат, содержательный аспект человеческих отношений. С позиции предмета анализа в данном исследовании важно подчеркнуть некоторые характеристики культуры. Культура сопряжена с деятельностью человека. В этом смысле она всегда предметна. Специфика феномена культуры состоит в сочетании одновременно многообразия и целостного единства, что обеспечивает устойчивость этнического своеобразия и социодинамику культуры. Своеобразие культуры в определенной степени обуславливается особенностями конкретно-исторического этапа общественного развития. Обобщающим представляется определение В.С. Степина: «культура (лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование) – система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [11, с. 344].

Субъектом профессиональной культуры является личность, включенная в определенную область профессиональной деятельности. По меткому выражению А.С. Зубра, «человек есть мера культуры общества, а культура общества есть мера культуры личности» [2, с. 74]. В контексте данной работы актуально рассмотрение понятия в аспекте культуры личности. С этой позиции культура представляет собой определенный уровень общественного развития социального субъекта. Культура личности имеет своей отличительной чертой качественный параметр социальной, в том числе профессиональной, деятельности. Согласно представлению Г. Хофстеда, в отличие от природы человека, характеризуемой чертами наследуемости и универсальности, и индивидуальности, отмеченной как индивидуально-особенное наследуемое и приобретаемое образование, культура, выступающая по сути связующим звеном, представляет собой феномен приобретаемый и специфичный по отношению к определенной группе людей [14, с. 5–6]. В таком контексте понимание культуры и личности имеет общие черты, которые заключаются в возможности транслирования через эти системы как общего и единичного продуктов социальной памяти нации.

Известны различные подходы к описанию феномена культуры личности. Например, А.С. Зубра понимает культуру личности как процесс развития сознания и деятельности, «интегративное, человеческое свойство, формой существования (способ бытия) которого является организуемая сознанием деятельность». Культура личности включает в себя тело (телесное существо), психику (психическое существо), дух (духовное существо), социальный индивид (родовое существо) и может быть описана с помощью таких подсистем, как деятельность, сознание, культура тела, психологическая культура, духовная культура, социальная культура, визуальная культура [2, с. 36].

Н.Б. Крылова отмечает, что культуру человека можно охарактеризовать как выражение зрелости системы социально значимых личностных качеств, продуктивно реализуемых в индивидуальной деятельности (в данном случае – профессиональной), итог качественного развития знаний и интересов, норм деятельности [5].

Таким образом, исходя из сущности культуры личности, специфичной чертой возможной формы ее перспективного развития – профессиональной культуры – является ее качественная характеристика. Общая культура личности выступает основополагающей для становления профессиональной культуры.

Понятие профессии вполне однозначно определяется в различных источниках, чаще всего трактуется как социально значимый род занятий человека, его трудовая специальность. Например, «профессия является социально-технологическим [феноменом], который создан обществом для обеспечения своих материальных и духовных потребностей путем локализации его в определенном виде профессиональной деятельности и предназначен для производства определенного вида продукта» [7, с. 10].

В научной литературе можно найти различные ракурсы рассмотрения профессиональной культуры. Проанализируем данное понятие с содержательной стороны, которую отразит концептуальная модель профессиональной культуры личности, и динамической, что предполагает описание логики и механизмов профессионального движения личности от некой отправной точки к цели. Содержательная сторона профессиональной культуры раскрывается различно в зависимости от аспекта теоретического анализа.

Социологи при описании содержания профессиональной культуры личности используют понятия «труд», «общественные отношения», «профессиональная группа». По мнению Г.Н. Соколовой, профессиональная культура является видовым понятием по отношению к культуре труда, личностным аспектом ее развития [10, с. 30]. В своем исследовании В.Я. Кочергин приводит следующее определение: «Профессиональная культура – саморазвивающаяся система призванных социально-профессиональной группой функций специалиста (профессиональных ролей), норм и ценностей, регулирующих и направляющих процесс производственной деятельности, отношения между членами профессиональной группы с другими группами и общественными институтами, а также устанавливающих квалификационные критерии, образцы достижений и профессиональной мобильности» [4, с. 33–34].

Педагогический взгляд на сущность профессиональной культуры чаще всего предельно предметен. Педагоги показывают объем понятия «профессиональная культура» в тесной связи с конкретной профессиональной областью (профессиональная культура педагога, профессиональная культура врача и т.д.). В педагогических исследованиях наиболее распространена связь данного понятия с категориями деятельности, компетенций, качеств личности. Например, Н.Б. Крылова раскрывает понятие профессиональной культуры как «систему социальных качеств, непосредственно обеспечивающую уровень трудовой, профессиональной деятельности и определяющую ее личностное содержание, отношение к труду» [5, с. 56]. С.В. Лапина считает, что профессиональная культура – это «универсальная система, включающая профессиональные знания и ценности, которые в виде образцов и норм, принятых в конкретной профессиональной области, регулируют профессиональную деятельность» [6, с. 21].

Другой особенностью педагогических определений является их описательный характер, попытка определить содержание через перечисление его элементов. О.Г. Скворцова формулирует профессиональную культуру преподавателя вуза как «сложное системное образование, представляющее собой упорядоченную совокупность общечеловеческих ценностей, профессионально-ценностных ориентаций

и качеств личности преподавателя, универсальных способов познания и гуманистической технологии педагогической деятельности» [9, с. 13].

Философские исследования, посвященные проблематике профессиональной культуры, содержат наиболее обобщенные формулировки. При этом профессиональная культура рассматривается в широком контексте, обозначая канву для дальнейшего прикладного анализа. Профессиональная культура определяется как «единство профессионализма и культуры в человеческой деятельности» [3, с. 53]. Наиболее распространены формулировки профессиональной культуры как социокультурного явления, а также определенной степени освоения личностью культуры социальной и профессиональной среды. «Профессиональная культура – это социокультурное образование, проявляющееся на мировоззренческом, поведенческом уровне, характеризующее определенный способ профессиональной деятельности и выступающее как совокупность ценностей, норм, профессионально значимых качеств, мировоззренческих установок, а также степень их освоения личностью» [13, с. 12].

Можно выделить следующие подходы к определению содержательной стороны профессиональной культуры личности:

- структурный подход, который предполагает описание понятия как совокупности элементов и подсистем профессиональной культуры личности;
- функциональный, базирующийся на выделении общих и специфических для определенной профессиональной сферы функциональных задач;
- критериально-стадиальный, связанный с выделением уровней профессионального развития (предполагает генерирование критериев оценки, которые позволяют выявить уровень сформированности профессиональной культуры личности, готовности к осуществлению трудовой деятельности; каждому уровню соответствует система показателей, которые и составляют содержание профессиональной культуры).

Структура профессиональной культуры личности имеет тесную связь с внутренней семантикой культуры, а также моделью личности.

В самом общем виде структура культуры представлена в *нуклеарной концепции* А.И. Ракитова и включает ядро культуры и защитный пояс. Ядро культуры, как отмечает автор, «концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического, профессионального или религиозно-культурного целого». Ядро культуры – «социальная ДНК» – аккумулирует сформированные в течение длительного периода стандарты поведения, обычаи, традиции, базовые ценности, языковые структуры, отражающие уникальность и своеобразие конкретного культурного образца. Предназначение культурного ядра состоит в сохранении этого своеобразия и трансляции самоидентичности социума, что возможно только благодаря ее минимальной изменчивости [8, с. 21–27].

Ядро культуры содержит предельные основания, специфические смыслы, которые являются общими для всего человечества. Однако наряду с общим ядро культуры аккумулирует в себе и особенное, позволяет сохранять и транслировать культурные паттерны, обеспечивая национальное и этническое разнообразие, т.е. фиксировать специфические представления о мире, в частности, что важно для предмета нашего исследования, отношение к личности, труду, профессии. Такие общие и особенные предельные основания, образующие ядро культуры, представляют собой *мировоззренческие универсалии*, которые В.С. Степин определяет как «категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [11, с. 344].

Г. Хофстед, рассматривая культуру как коллективный феномен «программирования способов мышления» личности, считает, что ядро культуры составляют следующие элементы: ценности, ритуалы, герои (собираемые образы релевантной личности), символы. При этом важно расположение составляющих ядра культуры, которые представлены в каждой личности в рамках единой национальной группы имплицитно, редко осознаются, но проявляются в повседневной практике, способах деятельности. Ценности образуют наиболее прочное основание ядра культуры, символы, наоборот, представляют наиболее поверхностный слой [14, с. 7–10].

В то же время социальная среда, в особенности технико-технологические инновации современного социума, оказывает систематическое влияние на комплекс культуры, который вынужден реагировать и приспосабливаться к изменяющимся условиям. Адаптацию к окружающей среде обеспечивает *культурный защитный пояс*. Однако прямой поток новой информации стал бы весомой угрозой для сохранения самоидентичности культурного ядра, а значит, уникальности и самобытности конкретного этноисторического элемента. Поэтому защитный пояс выполняет функцию апробации внешних влияний и фильтрации неблагоприятной информации, представляющей угрозу разрушения системы [8, с. 21–27].

Таким образом, двухкомпонентная матрица обеспечивает стабильность и целостность уникальной идентичности и одновременно своевременную адекватную реакцию на системные изменения окружающей среды.

По сути нуклеарная модель А.И. Ракитова является *информационным образованием*, так как предполагает разноуровневый обмен информацией с варьируемой скоростью – несопоставимо более замедленной скоростью передачи / приема информации для ядра культуры, по сравнению с культурным защитным поясом и тем более окружающей средой, что позволяет поддерживать жизнеспособность всего комплекса [8, с. 21–27].

При этом исследователь отмечает негативное действие присущей ядру культуры сверхстабильности в периоды переломного цивилизационного развития, масштабных системных трансформаций в жизни общества, когда требуется особая чувствительность к происходящим переменам и возможность быстрого приспособления. Тогда ригидность ядра культуры может препятствовать своевременной адаптации личности к условиям изменяющейся среды. Такое препятствие может быть преодолено с помощью таких информационных механизмов, как общественное сознание и самосознание. «Первое, – уточняет А.И. Ракитов, – состоит в выработке знаний, адекватных внекультурной реальности, второе есть система знаний, ориентированных на осмысление внутрикультурных когнитивных информационных процессов с целью их оценки на адекватность действительности и поиска механизмов их радикальной трансформации в случае, когда отсутствие необходимой адекватности превращает ядро культуры в адаптационный тормоз, ставящий под угрозу существование социума. В последнем случае можно говорить о культурном сверхиммунитете...» [8, с. 21–27].

Таким образом, важно обеспечить развитие, параллельное динамике окружающей среды, не нарушая в то же время отличительной индивидуальности культурного ядра. Информационным механизмом, способным оказать наиболее последовательное и системное влияние на общественное сознание и соответственно самосознание, для выполнения этой задачи является образовательная среда.

Общая структура профессиональной культуры личности, определяемой как качественное комплексное образование, которое отражает специфику области профессиональной деятельности и включает когнитивный, аксиологический, мотивационный, технологический, личностный (комплекс профессионально значимых личностных качеств) компоненты, рефлексивную компетенцию и профессиональный

опыт, развивающиеся на основе общей культуры личности, подвергается новому осмыслению в свете системных трансформаций, которые переживает общество в последние десятилетия. По сути, речь идет о системе кардинальных воздействий на предельные основания, составляющие ядро культуры. Сделаем попытку выделить наиболее существенные из них, прослеживая при этом характер влияния на культуру личности в профессиональном ее аспекте.

1. С приближением исторического времени к современности происходит увеличение объемов производимого и накапливаемого знания / информации (срабатывает так называемый закон экспоненциального роста знаний) и в целом происходит ускорение темпов развития общества. *Интенсификация информационных потоков* есть следствие *бурного развития техники и технологии*, постоянного усовершенствования средств сбора, хранения и распространения информации. С одной стороны, возрастание информационной обеспеченности является благом для развития отдельного человека и общества в целом: происходит не имеющий в прошлом прецедентов рост интеллектуального капиталов человечества. С другой стороны, возникает проблема эффективности управления возрастающими потоками информации. Не случайно в качестве важнейшей компетенции некоторыми авторами рассматривается умение работать с информационным потоком, грамотно анализировать и отсеивать недостоверную информацию. Вследствие ускорения темпов общественного развития возникает необходимость подготовки личности к создавшимся условиям быстро изменяющейся социальной среды, а также неуклонному сокращению времени на увеличение объема знаний (в том числе и научных). Для эффективного функционирования в такой среде человек вынужден быть как бы постоянно на шаг впереди; уверенно распознавая ближние горизонты, принимать решение ранее, чем наступит необходимость экстренных мер. Другими словами, возникает потребность в максимально интенсивном, *опережающем развитии личности*.

2. Особенность современного мирового порядка состоит в постоянном *расширении масштабов межкультурного взаимодействия*. В условиях глобализирующегося общества все культурные традиции подвергаются конвергенции и вынуждены в каком-то смысле сопротивляться полному нивелированию и потере самобытности. Неоднократно высказывались идеи как о целесообразности приведения всего человечества к единому культурному знаменателю, так и антиглобализационные мысли о приоритетности сохранения культурной уникальности каждого региона, каждого народа. В этом вопросе до сих пор не найдено приемлемого компромиссного решения. Однако очевидно, что личность в таких условиях должна быть толерантной, обладать особыми качествами *полиязычности и мультикультурности*.

3. Современные достижения цивилизации, подарив человечеству смысл прогресса, обусловили неизбежность *роста глобальных проблем*, прежде всего экологического характера, которые требуют на сегодняшний день немедленного решения. Наиболее удачный вариант решения проблемы известен уже давно. Еще в 30-х гг. XX в. в трудах В.И. Вернадского получила развитие концепция ноосферы, в дальнейшем приведшая научное сообщество к необходимости формирования у молодого поколения ноосферного сознания – особой формы мышления, объединяющей (по А.М. Бутовскому) экологическое сознание, гуманистическое сознание, вселенское сознание, самоопределение личности как ноосферного человека. Предполагается, что именно *экологическое сознание*, будучи четко сформировано, способно привести человек к возможности удовлетворения своих потребностей без ущерба природе.

4. Наиболее значимой чертой, характеризующей *состояние политических процессов* в современном обществе, является его *демократизация*. Как социально-политический процесс демократизация включает в себя различные параметры, однако

для развития личности наиболее важным является программное требование демократического общества, касающееся расширения возможностей политического и социального выбора. Для личности во все времена проблема выбора являлась особой дилеммой, характеризующей сущность исключительно человеческого бытия. В. Франкл отмечал, что «у человека можно отнять все, кроме одного – его последней свободы: выбрать свое отношение к любым данным обстоятельствам, выбрать свой собственный путь» [12, с. 75]. Сложность реализации своего права на личный выбор в современных условиях заключается в многообразии основной и дополнительной информации, влияющей на решение, увеличении «фоновом шума» (неконтролируемые интернет-публикации, компетентность которых нередко сомнительна, лоббирующие скрытые интересы материалы средств массовой информации и т.д.), что увеличивает риск дезинформации при анализе возможных альтернатив, необходимых для осуществления выбора. Человек должен быть готов к осуществлению выбора в условиях вариативной социальной среды, осознавать важность личного выбора для всего общества, а значит, и свою ответственность за него. Вероятность осуществления верного выбора многократно возрастает при *высоком уровне информационной культуры личности*, который предполагает наличие развитых умений обрабатывать различного рода информацию, отсекал лишнее и выделять главное; аналитических навыков; качеств ответственности, социальной и личностной зрелости, самостоятельности и объективности.

5. *Экономика* испытывает влияние тех же базовых тенденций информатизации, глобализации и виртуализации, что вызывает структурные изменения в сфере занятости, а также динамике рынка. Для большинства развитых стран сегодня характерными являются сокращение неквалифицированного труда и рост высококвалифицированного умственного труда, преимущественно в сфере информационных технологий. Причем динамическое развитие экономики стимулирует *рост конкуренции среди высококвалифицированного персонала*, что, с одной стороны, приводит к постоянному развитию отдельного профессионала, а значит, и общественному прогрессу, с другой – к растущей потребности в непрерывном профессиональном совершенствовании (обучении, повышении профессиональной квалификации, переквалификации). Важным здесь является как осознание личностью *необходимости непрерывного развития*, так и наличие условий для этого развития. Особо следует выделить условие академической и профессиональной мобильности, которое вне сомнений способствует повышению личностного и профессионального потенциала, в полной мере реализует идею выбора, однако из-за наличия различных барьеров, имеющих в современном социокультурном образовательном пространстве, пока еще не вполне реализуемо.

Заключение

Несмотря на обозначенное разнообразие способов описания профессиональной культуры, можно обнаружить черты явления, которые красной нитью проходят через все аспекты научного знания о данной проблеме и формируются в наиболее яркие характеристики профессиональной культуры личности. Сформулируем характеристики личности, значимые для формирования и развития информационной культуры:

1) особенности познавательной сферы личности: активность в самопознании и саморазвитии, четко выраженная установка на саморазвитие, конкретно сформулированные мотивационные жизненные установки, значительные интеллектуальные способности, аналитическое и системное мышление, способность выбора альтернатив с учетом вариативности, неопределенности современной социальной среды;

2) особенности личностного развития: саморегуляция, стрессоустойчивость;

3) поведенческие характеристики и деловые качества: направленность на задачу, высокий уровень развития организационных способностей, адаптивность, креативность и творческая направленность личности;

4) компетентности: техническая – достаточный уровень владения компьютерной техникой; технологическая – достаточный уровень владения информационными технологиями, программными продуктами; информационная – способность критически анализировать информацию, отбирать социально и личностно значимую из всего массива доступной информации, отфильтровывать информацию с соблюдением принципов информационной безопасности личности.

Таким образом, изменяющиеся под влиянием процессов информатизации основы функционирования общества трансформируют модель профессиональной культуры личности. Идеал непрерывного образования требует от личности сформированной установки на самообразование, мотивацию к непрерывному обучению. Информационный кризис обуславливает необходимость рефлексивной компетенции как внутренне присущей личности характеристики. Однако не каждый человек способен уловить и осмыслить тенденции мирового развития. В большинстве случаев осознание себя происходит в пределах ближайшей, чувственно воспринимаемой среды. Это означает, что векторы развития профессиональной культуры личности должны быть заданы, заложены в образовательную среду, что не будет гарантировать неременную обусловленность профессионально-личностного становления социокультурными детерминантами, однако с большей вероятностью создаст предпосылки для успешного результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 2004. – 788 с.
2. Зубра, А.С. Педагогические основы формирования культуры личности студента высшей школы / А.С. Зубра. – Минск : НИО, 1995. – 160 с.
3. Игнатов, В.Г. Профессиональная культура и профессионализм / В.Г. Игнатов, В.К. Белолипецкий. – Ростов-н/Д., 2000. – 251 с.
4. Кочергин, В.Я. Профессиональная культура и социальные технологии / В.Я. Кочергин. – Минск : БГЭУ, 2007. – 178 с.
5. Крылова, Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста / Н.Б. Крылова. – М. : Высшая школа, 1990. – 142 с.
6. Лапина, С.В. Культура профессиональной деятельности / С.В. Лапина, Г.Ф. Бедулина. – Минск, 2007. – 111 с.
7. Модель, И.М. Профессиональная культура предпринимателя / И.М. Модель, Б.С. Модель // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 10–15.
8. Ракитов, А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России / А.И. Ракитов // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 14–34.
9. Скворцова, О.Г. Профессиональная культура преподавателя вуза: управленческий аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / О.Г. Скворцова; Новосиб. гос. акад. экономики и управления. – Новосибирск, 2003. – 20 с.
10. Соколова, Г.Н. Труд и профессиональная культура / Г.Н. Соколова. – Минск, 1980. – 140 с.
11. Степин, В.С. Культура / В.С. Степин // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд-во В.М. Скаун, 1998. – С. 344.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

13. Черницкий, О.А. Профессиональная культура российского офицера (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / О.А.Черницкий; Воен. ун-т радиац., хим. и биол. защиты. – М., 2001. – 19 с.

14. Hofstede, G. Cultures and organizations: software of the mind / G. Hofstede. – London, 1991. – 306 p.

Fursa I. Transformation of the Maintenance of Person's Professional Culture: Judgement of Tendencies of an Information Society

In the article the concept of person's professional culture is designed, the concept maintenance is defined; necessity of modernization of the maintenance of person's culture for its professional aspect taking into account actual trends of an information society is proved: information, globalization, virtualization, making essential impact on character modern social and cultural space. Base structure of person's professional culture, being it is rethought through a prism of processes of system social transformation, gets new lines (activity in self-knowledge and self-development, installation on self-development, analytical and system thinking, ability of a choice of alternatives taking into account variability of the modern social environment, reflexivity, self-control, a resistance to stress, adaptability, the creative orientation of the modern social environment, reflexivity, self-control, a resistance to stress, adaptability, the creative orientation of the person, high level of information culture) which under condition of their inclusion in the educational environment can essentially raise adaptable potential of the person promote its self-actualization, formation of an active vital position.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.03.2012

УДК 347.193.4

Ю.К. Шталикова

УНИВЕРСАЛИЗМ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ИМПЕРИЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Империя – универсальное для истории цивилизации явление, потому весьма логично, что существуют дефиниции, позволяющие выделить в идеальном типе империи признаки, которые были бы свойственны каждой существовавшей в истории имперской системе независимо от времени ее существования, места, обстоятельств, в которых она функционировала. Известно большое количество классификаций системных признаков империи в российских и зарубежных исследованиях. Они в чем-то повторяют друг друга, изредка авторы увеличивают количество атрибутов империи, подчеркивая интересующий момент. Мы предполагаем, что необходимый минимум атрибутов империи, наделяющий ее свойством универсальности, может быть сведен к трем основным: большому пространству, имперской идеи (идеологии) и поликультурности (полиэтничности).

Империя – универсальное для истории цивилизации явление, потому весьма логично, что существуют дефиниции, позволяющие выделить в идеальном типе империи те принципы, которые лежали бы в основе любой существовавшей в истории имперской системы независимо от времени, места, обстоятельств, в которых она функционировала.

Д.М. Фельдман, говоря об имперском типе политической организации общества, выделил следующие его черты: «обширная территориальная основа; сильная централизованная власть; стремящиеся к экспансии элиты; асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией; разнородный этнический, культурный и национальный состав; наличие общего политического проекта, стоящего как бы над интересами конкретных групп» [1, с. 56]. Анализ Д.М. Фельдмана – это попытка предложить составные элементы империи как явления. Но весьма неясной остается характеристика отношений между центром и периферией как отношений асимметричного господства и подчинения.

С. Переслегин, обоснованно полагая, что игроками на «мировой шахматной доске» [2, с. 690] являются только империи, предложил следующие их черты: 1) осознанная и отрефлектированная ассоциированность с одной из самостоятельных геополитических структур («Америка для американцев»); 2) на ее территории существует один или несколько этносов, соотносящих себя с данным государством; 3) хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность в форме господствующей идеологии; 4) у государства наличествует определенное место в мировой системе разделения труда; 5) государство смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, иными словами, оно способно ответить на вопрос, зачем оно существует [2, с. 690]. Относя к «обобщенным империям» только США, Японию, Китай, приравнивая к ним Европейский союз и Россию, С. Переслегин оперирует, как мы видим, только психолого-этническим, экономическим и цивилизационным критериями, что не может быть достаточным.

М.Б. Смолин утверждает, что империя – это высшее состояние государства, рождающееся из иерархии человеческих союзов (семьи, рода, сословия) и перерастающее свои национальные границы как проект государственного и культурного объединения для внешних народов [3]. Действительно, в состав империи бывают включенными как завоеванные территории и народы, так и те, кто добровольно принял тот идеал человеческого общества, которым живет сама империя. В империи

Научный руководитель – О.А. Романов, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

как особой форме государственно-территориальной организации как ни в какой другой присутствует сущность монархического начала в понимании Л.А. Тихомирова – верховная власть нравственного идеала [4, с. 77].

Считается, что классическое определение империи принадлежит Ш.Н. Айзенштадту, который предложил собственную типологию политических систем. Три из семи выделенных разновидностей исследователь относит к империям. Это патримониальные империи (державы Карла Великого), империи кочевников и «централизованные исторические бюрократические империи» [5, с. 41]. Айзенштадт называет в их числе древние Египет и Вавилон, Китай в промежутке между династиями Хань и Цинь, персидское государство Сасанидов, эллинистические царства, Рим, Византию, Индию времен Гуптов и Моголов, Османскую империю, наконец, европейские колониальные государства эпохи абсолютизма (Россия в этом списке отсутствует). Основным признаком, позволяющим говорить об имперской природе столь различных государственных систем, Айзенштадт считает частичную автономизацию сферы политического. Парадоксально, что именно эта частичная автономизация сферы политического, по мнению Айзенштадта, может в то же время стать главной угрозой, приводящей к гибели империи. Концепция Айзенштадта подвергалась острой критике именно за стремление вычленивать отдельные действующие факторы имперской системы.

Российский исследователь Г.С. Кнабе называет следующие принципы устройства империй: 1) Возникновение в результате военного покорения и/или экономического или политического подчинения одним народом других. 2) Включение покоренных (подчиненных) народов и территорий в государственную структуру, единую с народом, вокруг которого и под чьей эгидой эта структура образуется. 3) Иерархический принцип организации возникшей таким образом структуры – дифференциация ее населения с точки зрения права, гражданства, доступа к военной добыче, льготам и преимуществам, направленная на достижение основной цели империи – извлечение выгод для народа, ее создавшего, за счет народов, в нее включенных. 4) Высокая роль армии, вообще военного элемента, с одной стороны обусловленная необходимостью обеспечить принудительное осуществление обозначенной выше основной цели империи, а с другой – создающая особую эстетику, особый идеологический имидж имперской государственности. 5) Этническая, национальная, историческая разнородность составных частей империи в сочетании с иерархическим принципом и с эстетизацией военного господства обычно вызывает обострение национальных чувств, а в тенденции – придание им агрессивного или vindикативного характера, развитие комплексов национальной неполноценности или, напротив того, национального величия и исключительности. 6) Тяготение империи к личной власти, завершение иерархии, образующей как бы пирамиду, венчающую эту пирамиду Правителем, который воплощает в их взаимодействии военную власть и сакрально-идеологическую санкцию иерархического, но также и правового бытия империи» [6, с. 75–76].

Л.С. Гатагова, обстоятельно проанализировав особенности постановки темы империи в российском социально-политическом дискурсе последних лет (в первую очередь публицистическом, и лишь отчасти – в научном), системными признаками империи называет следующие. «Во-первых, сакральный характер власти, обычно осуществляемый без посредничества промежуточных – между правителем и народом – органов и учреждений. Во-вторых, экспансия, как неизменная интенция и как «modus vivendi», и ее следствие – размеры, масштабы территории (при этом ядро государства может быть совсем небольшим, приращение обеспечит экспансия). В-третьих, наличие центра и периферии (окраин, провинций) либо метрополии и колоний. В-четвертых, полиэтничность и доминирующий (над всеми остальными, отнюдь не всегда численно) этнос или группа этносов. В-пятых, общая идеология (ею может быть и религия,

не обязательно исповедуемая большинством населения). В-шестых, претензии на мировое значение, а то и на мировое господство» [7, с. 338].

Приведенные классификации в чем-то повторяют друг друга, изредка авторы увеличивают количество атрибутов империи, подчеркивая интересующий момент. Мы предполагаем, что необходимый минимум условий империи может быть сведен к трем основным: большому пространству, имперской идеи (идеологии) и универсализму (поликультурность, полиэтничность). Указанные компоненты присущи каждой империи, как традиционной, так и модернизированной.

Для первого условия важны отношение центра и периферии и вопрос о границах. Территория каждой империи должна быть существенно большей по сравнению с территорией обычного государства для данного макрорегиона. Именно это обстоятельство имел в виду Дж. Мэрриотт, связывая размеры империи с грандиозностью ее миссии: «Нельзя, разумеется, ставить величие в прямую зависимость от величины. Тем не менее величина территории – неотъемлемый элемент идеи империи. Государство может быть маленьким, например, не больше Гамбурга; но «маленькая империя» есть терминологическое противоречие» [8, с. 28–29]. Основу имперской системы во многом определяет территориальный комплекс, характеризующийся способностью к расширению. Оно производится двумя важнейшими способами – внутренней колонизацией и внешней экспансией, которые тесно связаны между собой.

Империя предполагает доминирование чужеродного государства (ядро) над местным обществом (периферия): ассирийская империя сосредотачивалась вокруг городов Ашшур, Ниневия и Калах, располагавшихся в Северной Месопотамии, в то время как имперские владения простирались от Средиземного моря до Персидского залива. Центр Римской империи находился в Италии, а территории простирались по всему Средиземноморью. Санкт-Петербург и Москва составляли ядро Российской империи, в то время как провинции, располагающиеся от Финляндии до Дальнего Востока, выступали в роли периферии. Различие между ядром и периферией наиболее явным было во французской, британской, испанской, голландской, германской и португальской империях. Ядром каждой из них выступало соответствующее национальное государство, а периферией – большей частью заморские владения.

Адекватная ротация элит и доступ всех национальных элит к распределению ресурсов – залог прочных связей между центром и периферией. Границы империи имеют тенденцию всегда расширяться благодаря экспансионизму. При контроле за формами экспансии и начале военной ее стадии только при реальной необходимости империя гарантирует себе долгое и стабильное существование. Политико-территориальное устройство империи основывается на специфическом сочетании самых разнообразных принципов территориальной государственной организации. В устройстве империи соседствуют и сочетаются элементы унитаризма и федерализма, централизации и децентрализации, автономии и местного самоуправления, конфедерализма и протектората.

Имперское единство всегда в какой-то степени проблематично и должно достигаться посредством использования не только сугубо политико-правовых средств, но и идеологических инструментов, включая мифологическую идею сакральной всемирной державы, которая в идеале может охватывать весь окружающий мир. Поэтому империя рассматривается как высшее состояние государства, вырастающее из иерархии человеческих союзов, перерастающего свои национальные границы и объединяющего под одной, единой верховной властью различные этносы и народы, государства и политико-территориальные образования.

Очень часто оформление территориального комплекса сопровождается параллельным процессом формирования еще одного необходимого компонента

имперской системы – имперской идеологии (так было в Византии, Российской империи). Идеологи империи темпераментно отстаивают духовную, а вернее, идеологическую суть империи. Если вывести за скобки империи древности (Ассирийскую, Персидскую, Римскую на первом этапе ее существования), то начиная с эпохи монотеистических религий империя – это Идея [9, с. 34].

Идеология империи создается, как правило, на начальном этапе ее становления, когда правящей элитой имперского ядра формируется комплекс установок идеологического характера. Имперская идеология предстает в роли великого проекта, имеющего цивилизационные масштабы, а в перспективе, с учетом выполнения имперской цивилизаторской миссии, получает всемирное значение. Именно она создает предпосылки для экспансии и тем самым для возникновения империи, а не наоборот. Причем в качестве идеи может выступать не только религиозная идея (как в Российской империи), но и, например, представления об идеальном государственном устройстве (Британская империя).

Государство Александра Македонского стало развиваться в сторону империи, когда великий полководец дополнил завоевания новых территорий внутренней политикой мирного сосуществования народов, но империей не стало в связи с отсутствием объединяющей людей духовной среды, складывающейся вокруг общего вероисповедания. Мы видим в истории, что империи только тогда состоялись, когда их скрепляли единство веры, общие духовные ценности. Если общая идея отсутствовала, то империи просто не было, а если империя существовала, то только при условии, что была объединена общими религиозными верованиями, даже древними.

При определенных обстоятельствах духовной средой, скрепляющей многообразие народов и культур, все же могут на некоторое время становиться и светские идеологические постулаты, как произошло в СССР – марксистско-ленинская идеология обладала в определенный период даже некоторыми чертами религии. А поскольку это дополнялось конкретными действиями по собиранию «разрушенного здания империи» [10], то о существовании российской государственности в форме советской империи говорить уместно и правильно.

Имперская идея (миф) является ярким отражением универсализма имперской системы как таковой. Империям свойствен своеобразный универсализм, использование в легитимации власти культурных образцов, не сводимых к традиционным основам. Все высокие культуры, начав становление в рамках отдельных этносов, дошли до высшего развития именно в имперских универсальных государствах. (Вот именно поэтому сегодня все чаще слышны призывы, что ради возвышения культурного духа общества идею империи в ее классическом понимании необходимо реабилитировать и попытаться сделать вновь вдохновляющим социальным проектом).

Большинство авторов считают наиболее характерной особенностью Римской империи ее универсализм. Сочетание универсализма с изоляционизмом и сакрализацией общественно-государственной жизни было свойственно и другим имперским традициям. Более того, можно утверждать, что любое государственное образование, где налицо три указанные выше составляющие (территориальная протяженность, имперская идея, универсализм), при сколько-нибудь благоприятных внешних обстоятельствах превращалось в империю. Все эти черты были присущи, в частности, Древнему Египту, Персии и, конечно, китайской имперской традиции, которую можно считать классической имперской традицией, параллельной римской и практически равнозначной ей. «Римской империи удалось совместить культурный универсализм и политический изоляционизм и реализовать их в своей практике» [11]. Она и на самом деле стала полиэтнической, достигла положения, при котором этнические различия не имели никакого политического значения. «Политический порядок парил над этническим

разделением, подобно тому, как у нас цивилизация парит над национальными границами и не является поводом для шовинизма» [11]. Сама идея универсализма империи уходит корнями в эпоху эллинизма. Греческие философы, особенно стоики, делали акцент на понятии человеческой общности, причастной к всемирному разуму. Для стоицизма с его доктриной универсальной системы природы второстепенные различия между людьми представлялись не имеющими значения. Под впечатлением от завоеваний Александра Македонского стоики подчеркивали всемирную миссию греческой цивилизации, являвшейся, по их представлению, воплощением человеческой цивилизации вообще и занимавшей территорию цивилизованного мира, за пределами которой царит варварство. Позднее именно греки, начиная со II века до н.э., стали отождествлять Римское государство с цивилизованным миром, полагая, что завоевания римлян реализуют единство цивилизованных народов. Целью Римской империи, как и оправданием ее существования, считалось установление мира, порядка и справедливости. Под влиянием этих идей понятия «весь мир» и «империя» стали тождественны.

После того как Константин Великий перенес свою резиденцию из Рима в Византию, императорская власть перестала быть связанной с городом, создавшим ее. Благодаря этому идея римской монархии стала более универсальной, поскольку, утратив свой территориальный центр, она продолжала существовать не только по историческому праву, но и, так сказать, естественным образом, как часть мироздания, которое не может быть поколеблено изменением внешних условий. Отныне идее Римской империи не могло причинить ущерб даже падение самого Рима.

На самом деле будучи многоэтнической, т.е. охватывающей весь мир, все языки, «Римская империя превратилась в формацию, где этнические различия не имели никакого политического значения» [11]. Весь цивилизованный мир как бы встраивался в единые имперские рамки и отгораживался от всего внешнего.

Модель многонациональной и подчиненной единым законам – империи, упорядочивающей, подчиняющей единому принципу жизнь разноязычных народов, стала образцом и для Византии [12, с. 26]. Безусловно, объединяющим началом Византии стало православие, и именно эта имперская идея объединения правильной верой, правильным прославлением Бога стала принципом преодоления разделения на языки, этносы, культуры в единой империи.

Единство империи не механическое, но сложносоставное, органическое, охватывающее совокупность государств. В самом способе воплощения своего принципа империя достигает единства именно на такой основе. Если, к примеру, нация порождает или ставит себе задачу сформировать собственную культуру, то империя охватывает разные культуры. Если нация ищет путь сближения между народом и государством, то империя объединяет различные народы. Ее общий закон – автономия и уважение к различиям. На высшем уровне империя видит себя объединяющей, но без подавления, все разнообразие культур, этносов и народов. Она созидает целое так, что оно оказывается крепче, чем автономные части. Империя в большей степени опирается на сами народы, чем на государство, она ищет их объединения в сообществе судьбы без сведения к идентичности [13].

Имперский принцип призван примирить единство и множественность, универсальное и частное. Юлиус Эвола определяет империю как «сверхнациональную организацию, единство которой не дает распасться до уровня этнической и культурной множественности все то, что она объемлет» [14]. И добавляет: имперский принцип позволяет «возводить множество разных этнических и культурных элементов в принцип высший и предшествующий их проистекающему только из чувственной реальности различий» [14]. Речь идет не об уничтожении различий, но об их интеграции.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бабурин, С.Н. Империя как состояние государства / С.Н. Бабурин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n4_05/tema405/bab405/. – Дата доступа : 02.02.2012.
2. Переслегин, С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Переслегин // Классика геополитики, XIX век : сб. материалов / К. Королев. – М. : АСТ, 2003. – С. 680–701.
3. Смолин, М. Апология русского империализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rpnr.ru/rnp/autors/smolin/smolin_001.htm. – Дата доступа : 02.02.2012.
4. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – М. : Библиотека Сербского Креста, 2004. – 512 с.
5. Eisenstadt, S.N. Empires / S.N. Eisenstadt // International Encyclopedia of the Social Sciences / By David L. Sills and Robert K. Merton. – Vol. V. – N.Y., 1968. – S. 40–49.
6. Кнабе, Г.С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр / Г.С. Кнабе // Закат империй : семинар. – 1991. – № 4. – С. 74–77.
7. Гатагова, Л.С. Империя: идентификация проблемы / Л.С. Гатагова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Г.А. Бордюгов. – М. : АИРО-XX, 1996. – С. 332–353.
8. Каспэ, С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С. Каспэ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 256 с.
9. Рибер, А. Сравнимая континентальные империи / А. Рибер // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. – М. : Новое издательство, 2004. – 384 с.
10. Лопухин, А.П. Законодательство Моисея. Суд над Иисусом Христом. Вавилонский царь правды Аммураби / А.П. Лопухин. – М., 2005. – 328 с.
11. Лурье, С.В. Империя как судьба [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svlourie.narod.ru/iks/iks-p1-01.htm>. – Дата доступа : 05.05.2011.
12. Лурье, С.В. Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи / С.В. Лурье // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.) : II Петербургские Кареевские чтения по новистике, 22–25 апреля 1997 г.: крат. содерж. докл. / С.-Петербург. гос. ун-т ; отв. ред. Б.Н. Комиссаров. – СПб., 1999. – С. 26–29.
13. Бенуа, де А. Идея империи (Геополитика постмодерна) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://geopolitica.ru/Articles/535/>. – Дата доступа : 05.02.2012.
14. Эвола, Ю. Языческий империализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.com.ua/books/6/882n1.html>. – Дата доступа : 22.01.2012.

Shtalikova Y. Universalizm as Way of Development by the Empire of Sociocultural Space

In the article the author analyzes an empire phenomenon as universal for history of a civilization, in which the definitions are inherent, allowing allocating in ideal type of the empire signs, which would be peculiar to each imperial system existing in the history irrespective of time of its existence, a place, circumstances, in which it functioned. There is a large number of classifications of system signs of the empire of the Russian and foreign researchers, they in something reflect each other; occasionally authors increase quantity of attributes of the empire, emphasizing its moment. We assume that the necessary minimum of attributes of the empire, allocating with its property of universality, can be reduced to three basic: to big space, imperial idea (ideology) and polyethnicity.

Рукапіс паступиў у рэдкалегію 11.07.2012

УДК 316.722

И.С. Ярошевич

ВЛИЯНИЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА НА КУЛЬТУРУ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается философия постмодернизма как специфического мировоззрения, сложившегося в Западной Европе во второй половине XX века; выделяются характерные особенности проявления идей постмодернизма в литературе, архитектуре и живописи. Цель настоящей статьи – выявить характер влияния тенденций данного течения на духовное развитие как отдельной личности, так и общества в целом. В противовес деструктивным принципам мысли и творчества, установке на абсолютную свободу и тотальный релятивизм, провозглашаемым представителями и последователями постмодернизма, предложена ориентация на высшие духовные ценности, истина которых способна оздоровить духовный облик эпохи.

Человека во все времена заботила проблема мировоззрения, смысл его бытия и предназначение, поиск истины и высших ценностных ориентиров, а сегодня перед мировым сообществом особенно остро обозначились базовые вопросы Добра и Зла. То или иное решение этих вопросов имеет принципиальную практическую значимость для каждого отдельного человека и для всей человеческой цивилизации, так как это есть вопрос уже не только нашего отношения к миру, но и возможности нашего дальнейшего существования и развития. К концу прошлого века ясно обозначился кризис в философской мысли, литературе и искусстве, кризис человеческой культуры в целом.

Культура и искусство неразрывно связаны с развитием общества. Состояние культуры и искусства какой-либо эпохи способно пролить свет на общее духовное развитие общества, позволяет наглядно представить духовный облик каждой исторической эпохи. По произведениям искусства можно судить не только о жизни и быте людей своего времени, но и об идеалах эпохи, о ценностях и стремлениях людей. Культура и искусство могут стать мощным инструментом как разрушения, так и наоборот, сопротивления злу. Если обратить внимание на развитие искусства с античных времен до наших дней, то со второй половины XX века явно прослеживается тенденция к его деградации, примитивизации и вульгаризации. Современное искусство разочаровывает. Это уже давно не встреча с прекрасным и не стремление к высшим идеалам и ценностям. Начало XX столетия перевернуло все представления о прекрасном и вечном, о низком и безобразном, о том, что можно, а что нельзя. Декадентство в культуре, литературе и искусстве стало прозой наших дней.

Цель настоящей статьи – выявить характер влияния тенденций постмодернизма на духовное развитие как отдельной личности, так и на культуру современного общества в целом. Для достижения поставленной цели предполагается: 1) рассмотреть само понятие «постмодернизм», определить условия возникновения специфического умонастроения, выделить его основное философское содержание; 2) раскрыть и проанализировать основную специфику проявления идей постмодернизма в литературе, архитектуре и искусстве.

Сегодня искусство – это общее явление, объединяющее все виды художественного творчества и в то же время отделяющее их от других видов человеческой деятельности. Так было не всегда. В древнем мире и в средние века деятельность в области искусства была неотделима от религии, познания и нравственной

Научный руководитель – А.А. Бородич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

жизни. В Греции Пифагор и его последователи не разделяли искусство, точное знание и принципы религиозно-нравственного воспитания человека. Начиная с эпохи Возрождения формируется представление об искусстве как об относительно автономной и самоценной области человеческого творчества, индивидуальность отдельных художников приобретает все большую роль, а каноны Блага, Красоты и Истины, которые всегда лежали в основании эстетических идеалов человечества, становятся необязательными. К концу XX века Европа сама лишила себя глубины смысла, величия мысли, встречи с прекрасным в великих творениях литературы и искусства. Безусловно, свою роль сыграли здесь и декартовский рационализм, и протестантская этика, и идеология Французской революции. А когда революционный проект крушил русскую православную жизнь, прокламировал совершенно новые параметры культуры и, громил прежде всего христианскую этику, человек стал продуктом социальных условий, и поведение его главным образом стало определяться лишь социальными условиями, а поэтому и нет абсолютных добра и зла, морали и нравственности [1]. Но «если Бога нет, то все позволено» (Ф.М. Достоевский).

Так, в ходе техногенного пути развития общества в эпоху нарастающей власти капитала со второй половины XX века в Западной Европе в условиях отхода от христианских ценностей на логике научного атеизма трудами группы французских философов (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Барт, Ю. Кристева и др.) начинает формироваться особое умонастроение, специфическое течение – *постмодернизм*. В современных условиях процесс этот охватил почти все мировое сообщество, затронул все сферы литературы и искусства, но в зависимости от культурного наследия и силы влияния традиций движется более быстрыми темпами в одних странах и медленнее в других. Постмодернизм (фр. *postmodernisme* – «после модерна») представляет собой специфику мировоззренческих установок современной культуры, возникшей в условиях религиозно-философского вакуума и тотального релятивизма, связанной прежде всего с идеей абсолютной свободы от всего и во всем, абсолютной свободы образа жизни и самовыражения. Сегодня уже можно говорить о постмодернистском сознании как о господствующей идеологии, особое внимание которой направлено на борьбу с моралью, нормой и традицией, с понятием истины и ценности [2]. Абсолютная свобода индивида в любых ее проявлениях становится этическим идеалом эпохи постмодерна. Постмодернизм не признает научных картин мира и объективных законов природы, более того, ставит под вопрос само существование смысла в современных условиях, считая, что центральным методологическим понятием становится *деконструкция* (термин *деконструктивизм* в конце XX века ввел в философский оборот французский философ Жак Деррида). Разрушая и размывая общую картину мира, деконструктивизм сначала появляется в литературе, потом распространяется на изобразительное искусство, а в конце 80-х годов прошлого столетия наиболее ярко проявляется в архитектуре.

Деконструктивизм в архитектуре – это конфликт между формой и смыслом. Приверженцы нового метода стремятся отказаться не только от эстетики и красоты, но и от функциональности. Рушатся старые глубинные принципы создания архитектурных сооружений: тектоники, равновесия, линий вертикали и горизонтали. Польза, прочность и красота не интересуют деконструктивистов. Взамен мы получаем фрагментацию, децентрализацию, криволинейность, случайность, а в итоге – обилие острых углов, наклонные стены, хаотично разбросанные по фасаду перекошенные окна и двери, беспорядочно выступающие части конструкций, иррационально созданные пространства. И если здания строили на века, то эти новые сооружения еще должны пройти испытание временем, но одного архитекторы-постмодернисты достигли определенно – ощущения полного беспорядка и хаоса, гротеска и бессмыслицы.

Так появляются Институт солнца в Германии, постройки Фрэнка Гери, Даниэля Либескинда (автора музея Холокоста в Германии), жилые дома Эрика Мосса и т.д.

Под влиянием теории психоанализа Фрейда в 1920-х годах во Франции возникло новое направление в искусстве – *сюрреализм* (фр. *surréalisme* – «сверхреализм»; сюрреальность – совмещение сна и реальности), идеологом и основателем которого стал писатель и поэт Андре Бретон, а главным воплостителем его идей явился Сальвадор Дали. Девиз сюрреалистов – освобождение от разума, эстетики и полная бессмысленность; основная тематика – эротика, ирония, образы подсознательного, мистика, смерть. Чтобы достичь глубины своего подсознания, сюрреалисты нередко работали под воздействием гипноза, алкоголя, наркотиков, голода или тесных лаковых туфель (Сальвадор Дали). Выплескивая на полотна свои страхи, ночные кошмары и порождения больной фантазии, сюрреалисты искажали знакомые образы до чудовищного вида. «Венера Милосская» предстала в виде шкафа с ящичками, части тела человека или животного существуют отдельно, перекошенные уродливые лица и явно дьявольские образы. Если это не клиника, то что? Дали и сам признавал, что нездоров еще с детства, но явно поспешил объявить себя гением. Вероятно, ошибся в точке отсчета. Безусловно, можно отстоять мысль о том, что нездоровое в мире существует и существовало всегда, но проблема не в этом. Проблема в том, что мерзость творчества Дали и ему подобных получила широкое признание масс. Что это – деконструктивизм в мировоззрении людей? Обычная дань модному течению? Упадок нравственности и обмельчание человека? Или простое любопытство к чему-то «такому», необычному и новенькому? Несомненно, кому-то мир Дали – родной мир. Он может быть близок тому, кто узнает в его полотнах собственные патологические ощущения, видения и желания. Но есть еще целый мир психически здоровых людей, простых обывателей, которые и являются основными потребителями бессмысленности и на которых зарабатывают профессиональные дельцы. Вот только современное «искусство» к Искусству не имеет никакого отношения. Оно имеет отношение к деньгам. «Искусство» постмодернизма провокационно, иначе и быть не может: это единственное условие его существования. И вот человек, провозглашенный мерой всех вещей, старается изо всех сил изобразить нечто такое, что шокировало бы. В результате мы видим нечто абсурдное, гротескное, вызывающее отторжение. Что сегодня происходит с обществом, если публика бурно аплодирует сочинениям К. Пендерецкого и ему подобным; как так вышло, что многим оказались близки, к примеру, идеи и сюжеты таких, как Ф. Бэкон и Д. Херст; кого духовно обогатил, например, черный квадрат Малевича? Почему депрессивный психологический фон искусства постмодернизма у многих вызывает восторг? Ирония даже не в том, что сегодня страдающие расстройствами психики взялись за перо и кисти и воплощают в жизнь свое больное воображение или развращенную натуру, и даже не в том, что они имеют возможность выставить свои «труды» напоказ. Большая ирония заключается как раз в том, что общество это принимает, все это успешно продается и всему этому с энтузиазмом аплодируют.

В произведениях литературы постмодернизма мир предстает в разорванном виде, отчужденным от человека, лишенным смысла, упорядоченности и закономерности. Используются специальные приемы, с помощью которых создается преднамеренный повествовательный хаос. Автор, текст и читатель превращаются в единую сферу, в рамках которой разыгрываются игры письма. Интертекстуальность наделяет текст практически автономным существованием и способностью прочитывать историю. В рамках этой концепции происходит «смерть индивидуального текста», растворенного в явных и неявных цитатах (роман-цитата французского писателя Жака Ривэ «Барышни из А» (1979), написанный исключительно цитатами – 750 цитат, заимствованных у 408 авторов). Все это имеет ярко выраженный ироничный характер. Автор высмеивает

произведения классической литературы с их канонами литературного мышления и письма. «Автор постмодернистического романа издевается над наивностью читателя, его ожиданиями, стереотипами его литературного мышления, его верой в рациональность бытия» [3, с. 7]. Но понятие интертекста смогло возникнуть лишь тогда, когда была допущена сама мысль об автономии текста: текст перестали соотносить с историей и, главное, с его автором, с авторской психологией и авторским замыслом. Так интертекстуальность позволила Р. Барту объявить «смерть автора» (Р. Барт. Смерть автора, 1968), т.к. в самой глубине субъективности нет никакого «я» (Ж. Делез). Нам предлагают отказаться от веры в существование мыслящей человеческой личности. «Автор умер», – вслед за Бартом провозгласили постструктуралисты (Ю. Кристева, Ж. Делез и др.), а вместо личности автора обнаруживается интертекстуальность как некое виртуальное пространство, в котором перекликаются, проникая друг в друга, тексты прошлого, настоящего и будущего. Теория текста больше не принимает во внимание интенцию автора, для нее нет никакого значения, что именно хотел сказать автор, когда опирался на тот или иной текст. Интертекстуальность (от лат. *intertexto* – «вплетать в ткань») подрывает монолитный характер смысла литературного текста, вводя инородные элементы. Отсылая читателя к уже сформировавшимся значениям, она изменяет однозначность смысла, нарушая линейный характер чтения. Сам термин *интертекстуальность* был введен в 60-х годах XX века французским постструктуралистом Юлией Кристевой, но общей четкой теории интертекстуальности нет до сих пор. Каждый, и Кристева в том числе, толкует ее применительно к своей философской и методологической позиции. Самым общим и самым первым определением интертекстуальности можно считать определение, принадлежащее школе Барта – Кристевой, где под интертекстуальностью понимается свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами [4, с. 19]. И. Смирнов определяет интертекстуальность как способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты [5, с. 12].

Поскольку в основе текста лежит косвенное письмо, то истолкование скрытого смысла становится необходимым условием понимания текста. Интертекст может представлять собой маскирующий покров, т.е. косвенный способ выражения в условиях, когда речь несвободна, а к читателю невозможно обратиться напрямую. Читатель или слушатель в данном случае выступает в роли интерпретатора скрытого смысла. Одним из основных средств интертекстуальности является *аллюзия* (от французского слова *allusion* – «намек»), под которой понимается фигура интертекста, состоящая в ассоциативной отсылке в виде скрытого или явного намека к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности [6, с. 127]. Основу генерирования смысла составляет переключение из одного текста в другой, а поскольку аллюзия вводится в текст без метатекстуальных ремарок и каких-либо других ксенопоказателей и так как автор текста рассчитывает на определенную интертекстуальную компетенцию реципиентов, то расшифровка аллюзии как интертекстуального приема предполагает наличие у автора и читателя некоторых общих фоновых знаний, порою весьма специфических. В случае использования аллюзии реципиент неизбежно превращается в участника текстовой игры. Так, посредством аллюзии как своего рода игрового приема можно сказать многое, ничего не говоря, т.е. донести свою мысль иносказательно. Интертекст в таком случае может превратиться и в орудие селекции, с помощью которого проводится граница между целевой аудиторией, способной распознать приемы интертекстуальности, и теми, кто, возможно, даже не заметит того напряжения, которое создает само наличие межтекстового следа, и не поймет намека. Прием аллюзии широко используют политики, особенно в предвыборных публичных речах. Показательными являются примеры аллюзии, которые ярко иллюстрируют практическое воплощение

теории социал-дарвинизма, элементами которой пользуются, например, сторонники милитаризма: «Across the generations we have proclaimed the imperative of self-government, because no one is fit to be a master, and no one deserves to be a slave. Advancing these ideals is the mission that created our Nation. It is the honorable achievement of our fathers. Now it is the urgent requirement of our nation's security, and *the calling of our time*» [7]. Стремление навязать другим демократию по-американски любым путем и любыми средствами Билл Клинтон и Джордж Буш младший называют «звон нашего времени». А может это все же больше похоже на «звон предков», о котором говорит Джек Лондон в своей повести, может это намек на «первобытный закон жизни»? Следующие строки из повести еще больше приближают именно к этой мысли: «Милосердия первобытные существа не знали. Они его принимали за трусость. Милосердие влекло за собой смерть. Убивай или будешь убит, ешь или тебя съедят – таков первобытный закон жизни». А поскольку в природе господствует закон необходимости, то все становится допустимым, если это необходимо для выживания и самосохранения. По естественным законам допустимо любое преступление, любое зло. Похоже, что именно так и поступали Билл Клинтон, а затем и Джордж Буш. Похоже, именно этот звон слышался им и именно на этот звон стремились ответить они, оправдывая военные действия в Ираке. Показательно и то, что в своем выступлении Билл Клинтон даже воспользовался словами из повести Джека Лондона: «From this joyful mountaintop of celebration, we hear a call to service in the valley. We have heard the trumpets. We have changed the guard. And now, ...with God's help, we must answer the call» [8]. Здесь главная функция неатрибутированной аллюзии заключается в открытии нового в старом. В данном отрывке публичного выступления президент Дж. Буш младший преднамеренно использует элемент текста из повести с целью вызова соответствующих ассоциаций, направленных на выявление связи двух контекстов, которая ведет как к обогащению содержания нового текста, так и к изменению объема значения самой аллюзии и новому смысловому наполнению текста-реципиента. Поскольку в США умение красиво и убедительно говорить на публике всегда было обязательным условием успеха в политической карьере, там и отработали приемы риторики «на публику». Но так как американцы в массе своей нация не читающая, то связь двух контекстов установит не каждый. Тем не менее, речи и выступления американских политиков (во всяком случае, до сегодняшнего дня) доставляют истинное удовольствие американскому обществу, для которого интерес к политике перерос в предмет величайшего наслаждения, к тому же доступного всем для обсуждения, что создает ощущение причастности к решению политических проблем. Сегодня гражданам предлагается ряд политиков «на выбор». Политический деятель – это актер, и судить о нем аудитория будет по качеству «игры» [9, с. 421–424].

Посредством стилизации и пародии искажаются и десакрализируются лучшие образцы великих произведений литературы и искусства. Но интертекст исторически эволюционирует: память и кругозор читателей меняются со временем, и корпус референций, общих для данного поколения, становится иным в течение нескольких десятилетий. Все происходит так, словно тексты обречены на то, чтобы становиться нечитабельными, или, по меньшей мере, они утрачивают свой смысл по мере того, как их интертекстуальность утрачивает внятность. Что останется будущим поколениям от Книги, от любого произведения некогда «вечной» классики после того, как над ним поработают современные «писатели-постмодернисты»? О Книге (классической, традиционной) Натали Пьеге-Гро говорит следующим образом: «Книга – объект, который совершает действия связывания, развития, прядения и течения... Это объект, испытывающий ужас перед пустотой. Благодатные метафоры Книги – это ткущая ткань, текущая вода, перемальывающаяся мука, дорога, по которой кто-то идет, завеса, которая что-то приоткрывает и т.п. Метафоры, противостоящие Книге, предполагают

некий сооружаемый предмет – предмет, который мастераят из разрозненных материалов. В первом случае перед нами «прядение» живых, органических субстанций, чарующая непредсказуемость спонтанно возникающих верениц; во втором – удручающая стерильность механических конструкций, холодный скрежет машин (это тема трудолюбия). Ибо за этим неприятием дискретности очевидным образом кроется миф о самой Жизни: Книга должна литься, потому что, в сущности, несмотря на целые века интеллектуализма, критика по-прежнему считает, что литература должна быть спонтанным, безвозмездным занятием... Писать – значит делать так, чтобы слова струились в русле повествования – этой необъятной разновидности непрерывного. Не суметь «рассказать» свой сюжет – это для Книги самоубийство... Словом, чтобы быть Книгой, чтобы покорно следовать своей «книжной» сущности, книга должна или литься наподобие повествования, или вспыхивать, как всполох света. За пределами этих двух способов существования начинается посягательство на Книгу, весьма неприглядное прегрешение перед чистоплотностью «Словесности» [10, с. 217]. В работе же интертекста – мозаика, калейдоскоп, головоломка, лоскутное одеяло, письмо, напоминающее сборку деталей или бриколаж. В этом эстетика интертекстуальности.

Современные произведения стали обладать самой настоящей властью над более ранними, предваряя их восприятие будущими поколениями. После Марселя Дюшана некоторым нелегко представить себе «Джоконду» без ее провокационных усиков. Стоит заметить, что обновленная «Мона Лиза» теперь в музее. Таков почерк постмодернистов – не создавая ничего нового, иронизируют и насмеваются над великими творениями прошлого, оправдывая себя тем, что обо всем уже сказано. В ответ им можно было бы заметить, что если нечего сказать, то лучше помолчать. Есть еще один запасной ход у тех представителей постмодернистов, которых не совсем устраивает тот факт, что им нечего сказать. Так, например, выставив на всеобщее обозрение обычный парижский писсуар, подписав его «Фонтан», тот же Дюшан с интересом наблюдает за реакцией общественности. Но люди в общей массе таковы, что, если нужно что-то увидеть в писсуаре кроме него самого, они увидят, и смысл найдут, и идею со сверхидеей. Сделают вид, что увидели, поняли, оценили. Как же быть с теми, кто не воодушевился и духовно не обогатился? Тем просто укажут на непонимание и плоскость мышления, на устарелость взглядов и крайнюю несовременность. Так с рождением мифа о концептуальном искусстве диковинные образцы заняли свои места в музеях современного искусства и в частных коллекциях тех, кто может себе позволить столь недешевое удовольствие наслаждаться «великими идеями современных гениев» (хотя Дали и заметил однажды, что, если вы не умеете рисовать, это еще не говорит о вашей гениальности).

Может неумение рисовать и не говорит о гениальности, но художником сегодня зваться может каждый. Главное – придумать что-нибудь особенное (творчески подойти к делу) и задать установку на концептуальность. Наиболее честно и с наименьшими затратами, но явно «со вкусом» получилось, похоже, у итальянского «маэстро» Пьеро Мандзони, который, наполнив 90 консервных баночек собственными фекалиями по 30 г. каждую и подписав на четырех языках «дерьмо художника», в 1961 году явил миру свое произведение искусства в Galleria Pescetto (Albisola Marina), выставив для продажи по цене 30-ти г. золота за каждую, и получил художественные премии по всему миру. Так, возникший в середине 60-х годов XX столетия в Англии и США концептуализм (от лат. *conceptus* – «мысль», «представление») очень скоро стал ведущим направлением современного искусства. Концептуалисты, сосредоточившись на предметном мире, утверждают, что главная цель художника – создание идей, тогда как форма может быть выполнена любым ремесленником. По представлениям концептуалистов, главное – передать ощущение. Акцент переносится с произведения искусства на его восприятие.

При этом коренным образом меняются отношения художника и зрителя. Концептуальное искусство иронично. Оно иронично как само по себе, так и по отношению к зрителю, объявив, что художник и зритель превращаются в соавторов (не лестно ли для последних). Происходит какая-то дебилизация общей картины мира. Одни раскладывают по баночкам фекалии, другие собирают «великие творения» в залах современного искусства, третьим удается купить шедевр. Одни абсолютно свободны творить что вздумается, другие свободны сделать свой выбор. И эти абсолютно свободные индивиды пребывают в младенческом сознании и в эйфории от свободы, а на самом деле не сознают, что являются рабами своей плоти и гордыни. «Абсолютно поработанные нации, свободные помочиться там, где тут же захотелось, но неспособные на согласие по вопросам своего прошлого, настоящего и будущего. А значит, неспособные осознать ни свои национальные интересы, ни задачи своей истории, то есть цели и ценности исторического бытия, которые невозможны без осознания себя, как народа в Боге» [1]. Только вот концептуальное искусство – это то же «новое платье короля», все как в сказке, только гораздо печальней.

Понимаем ли мы опасность распространения идей постмодернизма и того влияния, которое оно оказывает на умы современных людей и на формирование современной культуры в целом? Ясно ли мы осознаем, с чего началось такое настроение в обществе и к чему оно способно привести? Мыслящие и наблюдательные люди видят происходящие перемены и ощущают беспокойство, а иногда и беспомощность перед реалиями сегодняшнего дня. «Похоже, мы начинаем терять культуру, а теряя культуру, мы теряем нашу идентичность и, следовательно, будущее страны, ее, скажем так, «духовную обороноспособность» [11, с. 6]. Общество, как никогда ранее, дезориентировано. Людям постоянно внушают, что все нормально, что, по меньшей мере, странные продукты современной культуры и искусства – все это признаки здорового, демократического общества. Но не следует обольщаться. Недостаток общей культуры и образования, потеря ценностных ориентиров, отсутствие внутреннего стержня и воли, а нередко и простое любопытство делают его пассивным потребителем низших образцов субкультуры, сформированной главным образом на базе личных пороков и психических расстройств ее представителей. Человек духовно гибнет, занимаясь щекотанием нервов, удовлетворяя свое любопытство в залах музеев современного искусства. Но здесь необходимо отметить тот факт, что искусство постмодернизма несомненно является одной из важнейших составляющих в системе изменения общественного мировоззрения, в формировании определенных взглядов и вкусов. Ведется активная и последовательная работа над созданием человека бездуховного, безнравственного, неспособного самостоятельно формировать свое мнение, стремящегося удовлетворить свои самые низменные потребности и интересы, человека пассивного и легко манипулируемого. С помощью философии постмодернизма и под маской свободы творчества проводится отлично спонсируемый идеологический проект. Подготавливается почва для формирования общества-массы, которое не будет думать, согласится с чем угодно и примет что угодно. Потому и нужна постмодернистам и деконструктивистам свобода абсолютная. Им она необходима для того, чтобы объявить равночестными зло и добро, уровнять красоту и уродство, правду и ложь; для того, чтобы отправить в свободное плавание любые желания, чтобы не просто самим «выйти из шкафа», но и пополнить свои ряды.

Демократическое общество и права человека: что стоит за «священными коровами» сегодняшнего дня? Некоторый свет способен пролить шизоанализ. Он то и оказал огромное влияние на формирование нового направления, так называемого *философского маргинализма*, чему мы обязаны работам французских философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Именно они вывели теорию маргинальных групп, согласно

которой эти группы признаются первичными по отношению к любым видам коллективности. Мир желаний, в котором все возможно, – это мир шизофренического опыта, а художников Делез и Гваттари называют «клиницистами цивилизации». Мало того, нам предлагается не быть лишь безразличными созерцателями творений состоявшихся шизофреников, но и самим заглянуть «туда», создать психическое расстройство, чтобы и у нас появилась возможность мыслить этим опытом. Лишь самому став немного алкоголиком, немного безумцем, можно говорить об алкоголизме Фитцджеральда и Лоури, о безумии Ницше и Арто [12]. Но это ли не то же самое, что сунуть голову в огонь? «Не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время» (Еккл. 7:17)?

Западноевропейская культура формировалась на основе духовных взглядов Западной Римской империи, а западноевропейское средневековье, как известно, с VIII по XI века представляло собой эпоху полного варварства. Славяно-русская культура берет свое начало из Византии и развивается на базе особого типа духовной культуры, сформировавшегося в Восточной Римской империи на основе духовного наследия Отцов Церкви. Так выработался особый тип православной культуры. «Искусство для искусства» не согласуется с русской мыслью. В самом строе и духовной направленности русской культуры центральное место всегда было детерминировано основными идеями и принципами православного мировоззрения, в понимании картины мира через призму православия, в стремлении к горнему. Но болезнь эпохи постмодерна, вирус которой зародился в западной Европе, беспрепятственно распространяется на все мировое сообщество, во все уголки планеты. «Эта новая культура будет очень тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже XX века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных...» [13]. И хотя приспособление и уравнивание начались еще с десятого века, со времени отпадения христианского Запада от христианского Востока, сегодня процесс этот набирает особую силу. Все, конечно, делается во имя «толерантности» и «в интересах мира» между людьми и народами. Только мира становится все меньше, потому как Истина не поддается уравниванию с полуистиной и ложью. Это и есть сущность новой эпохи, современности, модернизма и теперь уже постмодернизма, как видит и понимает это Запад. Для Восточной Церкви нет ни старого, ни нового времени с тех пор, как Слово воплотилось, а все такое же одинаково истинное, независимо от условий и конъюнктур. Понятно, почему сегодня говорят, что наряду с экологическими, экономическими, демографическими проблемами планетарного масштаба наблюдается явный кризис и в культуре, литературе и искусстве. Но что означает само слово *кризис*? Кризис – слово греческого происхождения и означает «суд». Суд! «Ныне суд миру сему» (Ин. 12, 31). До настоящего времени европейские народы употребляли слово *суд* вместо слова *кризис*, когда их постигало какое-нибудь несчастье. Старое слово заменили новым, понятное – непонятным. Когда была засуха, говорили: «Суд Божий», война – «Суд Божий», наводнение или землетрясение – «Суд Божий», т.е. кризис от засухи, кризис от войны, наводнения, землетрясения и т.д. Сегодня финансово-экономические, экологические, демографические и другие проблемы называем не судом, а кризисом, чтобы проблему прикрыть непониманием. Суд было понятным словом, известна была и причина, по которой пришла беда, следовательно, известен был и судья, допустивший беду, известна была и цель. Причина настоящего кризиса всегда одна и та же – богоотступничество людей, а современным грехам – современный кризис. Опрокинуты столы менял по целому свету, как некогда в Иерусалимском храме. Стоит задуматься.

Наталья Нарочницкая называет современную культуру Запада и отчасти отечественную атеизированной и полностью дехристианизированной культурой,

утратившей нравственное целеполагание. Такая импотенция культуры происходит как результат того, что у современного индивида стерлась грань между Добром и Злом. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5), но еретический мир сотнями способов искажил эту мысль до противоположности: все сегодня делается без мысли о Боге. Вся современная культура является противодействием Творцу. Этот бунт завершается в наши дни так, как написано: «...Называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1:22). Проявились две характерные особенности современной культуры: низость и грубость. И где нет Бога, там больше низость и грубость. Ложь и насилие в полном триумфе. А человек, отринувший Творца, в своем сознании перестает отражать красоту богоданного мира. Сознание творческого человека, утратившего связь с трансцендентным рождает «Черный квадрат». «Именно в треугольнике *добро, зло и свободная воля*, вместе с умением различать добро и зло как Дар Святого Духа и родили все богатство той прежней христианской культуры, в которой царь и раб были судимы по одним критериям. Человек понимал, что земная жизнь – это испытание перед жизнью вечной. И поэтому важно, как ты ее прожил, чему служил, к чему стремился, на чем стоял. И отсюда в романтической высокой культуре герои Шиллера говорили: «Честь дороже жизни». А Иван крестьянский сын в той же мировоззренческой раме говорил: «Двух смертей не бывать, одной не миновать». И это была еще единая по своим нравственным целеполаганиям культура, чего нет уже в XX веке» [1].

Ориентированное на «усредненного» массового потребителя и на коммерческий успех, искусство постмодернизма предлагает взамен искусству высокому китч и пошлую развлекательность. Как уже отмечалось выше, культура постмодернизма не только отвечает на предполагаемые запросы масс, она одновременно и формирует эти запросы. Отсутствие цензуры и беспрепятственное распространение массовой культуры способствует деградации художественного и эстетического вкуса многих людей. Однако массовость массовой культуры не означает ее народности – напротив, она не только не имеет корней в народной культуре, но и нивелирует национальные особенности искусств. Народная культура развивается на основе традиции и преемственности, современная культура, наоборот, рвет все связи с традициями, отвергает всякую преемственность. Более того, представители декадентства стремились и стремятся полностью уничтожить все великое творческое наследие прошлого. Если содержание народного искусства – это идеи жизнеутверждения, победы Добра над Злом, восприятия природы как жизнедающей силы, что особенно важно сегодня, то умонастроение постмодернистов иное. Здесь царит идея разрушения, хаоса и смерти. Как результат «успеха» эпохи постмодерна можно с печалью констатировать тот факт, что народное искусство в ряде стран (Англия, Дания, Нидерланды и др.) сегодня почти полностью исчезает.

Если рассматривать постмодернизм как культурный код, то можно выделить две основные плоскости его проявления. С одной стороны, мы видим произведения постмодернизма, которые представляют собой предметы массового потребления и которые соответствующим образом разрекламированы. Это привлекает широкие массы не достаточно образованных и не обладающих художественным вкусом людей, которые не руководствуются законами нравственности и морали, но стремятся быть на гребне волны современных тенденций в мире. С другой стороны, разворачивается своеобразная игра: интертекстуальность, стилизация, ирония, пародия, гротеск – все это забавляет и достаточно искушенную аудиторию, способную и понять, и разглядеть, и увидеть, но, к сожалению, не задумывающуюся о возможных последствиях этой опасной игры. Главный тезис современной культуры – это безграничная свобода самовыражения и право пробовать все. Более того, в наше время мы уже пришли к тому, что истина, красота и гармония уже не интересны, скучны и старомодны. А всякое отклонение

и извращение в какой бы то ни было области объявляется движением от простого к сложному. Но культура – это не только литература и изящные искусства, это – всё. Это всё, что человек создает по канонам о должном и праведном в творчестве, государствовоительстве, философии. Любая культура, как отмечает Нарочницкая, в основе своей всегда имеет религиозно-философские корни. Всякая культура – арабская, исламская, индуистская и другие – живет и развивается по тем канонам, которые отражают картину мира в сознании ее носителей, что и проявляется потом в культурных потребностях каждого отдельного общества. «Человек, созданный по образу и подобию, жаждет что-то делать, созидать. И в зависимости от того, какая у него религиозно-философская картина мира, какая мировоззренческая этическая рама, нравственное целеполагание, в зависимости от этого он созидает культуру, которая поднимает человека или, наоборот, он созидает антикультуру, которая его еще больше и скорее толкает в бездну оскотинивания, особенно если утрачивается ощущение острой грани между добром, злом и свободой, которая мечется между соблазнами зла и осознаваемым долгом в отношении добра. И вот если этой грани нет, если больше нет этого поиска, свобода теряет все, что не имеет границ – не имеет определений в философии. Поэтому безграничной свободы просто не может быть. Только великие табу рождают великую культуру. Свобода без границ подвергается энтропии, и вот эта импотенция, она как раз и ведет к поиску формы, она как раз лишний раз подтверждает давно известную богословскую истину о том, что зло не сущностно, оно не имеет потенциала не только к творению, но и к творчеству. Его псевдосуществование в коррупции добра» [1].

Еще Евгений Трубецкой в своей книге «Смысл жизни» (1918) указывал на то, что вопрос о ценности и смысле светской культуры приобретает необычайную остроту. Философ, рассуждая о проявлениях бессмыслицы в мировой жизни, говорил о «провале всемирной культуры, частью свершившемся, частью еще надвигающемся» [14, с. 201]. «На наших глазах апокалиптическое видение зверя, выходящего из бездны, облекается в плоть и кровь: господствующая в современном мире тенденция – выражается именно в превращении человеческого общежития в усовершенствованного зверя, попирающего всякий закон божеский и человеческий: к этому результату ведут головокружительные успехи современной техники, с одной стороны, и столь же головокружительно быстрое падение человека и человечества, с другой стороны. Звериное начало утверждает себя как безусловное начало поведения, которому должно быть подчинено все в человеческой жизни» [14, с. 201]. Аморализм и стремление «использовать всю культуру как средство для осуществления животных целей коллективного эгоизма являет собой как бы конкретное воплощение начала зверочеловечества» [14, с. 202]. Е. Трубецкой видел катастрофу современной культуры в «утверждении пропасти между религиозной верой и светской культурой» [14, с. 201]. Философ отмечал, что в культуре есть элементы, обреченные тлению, но есть и другие, подлежащие увековечению, есть ценности отрицательные, но есть и положительные, причем положительные ценности подразделяются на ценности безусловные и относительные. Для христиан «человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная деятельность. Раз началом религиозной жизни человеческого общества является воплощение божественного в человеческом, человеческий ум и человеческая воля призываются к творческому участию в деле Божиим» [14, с. 224]. О ценности религиозного искусства красноречиво говорят многочисленные памятники церковной архитектуры, музыки и живописи. Не вызывает сомнений и отрицательная ценность той явно антирелигиозной культуры постмодернизма, которая стремится утвердить на земле царство безбожного

человека. Это именно та культура, которая не только пытается разрушить, но разрушается и гибнет сама.

Говоря о современной эпохе, Г. Риккерт отметил: «Везде, где ищется мировоззрение, центральным понятием, позволяющим нам ориентироваться, является понятие *ценности* или блага, т.е. действительности, значение которой не исчерпывается только простым существованием, но которая осуществляет собою ценность, придающую ей характер чего-то долженствующего быть. Другими словами, философия желает познать смысл существования» [15, с. 4]. Далее автор рассуждает о том, что выставить нормы для жизни без ценностей, обладающих значимостью и являющихся мерилем норм, невозможно. Все ценности должны в основе своей оказаться *ценностями жизни*, а биологически обоснованный идеал, «естественная» ценность – это прогресс здоровой жизни. Согласно такому подходу, жизненность или здоровье отдельного индивидуума и есть цель его жизни, а «тот, кто не придает повышению жизни центрального значения, должен считаться выродившимся, он собственно не должен жить. Его гибель, таким образом, означает счастье, подобно уничтожению всего болезненного» [15, с. 4]. (Такой подход явно не согласуется с идеями постмодернистов и, в частности, сюрреалистов, хотя многие из них не раз пытались покончить жизнь самоубийством). Та же цель и для всего общества, народа, человечества. В повышении жизни лежит смысл всей культуры [15, с. 6]. Однако вопрос о том, какая именно жизнь является правильной, нормальной и здоровой не слишком беспокоит биологизм. По мнению Ницше, «в оценке значения культурного блага решающим мерилем является способствование жизни. Какой именно жизни способствовать, – это уже дело вкуса» [15, с. 10] (А вот здесь уже сюрреалисты торжествуют победу и празднуют ее по сей день). Риккерт, тем не менее, ставит под сомнение такое утверждение Ницше, т.к. «повышение одной жизни может быть прямо враждебным ценности, и, наоборот, понижение другой может быть ценностным» [15, с. 21]. Все зависит от того, какая именно эта жизнь. Более того, философ идет дальше в своих размышлениях и говорит, что «мы должны отказаться от мысли основать культурные ценности на ценностях жизни», и то, что «смыслом жизни является сама жизнь, – это лишь бессмысленная фраза», а «тот, кто просто живет, живет бессмысленно» [15, с. 22–23]. По мысли Риккерта, «лишь тот может быть назван культурным человеком, кто сумеет в том или ином смысле оттеснить на задний план простую жизненность, и лишь там существуют культурные ценности, где имеются образования, так или иначе противоположные простой жизненности. Другими словами, нужно до известной степени «умертвить» жизнь, чтобы достигнуть самоценных благ» [15, с. 24]. Лишь посредством истины жизнь приобретала ценность для человека, а для развития культуры она означает вершину. Биологическая теория знания, таким образом, означает возвращение к варварству и в теоретической области она является направлением, специфически враждебным культуре [15, с. 25].

Риккерт указывает на то, что натуралистическая теория, которая утверждает, что искусство должно как можно ближе подойти к жизни, не только ложно-эстетическая теория, но вообще не эстетика. Эстетика должна начинаться с вопроса: в чем отличается произведение искусства от изображаемой или живой действительности? Об эстетической ценности можно говорить лишь в том случае, когда существует дистанция (Abstand). «Все, что в произведении искусства принадлежит искусству, так сильно удалено от действительности живой жизни, что не может уже более быть названо действительностью». «Такому взгляду противоречат некоторые произведения новейшего искусства» [15, с. 28]. «В наш биологический век нет, конечно, недостатка в попытках придать искусству непосредственность (Ursprünglichkeit) жизни, которою оно не обладает и которой в нем многим не достает. Это очень характерно для нынешней модной философии». Риккерт считает, что самая остроумная попытка в этом направлении исходит

от Ницше. «Если в его труде «Рождение трагедии из духа музыки» дионисическое, как более высокий эстетический принцип, противопоставляется аполлоническому, то это означает лишь то, что человека, желающего жить элементарной жизнью, не может удовлетворять аполлоническое, более далекое от жизни искусство». «Дионис, понятый как бог простого дикого жизненного порыва, ничего не имеет общего с эстетической сферой. Изгнать его из нее или, по крайней мере, наложить на него оковы – должно быть задачей всякого истинно художественного произведения» [15, с. 29].

Пропасть между искусством и жизнью становится наиболее очевидной, если перейти от художественной к нравственной культуре, в которой центром является волящий и действующий человек. Этическая ценность всегда связана с волей. Ученый или художник обладает этической волей, которая, действуя автономно, т.е. во имя ценностей истины, осуществляет блага культуры. Социально-этический человек... должен чувствовать себя призванным действовать и так преобразовывать жизнь, ...чтобы в нее вселились значение и смысл [15, с. 30–31]. Речь не идет о том, что этическая воля призвана в корне переделывать жизнь. Риккерт считает, что, наоборот, даже простая жизненность может переплестись с этическими ценностями и, следовательно, получить большое значение. «Это обнаруживается, например, при обсуждении сексуально-этических явлений. Совершенно неверно, конечно, видеть в чисто жизненном половом инстинкте уже этическое благо. Такие преувеличения понятны лишь как реакция против его не менее пагубного принижения или «одьявления». Инстинкт этот как таковой этически совершенно индифферентен: лишь от того, как образуем мы нашу инстинктивную жизнь, будет зависеть, подобает ли ей этический характер или нет. При известных обстоятельствах биологически «здоровое» приобретает этическое значение, не присущее ему как таковому» [15, с. 32]. «Естественное состояние, где свободно властвуют жизненные инстинкты, где жизнь проживается беспрепятственно, всегда противоположно состоянию культурному». «Некоторым это может быть очень неудобно, может помешать их потребности в удовольствиях. Если они это откровенно выскажут, то возразить тут, конечно, нечего. Но «право» на удовольствие как «нравственное требование» является уже слишком наивным и, во всяком случае, ничего общего не имеет с культурой». «Голая жизнь остается голым фактом, его можно описать и больше о нем ничего нельзя сказать» [15, с. 32].

По мнению Г. Риккерта, религиозный человек выше всех других ценностей может видеть лишь абсолютные ценности. Все ценности он измеряет со стороны согласуемости их с религиозными ценностями, только тогда они обладают истинной значимостью для него. Далее философ высказывается, что «религиозный человек в некотором отношении еще ближе стоит к жизни, чем нравственно-волящий». «Но здесь опять-таки речь идет не о голой жизни в ее жизненности; эта жизнь является лишь «внешней стороной» за ней стоящей потусторонней ценностной реальности, и эта посюсторонняя жизнь постольку лишь приобретает большое значение, поскольку она является живым одеянием божества. Живая жизнь в этом случае есть лишь символ совершенно иного, не живого уже, а сверхживого бытия («вечной жизни»)). «Лучи сверхживого, божественного проникают сиянием своим всю жизнь» [15, с. 33]. Задачей труда Г. Риккерта «Ценности жизни и культурные ценности» было выяснить, возможно ли из самой жизни почерпнуть самоценности и на них основать культурные ценности, имеющие самостоятельное значение. «Можно сказать теперь, что во всех отношениях на вопрос этот должен быть дан отрицательный ответ. Голая жизнь всегда остается условным благом и может получить ценность лишь как предпосылка осуществления других благ, ценности которых обладают значимостью во имя самих же себя. Важно не то, насколько «жизненна» культура, а лишь то, какие ценности осуществляются ее

жизненностью. Жизнь может быть только средством, и ценность ее поэтому зависит лишь от ценности целей, которым она служит» [15, с. 35].

Личность всегда являлась высшей ценностью человеческой культуры (Гете). Однако настроение меняется, и возникает нечто совершенно иное: сначала Ницше заявил «Бог умер», затем Барт объявил «автор умер», а после и Фуко добавил тезис о «смерти человека», т.е. о смерти субъекта как личности. С этого момента и началась идея тотального релятивизма в философии, которая затем воплотилась в явлении всеобщего хаоса и бессмыслицы в литературе, в архитектуре, в онтологическом уравнивании Добра и Зла в искусстве. И все же не стоит философам, теоретикам, вдохновителям и исполнителям абсурда праздновать победу над великими достижениями культуры, литературы и искусства прошлого. Классика потому и вечна, что она пронизана величием мысли, что в ней затронуты глубинные проблемы человечества, воспеты высшие идеалы и ценности, в ней заложен бескорыстный труд и стремление к прекрасному, возвышенному и вечному. В рамках же философии постмодернизма и деконструктивизма как особого подхода в искусстве (с попыткой художника отказаться от незыблемых традиций и норм) весьма своеобразна трактовка и самого понятия «красота», где искажение реальности как следствие искажения перспективы подменило каноны красоты в их классическом понимании. И на воспетый Николаем Заболоцким вопрос «Что есть такое красота, // И почему её обожествляют люди? // Сосуд она, в котором пустота, // Или огонь, мерцающий в сосуде?» приходится ответить: «Кому что». Кому-то очень нравится музыка Пендерещкого, в которой хоть и совсем нет музыки, зато есть много других звуков: воплей, визгов, скрежета, стонов, свистов, трения чем-то по чему-то, стуков по декам инструментов и т.д. Прослушивание таких его сочинений, как благородно названное «Плач по жертвам Хиросимы» (здесь немаловажно отметить, что название было дано уже после сочинения произведения) или «Полиморфия» (произведение основано на энцефалограммах больных людей, сделанных во время прослушивания ими вышеупомянутого «Плача»), уже само по себе способно подавить психику любого здорового человека. В результате такой встречи с искусством возможны новые жертвы. (Для чего, можно было бы поинтересоваться, Пендерещкому понадобилось «копаться» в мозге больных людей? Что-то сравнивал?) Глядя на современное искусство, с сожалением приходится признать, что об «огне мерцающем» говорить не приходится. «Сосуд» – и тот уродлив. Но есть и те, которые чувствуют и ценят глубину, стройность и красоту музыки Баха, Гайдна, Моцарта; те, кому близка особая лирическая природа ясного тематизма Шуберта и Брамса. И у нас на основе духовности Православного Востока родилась великая культура, в которой метафизические ценности: вера, Отечество, честь, долг, любовь – были выше человеческой жизни. Ведь истинное искусство – это всегда катарсис, преображение души художника, его духовное очищение и просветление как личности сознательной, ответственной, сильной. Цель и призвание такого искусства в преображении души человека, в укреплении его в сложном противостоянии силам зла и разрушения, в пробуждении сострадания и в смягчении сердца, в определении верного вектора движения развития человечества и цивилизации, в побуждении к подвигу. И в основе искусства истинного всегда лежат вечные духовные ценности.

Запад уже давно торжествует победу безумства, выставляя абсурд и пошлость на выставках-фестивалях современного искусства, так называемых *биеннале* (от итал. *biennale* – «раз в два года»). Но можно ли не понимать, что современное «искусство» ни под маской концептуальности, ни под видом интеллектуальности искусством вовсе не является? Можно ли не видеть того разрушительного влияния, которое оказывают веяния постмодернизма на культуру современного общества, особенно уязвимой частью которого являются, главным образом, интеллигенция и молодежь? Вялость и духовная

пассивность, а главное, отсутствие внутренней оси делает людей незащищенными от крайне негативного психологического воздействия, делает их доверчивыми любой провокации и лжи. Откуда столько насилия и зла в мире, где без устали говорят о правах человека, о демократии и гуманизме? Откуда сегодня такое всеобщее безразличие ко всему и всем, цинизм, отчужденность и лицемерие? Гуманитарная помощь доставляется вместе с ракетами, льется кровь одновременно с шампанским. Но если извращения, насилие, цинизм и насмешка подаются как искусство, то чего мы ждем от молодого поколения, которое не знает другого, которому современное искусство преподносится как свободное проявление фантазий творческой личности, а насмешка над творениями великих мастеров прошлого называется «философским переосмыслением», а самое главное – все это поддерживается солидными государственными структурами: Министерством культуры Республики Беларусь, Белорусской государственной академией искусств и др. [16]. Если многие годы взращивать в себе дурное и приносить обильные плоды, придумывая что-нибудь особенно мерзкое (необходим эпатаж), можно на какой-нибудь Венецианской биеннале получить высшую награду в виде статуэтки «Золотого льва». (Злая насмешка в том, что эта статуэтка и действительно может остаться той высшей наградой, ради которой некоторые живут и трудятся десятилетия своей единственной на земле жизни.) О тех, кому близок «мир шизофренического опыта», говорить нечего. О тех, кто как-то связан с миром зла и пошлости, говорить бесполезно. А вот человеку здоровому, честному и мыслящему ходить по залам современного искусства, с умным видом выискивая «философское наполнение» творений бездарных и пошлых, просто неприлично и даже позорно. Но для психики молодых людей, не говоря уже о детях, это особенно вредно. Потому и важно иметь рассудительность и силу духа, чтобы не поддаться общему потоку лжи и зла, не идти на поводу у тех, кому выгодно насаждать мерзость, не оказаться орудием в руках тех, кто стремится подменить понятия, не стать легкой добычей и не запутаться, и для этого необходимо уметь различать красоту и уродство, высокое и низкое, правду и ложь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарочницкая, Н. Информационно-аналитический портал НАРОЧНИЦКАЯ.РУ [Электронный ресурс] / Продолжение России в мировой истории абсолютно невыносимо и невозможно без духовной скрепы Православия. – Москва, 2011. – Режим доступа : <http://www.narochnitskaia.ru>. – Дата доступа : 14.11.2011.
2. Encarta 2004 Encyclopaedia Deluxe: Postmodern Philosophy [Electronic resource]. – Electronic data (1,09 Gb). – In partnership with Microsoft. – 3 discs (CD-Rom).
3. Ильин, И.П. Постмодернизм / И.П. Ильин // Словарь терминов. – М. : ИНИОН РАН, INTRADA, 2001. – 384 с.
4. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд ; сб. ст. науч. ред. Г.Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С. – Пб. ун-та, 1999. – 444 с.
5. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 257 с.
6. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
7. The White House [Electronic resource] / President George W. Bush's Second Inaugural Address. – January 20. – 2005. – Mode of access : <http://www.whitehouse.gov/inaugural/>. – Date of access : 17.11.2008.

8. The American Presidency Project [Electronic resource]. President William J. Clinton Inaugural Address. – January 21. – 1993. – Mode of access : <http://www.presidency.ucsb.edu/inaugurals.php>. – Date of access : 17.11.2008.

9. Чижевская, Е.Е. Политическая коммуникация (Б. Макнэйр. «Введение в политическую коммуникацию») / Е.Е. Чижевская // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2000. – С. 421–424.

10. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М. : Изд. ЛКИ, 2008. – 240 с.

11. Гениева, Е. Модернизация и культура. Библиотека как институт модернизации / Вестник Европы. – 2011. – Т. XXXI–XXXII.

12. Deleuze G. Capitalisme et schizophrénie. – Guattari, f. – P : Ed. de Minuit, 1972. – Т. 1 : Anti-Oedipe. – 496 p.

13. Леонтьев, К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://knleontiev.narod.ru/texts/liberalizm.htm> – Дата доступа : 14.11.2011.

14. Трубецкой, Е. Смысл жизни / Е. Трубецкой. – М. : Типография Т-ва Н.Д. Сытина, 1918. – 232 с.

15. Риккерт, Г. Ценности жизни и культурные ценности / Г. Риккерт // Логос : междунар. ежегодник по философии культуры. Русское издание. – М. : Мусагет, 1912–1913. – 35 с.

16. Хадневич, Ю. Беларусь везет солому на Венецианскую биеннале / Обозреватель. – № 21(456). – 1 июня 2011.

Yaroshevich I. The Influence of Postmodernism on Culture of Modern Society

The author observes postmodernism as a specific philosophical trend that began forming in Western Europe in the second half of the 20th century. The characteristic properties of postmodern ideas in literature, architecture and painting are marked out. The aim of the article is to reveal the influence that postmodern tendencies have on moral development of the society. In opposition to destructive principles of thought and creative work, aiming at absolute freedom and total relativism, it is proposed to focus on higher moral values the truth of which can improve the moral make-up of the epoch.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.03.2012

УДК 316.41+303.4

А.И. Лысюк

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ

В данной статье критически анализируются процессы политического лидерства в контексте европейской интеграции. Выделяются и изучаются его основные структурные элементы и уровни с использованием результатов социологических исследований. Исследуется совокупность личностных и политических черт, присущих политическим лидерам ЕС. Дан анализ совокупности функций, выполняемых общеевропейскими политическими лидерами. Определены основные тренды развития политического лидерства в ЕС после принятия Лиссабонского договора.

Введение

Политическое лидерство относится к числу ключевых феноменов политической жизни современной Европы. Как правило, его роль и значение являются критически высокими на национально-государственном уровне. Действительно, Германия, например, «эпохи Коля» и «эпохи Шредера» – это во многом разные Германии благодаря личностным особенностям и своеобразию политического стиля этих политиков.

Одновременно очевидно, что само содержание европейской интеграции, усиленное процессами глобализации, сопровождаемое как усилением взаимодействия между национальными элитами, так и «снижением возможности национальных элит контролировать экономики своих стран... сферы политики и культуры» стимулирует создание «осознающих свою автономию транснациональных элит, слабо подотчетных национальным электоратам» [1, с. 10]. В рамках Евросоюза подобная автономность имеет тренд к возрастанию, включая и формат политического лидерства.

Осознавая важную детерминирующую роль лидерства в общеевропейских политических процессах, целесообразно оценить воздействие этого феномена на функционирование и развитие одной из ключевых структур современной мировой политики – Европейского союза. Решение этой задачи представляется непростым по нескольким причинам. Во-первых, принятие политических решений в ЕС основано на доминировании бюрократических процедур над политической волей и личностным фактором, что естественным образом снижает политическую роль лидерства. Во-вторых, в силу этого же обстоятельства существенную трудность представляет вычленение в Евросоюзе феномена лидерства из процессов политического руководства и управления. В-третьих, с учетом специфики организации власти в ЕС (интегрированность в европейские структуры национальных лидеров, равно как и чиновников и экспертов) возникает сложность идентификации лидерства на собственно «общеевропейском уровне». В итоге, возникает вопрос: существует ли вообще политическое лидерство в структурах Европейского союза?

Ответ на него тем более важен, что проведенный в 2007 году социологический опрос граждан государств-членов ЕС, призванный дать ответ на вопрос, каким же образом они (граждане) представляют себе политическое лидерство в ЕС согласно институциональной реформе, предполагаемой Лиссабонским договором, отчетливо показал, что у большинства из них доминирует представление, что Европейскому союзу необходимо более сильное, чем ранее, лидерство. Единственной страной, в которой число сторонников усиления лидерства оказалось меньшим, чем противников, была Швеция [2, с. 279].

Структурные компоненты политического лидерства в ЕС

В этой ситуации следует первоначально обратиться к истокам этого феномена – к определению содержания политического лидерства как такового. В научной литературе политическими лидерами обычно именуется обладатели первых властных позиций в политических организациях независимо от уровня и специфики политической иерархии. Политическим лидером является как глава государства или же руководитель международного политического сообщества, так и формальный или неформальный лидер малой группы, деятельность которой носит политический характер. Лидера, основной функцией которого является целеполагание, связанное с принятием политических решений, необходимо рассматривать как составную часть политической элиты. Более же расширительная трактовка сущности политического лидерства за счет включения в его состав всей политической элиты, ее отдельных подразделений, различных политических институтов и институций обесмысливает само это понятие, растворяя его в дефинициях политической власти, политического господства, государственного управления и др.

Используя этот подход применительно к политическому лидерству в ЕС, можно выделить ту группу политических акторов, которые возглавляют ее ключевые политические структуры, «налагая» в определенной мере на их функционирование собственный субъективизм, организационную и политическую культуру.

В настоящее время существует широко распространенная точка зрения, настаивающая на тройном выражении политического лидерства в ЕС. В соответствии с ней к числу общеевропейских лидеров, независимо от конкретных персоналий, относятся: 1) президент Европейского совета, должность которого утверждена в соответствии с положениями Лиссабонского договора; 2) руководитель Европейской комиссии; 3) Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности, являющийся одновременно и первым вице-президентом Еврокомиссии.

Думается, что перечень этой группы лидеров целесообразно продолжить, дополнив его еще двумя персонами. В первую очередь, следует указать на главу Европарламента, который при всей ограниченности полномочий, сфокусированных на «спикерстве», обладает, однако, существенным политическим влиянием, особенно в сфере «закулисного лидерства», связанного с формированием повестки дня заседаний парламента, соблюдением регламента его заседаний, разработкой приоритетов в законодательной сфере и внешней политике и т.д.

Кроме этого, учитывая существенную политическую роль национальных лидеров в рамках работы Европейского совета и Совета ЕС, в особенности во время каденции президентства «своей страны», следует отметить, что они естественным образом «заточены» не только на лоббирование национальных интересов своих государств, но репрезентируют и осуществляют некоторую совокупность общеевропейских интересов и ценностей. В силу своего политического статуса они являются не только национальными, но и европейскими лидерами, выполняя в масштабах «Большой Европы» соответствующие политические роли и обладая собственным видением развития ЕС. В этой среде можно выделить своих «еврооптимистов» и «евроскептиков», причисляя, например, к первым премьер-министра Польши Туска и бундесканцлера Германии Меркель, а ко вторым – английского премьера Кемерона и президента Чехии Клауса.

Очевидно, что национальные лидеры имеют двухуровневую систему политической поддержки. С одной стороны, они репрезентируют «европейские идеи» перед своими избирателями. С другой – выражают интересы европейских элит, интегрированных в процесс принятия общеевропейских решений в рамках ЕС.

Более того, в Евросоюзе при всем формально-правовом равенстве некоторые государства и их лидеры обладают существенным (большим, чем другие) влиянием на «общеевропейские дела». Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования (2007 г.), во время которого граждан государств-членов ЕС попросили высказать мнение о том, кто же должен являться лидером в общем европейском пространстве, указывая на четыре наиболее влиятельные (на то время) политические персоны: канцлера Германии Меркель, главу Еврокомиссии Баррозу, тогдашнего президента Франции Саркози, британского премьера Брауна.

Наибольшее число «голосов» респондентов (28%) набрала Меркель, второе место – у Баррозу (20%), третье – у Саркози (15%). Разумеется, каждый из них получил наибольшую поддержку в своих странах, но нельзя не обратить внимания на наличие существенной поддержки и в «чужих» государствах, что указывает на восприятие этих персон среди общественности Европы как общеевропейских лидеров. Например, «за Меркель» высказались 48% словенцев, 36% французов, 33% датчан, 30% австрийцев, по 29% испанцев, итальянцев и эстонцев [3, с. 2].

Отметим также, что исторически некоторые национальные политические лидеры внесли существенный вклад в становление и развитие ЕС. Среди них наибольшими заслугами в формировании общего европейского пространства обладают Аденауэр, Моннет, Шуман, Коль и др.

Второй структурный компонент политического лидерства – последователи. Они имеют различные иерархические уровни в зависимости от сложности политической организации общества и распадаются на две относительно самостоятельные группы: последователи в чистом виде, т.е. те социальные группы, индивиды, которые воспринимают политическую волю лидера как непосредственный импульс их деятельности, и последователи-ретрансляторы, которые, составляя команду/клику/клиентуру лидера, являются не только исполнителями, но и проводниками, организаторами реализации его властных интенций. Естественно, подобная ретрансляция не может быть механической. Она с неизбежностью субъективируется, в той или иной степени искажая изначальный смысл интенций лидера, усиливая или уменьшая идущие от него волевые импульсы. Более того, «ретрансляторы», являясь посредниками между лидером и социальными массами при организации обратной связи, обладают существенными возможностями ее оптимизации или же дезорганизации. Поэтому при анализе связей между лидером и последователями необходимо обращать специальное внимание на систему взаимодействия и между лидером и последователями-ретрансляторами, и между лидером и последователями-исполнителями, и между последователями-ретрансляторами и последователями-исполнителями.

Кем же являются последователи в рамках Европейского союза и каким образом осуществляется их взаимодействие с лидерами?

Первоначально отметим, что поскольку на уровне ЕС отсутствует традиционная для демократического общества связь лидера с последователями как репрезентантами их интересов и ценностей, полученная посредством использования избирательных механизмов, то возникает проблема четкого вычленения последних, что в свою очередь создает проблему легитимации общеевропейского лидерства. Как отмечает польский исследователь П. Жукевич, в условиях сложности механизмов принятия решений (особенно в процедурах компилогических), в которых легитимация собственной активности черпается из авторитета и компетенций экспертов, а не из мандата избирателей, невозможно говорить о лидерстве персон, стоящих во главе агентств, комитетов или других институтов ЕС [2, с. 284].

Думается, что в масштабах ЕС можно выделить две группы последователей. Наиболее распространенными и типичными являются политические элиты, интегрированные в той или иной форме (в том числе опосредованно) в структуры ЕС, непосредственно влияющие на избрание политических лидеров и обладающие правом контроля за их деятельностью.

Второй группой являются граждане государств-членов ЕС, избиратели, стоящие у истоков так называемой «цепи делегаций» властных полномочий, протянувшейся от избирателей к тем политическим персонам, которые оказывают влияние на формирование и осуществление политического лидерства в Евросоюзе. Притом с каждым кругом подобной «делегации» уменьшается объем ответственности политиков по отношению к избирателям. Очевидно, что общеевропейские лидеры обладают более ограниченными возможностями влияния на последователей и процессы осуществления власти, чем на уровне национально-государственном.

Обратим внимание также на феномен закулисного лидерства, поскольку в силу специфики принимаемых решений в рамках ЕС многие из них рождаются непублично на закрытых совещаниях в ситуации активного торга или давления. При этом доминируют те европейские лидеры, в распоряжении которых находятся наиболее значимые ресурсы (см. пример финансовой помощи Греции).

Функциональные характеристики политического лидерства в ЕС

Следует указать также на специфику, своеобразие выполняемых политическими лидерами ЕС функций. С одной стороны, им присущи универсальные функции лидерства, но со своими особенными проявлениями, а с другой – собственные, специфически «европейские». Среди первых особо можно выделить функцию представительства интересов граждан Европы как определенного культурного и политического сообщества, а также определенных групп элит на уровне ЕС.

Важной является функция формулирования программы действий, связанная с реорганизациями экономики, правовой и административной системы, формированием внешней политики и политики безопасности. В соответствии с Лиссабонским договором определяется их (действий) совокупность и содержание, имеющие в своем фокусе решение общих вопросов европейского сообщества и европейского строительства.

К числу приоритетных относится функция разрешения конфликтов, как правило, между отдельными государствами, а также в целом между ЕС и внешними игроками через выработку консолидированной политической воли. Красноречивым и убедительным примером в этом отношении являются действия ЕС, направленные на решение финансовых проблем зоны евро или же «сирийской проблемы». Заметное место занимает функция информационная, ориентированная на объяснение гражданам определенных политических процессов, собственной политики и процесса принятия политических решений в ЕС с целью трансформации их мотивов.

Наряду с общими, политическому лидерству в структурах ЕС присущи и специфические функции. Во-первых, функция интеграции и координации, направленная на выработку единых целей и смыслов социальных практик лидера и последователей, их согласование и возможную переформулировку, на придание направления целому посредством авторитетности и императивности властного решения политического лидера. Ключевое значение имеет умение лидера идти на компромисс, сотрудничество, согласование, уступчивость ради обеспечения единства действий. Акцент в политической практике делается на ведении переговоров, на убеждении, на принятии функций арбитра между отдельными государствами и социальными группами. Все это обусловлено ограничением властных полномочий институтов ЕС и значимостью коллективных процедур принятия решений, детерминированных

спецификой многоуровневого управления в ЕС, в рамках которого «наднациональные, национальные и субнациональные властные структуры регулярно взаимодействуют между собой, вырабатывают различного рода соглашения, являющиеся основой существования ЕС, регулируют принятие решений на различных уровнях» [4, с. 58].

Во-вторых, очевидно ограниченное проявление административных функций, силовых методов и систем наказания и поощрения. Специфичной чертой лидерства в ЕС является акцент на работу в малых группах, а не в группах больших (см. форматы Европейского совета, Совета ЕС, Европарламента, Еврокомиссии, а также существенную политическую роль комитетов и групп экспертов).

В-третьих, в силу слабости и контroversийности европейской идентичности (кризис доктрины мультикультурализма, деидеологизация общества, утверждение ценностей постмодерна) в контексте политического лидерства наблюдается уменьшение значения идеологических, в особенности религиозно-моральных, факторов.

В-четвертых, специфичным образом проявляется функция легитимизации, осуществляющая правовое, психологическое и идеологическое оправдание и признание последователями власти лидера. Уровень легитимности политического лидера является, согласно формуле Д. Ростоу, равнодействующей трех видов легитимности – традиционной, рациональной и харизматической. Ослабление одной из них автоматически приводит к усилению другой [5, с. 157–158]. В контексте европейского лидерства наблюдается практически полное угасание традиционной и харизматической легитимности на фоне постоянного возрастания легитимности рационально-бюрократической.

В-пятых, при реализации функции распределения ресурсов в рамках инструментального осуществления власти политические лидеры ЕС на первый план выдвигают вопросы организации и канализации финансово-материальных потоков.

В-шестых, следует указать на особенность осуществления функции персональных коммуникаций и интеракций, выраженной во взаимодействии лидера и последователей на личностном уровне. В частности, она охватывает совокупность чувственно-эмоциональных связей, формирует эмоциональную привязанность лидера и последователей, определяя разнообразие лидерских отношений. Учитывая же известную отчужденность и отдаленность политических лидеров ЕС от европейской общественности, можно указать на минимальное проявление эмоциональных связей этой группы лидеров со своими последователями.

В-седьмых, очевидным образом лидерство в ЕС делает акцент на международные отношения и политику безопасности, что, в частности, выражено в Лиссабонском договоре в появлении постов президента Европейского союза и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности. Консолидация внешней политики государств-членов ЕС – один из его безусловных приоритетов.

Следует учитывать также, что система контроля и ответственности в ЕС является распыленной и скорее напоминает лоскутное одеяло, а не классические иерархические структуры. Кроме этого, институциональные формы ответственности (правовой и политической) замещены формами «мягкими», такими как потеря доверия, признание поступков неэтичными, ослабление авторитета и др.

Политическая власть и политическое влияние в системе лидерства всегда персонифицированы и персонализированы, имеют перцептивный (и символический) образ, ценностное содержание и представлены конкретной совокупностью действий. Исследователи политического лидерства делают акцент прежде всего на анализе воздействия *личности* политического лидера на различные фрагменты политического процесса. Это тем более важно сделать, учитывая тот факт, что, «по данным социологических опросов, дистанция между рейтингом лидеров и оценкой различных

аспектов государственной политики, проводимой под их руководством, достаточно велика... Избиратель как-то мистически привязан к руководителям, несмотря на довольно скептическое отношение к результатам работы руководимого ими... государства» [6, с. 100]. Политические же институты, социальные и правовые нормы, традиции, ситуативные обстоятельства выполняют при этом роль внешнего фона и инструмента реализации целевых установок лидера.

Политическое лидерство в ЕС в своем личностном измерении имеет несколько проявлений. В первую очередь следует указать на принципиальный отказ от сильного индивидуального лидерства, что обусловлено самой организацией политической власти в общеевропейских структурах, ориентированных на достижение компромисса посредством политических консультаций. В этом отношении наглядным примером является персона бывшего английского премьер-министра с очевидными элементами харизмы (в пространстве социальных коммуникаций) Тони Блейера, претендовавшего на должность президента Европейского союза, но оказавшегося для этого поприща «слишком ярким». Это в полной мере касается и других харизматичных глав европейских государств, уход в отставку которых не всегда открывает им дверь на значимые позиции в институтах ЕС.

В этом отношении наглядными и убедительными являются результаты посвященного анализу роли личности в политике Евросоюза социопсихологического исследования, проведенного бельгийскими учеными. Используя метод портретирования, они рассмотрели психологические портреты ключевых политических персон Евросоюза – Кэтрин Эштон, Германа Ван Ромпея и Жозе Баррозу. В итоге выяснилось, что при всем своеобразии этих персон существуют общие, обуславливающие их европейское лидерство, личностные параметры, концентрированно выраженные в доминанте приспособляющегося типа личности, ориентированного на согласие и компромисс. Что же касается амбициозности, столь естественной для любого политического деятеля, то она у этих политиков нацелена не на расширение рамок политического господства, а на успешный процесс ведения переговоров. Как отмечает президент Европейского совета Ван Ромпей, его политическая роль – это помогать искать компромиссы, выстраивать мосты между сторонами при принятии трудных решений, так как он является не президентом Европейского союза, а президентом Европейского совета [7, с. 5].

Кроме этого, у этих политических лидеров отчетливо выступают черты добросовестного и общительного личностных типов, для которых присущи такие качества, как конгениальность, уважительность, обязательность, что приводит, как минимум, к трем важным политическим эффектам: 1) оптимальному сотрудничеству друг с другом; 2) эффективному взаимодействию с национальными лидерами; 3) достижению позитивных практических результатов, основой которых является симбиоз прагматизма и умение находить согласие, что избавляет Евросоюз от дисфункциональности, а также предотвращает «конфликты в центре власти ЕС..., поскольку три главных игрока союза в состоянии успешно их разрешить» [8, с. 28–34].

В целом же стиль деятельности главных политических акторов ЕС является демократическим. Социально-пространственное расположение лидера, следующего подобному стилю, – растворенность в социуме. Политический образ – *Маклер*. Для него характерна ставка на командную политическую игру и максимальное соучастие в обсуждении и принятии решений.

Внешне политическая стилистика *Маклера* может быть блеклой и тусклой. Обусловлено это тем, что *Маклеры* по своей природе прагматики. Они просчитывают, а не верят. Они считают, а не фантазируют. Скорее приспособятся, нежели рискнут. Маклерская природа предопределяет их склонность к компромиссам.

Чаще всего речь *Маклера* лишена внешних эмоциональных и риторических прикрас. Ее «план выражения» преимущественно обусловлен образованностью и воспитанием лидера, а «план содержания» – особенностями исповедуемой идеологии и политической миссии. Очевидна способность анализировать, сравнивать, находить существенное, признавать собственные ошибки и просчеты, а также умение убеждать и осуществлять сделку.

Анализируя феномен лидерства в структурах Евросоюза, нельзя не обратить внимание на продуцируемые им побочные (позитивные) эффекты. Речь идет о том, что лидеры государств, недавно вступивших и/или готовящихся вступить в Евросоюз, должны заимствовать стилистику и содержание осуществляемых ими политических практик от своих европейских прототипов. Как правило, свою страну в ЕС «приводят» лидеры новой формации, которые отчетливо и однозначно демонстрируют свою проевропейскость (см. пример экс-президента Сербии Тадича). Нынешние трудности Украины на пути в Евросоюз существенным образом связаны не только с особенностями проводимой политики и фактором Юлии Тимошенко, но и с дисгармонией, возникающей на персональном уровне между ее лидерами и лидерами Европейского союза.

Заключение

Очевидно, таким образом, что интенсивно идущие процессы глобализации, логика самого процесса евроинтеграции, усиление политического веса структур ЕС способствуют перераспределению значительной доли властных полномочий с национального уровня на уровень общеевропейский, что естественным образом требует более сильного лидерства, но не в традиционном понимании как неизбежного усиления административных рычагов и иерархий, а в плане повышения эффективности его консенсного, договорного начала, поскольку по своей природе оно ориентировано на достижение согласия и компромисса между различными социальными и политическими субъектами.

Кроме этого, новые социальные и экономические вызовы требуют не только усиления компетентности принимаемых решений и укрепления экспертной составляющей, но и повышения уровня легитимности лидеров ЕС, что, в свою очередь, вызывает необходимость расширения по отношению к ним демократических избирательных процедур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочетков, А.П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе / А.П. Кочетков // *Полис*. – 2011. – № 5. – С. 8–20.
2. Zukiewicz, P. *Przywódstwo polityczne. Teoria i Praktyka* / P. Zukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
3. Hierlemann, D. *More Political Leadership is Worth the Risk* / D. Hierlemann, A.G. Schmidt // *Spotlight Europe*. – 2007. – № 4. – P. 1–7.
4. Веремеев, Н.Ю. Многоуровневое лидерство в Европейском союзе / Н.Ю. Веремеев // *Белорусская политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире* : в 2 ч. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2010. – Ч. 1. – С. 55–58.
5. Rustow, D. *A World of Nations* / D. Rustow. – W., 1981. – 378 p.
6. Пшизова, С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе / С.Н. Пшизова // *Полис*. – 2009. – № 1. – С. 100–115.

7. Ван Ромпей, Х. Станет ли Европа единой страной? / Х. Ван Ромпей // Народная воля. – 2012. – 22 мая.

8. Де Ландшир, К. Роль личности на примере Евросоюза / К. Де Ландшир, Ю. Мидлхоф // Полис. – 2011. – № 2. – С. 25–35.

Lysiuk A.I. Political Leadership in European Union: Content and Main Trends

In the given article the processes of political leadership in the context of European integration are critically analyzed. Its main structural elements and levels using the results of sociological research are singled out and studied. The totality of personal and political traits characteristic for the EU political leaders is studied. The analysis of the totality of functions executed by European political leaders is given. Finally, the main trends of development of political leadership in the EU after the Lisbon Treaty are define.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.07.2012

УДК 2: 332 / 324 (476)

*Л.Е. Земляков, А.В. Шерис***РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА
В ПОЛИТИКЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Статья посвящена изучению роли религиозного фактора в политике обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. В работе акцентируется внимание на исследовании деятельности религиозных организаций в контексте обеспечения национальной безопасности в процессе формирования и развития современного белорусского общества. Комплексно и системно раскрыты место и роль конфессионального фактора в политике обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Особое место в статье отводится изучению особенностей формирования политических механизмов взаимодействия государственных органов с религиозными организациями на современном этапе.

Введение

Современные процессы глобализации, происходящие во всех сферах социального развития – от экономики и политики до религии – влияют как на изменение структуры межконфессиональных отношений, так и на систему конфессиональной политики государства. Появление в процессе глобализации транснациональных конфессиональных сетей и институтов представляет собой важнейший фактор, влияющий на национальную и конфессиональную безопасность, особенно тех стран, которые представляют собой поликультурную систему, находящуюся в сложных геополитических условиях. Религиозный «ренессанс» последних десятилетий, изменения в конфессиональной структуре страны, более активное вмешательство конфессиональных акторов в политические процессы требуют постоянного осмысления роли религиозного фактора в политике обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Проблема гарантирования безопасности в сфере религии является одной из острейших для современного мира. Отрицание или недооценка конфессиональных составляющих безопасности может привести к развитию кризисных явлений на национальном и международном уровнях.

На современном этапе развития человечества одним из путей его выхода из глобального кризиса является создание духовных основ достижения стабильности и консолидации общества, переориентации сознания с утилитарных, потребительских на традиционные ценностные основы, которые базировались бы на признании самобытности и ценности как отдельного человека, так и этнической группы или нации. В этом контексте для белорусского общества при наличии заметного влияния процессов глобализации достаточно актуальной становится проблема сохранения религиозной, культурной и гражданской самоидентификации белорусского народа, которая опирается на традиционные религиозные ценностные принципы. Именно традиционные ценности, функционируя как специфические смыслообразующие истоки существования человека и общества, приобретают значение важного фактора социально-политической стабильности государства и становятся ведущими критериями его стабильного развития.

В основе духовно-национального возрождения лежат ценности, которые понятны и близки каждому человеку независимо от его политических, религиозных и других взглядов и убеждений, положения в обществе. Именно такими могут и должны стать общечеловеческие ценности, разработанные на протяжении всей

истории цивилизации и освященные религией. Основными институциями, которые формируют религиозные ценности, являются религиозные организации. Именно они, как ценностноформирующие структуры, являются важнейшими факторами обеспечения национальной безопасности в религиозной сфере.

Под религиозной составляющей национальной безопасности Беларуси следует понимать такое состояние религиозно-церковной жизни нации (её государственно-конфессиональных, межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений), которые являются или при определённых условиях могут быть угрозой национальным интересам государства, стабильному развитию общества и осуществлению неотъемлемых прав и свобод граждан. Состояние защищённости жизненно важных духовнорелигиозных интересов белорусского общества (личности, групп верующих, государства) от внутренних угроз и внешнего вмешательства и обеспечивает система социально-политических принципов.

К основным объектам религиозной составляющей национальной безопасности Беларуси следует отнести:

- личность, её религиозные права и свободы;
- религиозные организации и взаимоотношения между ними;
- государство, его национально-культурную самобытность, независимость и территориальную целостность.

Главным субъектом национальной безопасности в религиозной сфере является государство, которое вместе с религиозными организациями осуществляет целенаправленную политику, призванную обеспечить духовное единство белорусского народа, стабильность и динамизм прогрессивного развития общества.

Результатом такой государственной политики должна быть реализация национальных интересов в религиозной сфере: укрепление суверенитета и независимости Беларуси, эффективное и социально ориентированное государственное регулирование религиозных процессов, свобода совести и реализация религиозных интересов отдельных людей и групп верующих, конструктивное разрешение межконфессиональных противоречий, коллизий и недоразумений.

При этом наиважнейшими факторами национальной безопасности в религиозной сфере являются:

- 1) внутривероисповедная стабильность (межконфессиональное согласие, т.е. способность к разрешению религиозных противоречий прежде всего ненасильственными методами);
- 2) внешневероисповедная стабильность (укрепление международного авторитета Беларуси как христианской страны, сохранение её национально-культурной самобытности и независимости – наличие для этого эффективного механизма);
- 3) полное удовлетворение религиозных потребностей, свободы совести и вероисповедания отдельных людей и групп верующих;
- 4) наличие комплексной стратегии общественно-политического и духовного развития государства, в том числе в сфере обеспечения конфессиональной безопасности Беларуси.

В соответствии со ст. 45 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь объединения граждан, в том числе и религиозные организации, являются полноправными субъектами системы обеспечения национальной безопасности. Во внутривероисповедной сфере эти субъекты предотвращают возможности возникновения противоречий, распрей, недоразумений в сфере межконфессиональных отношений, сотрудничая с соответствующими государственными органами [1, с. 25–26].

Современная насыщенность конфессионального пространства и разнообразие его составляющих свидетельствуют о высокой степени религиозной свободы,

достигнутой в Республике Беларусь за последние десятилетия. В Республике Беларусь по состоянию на 01.01.2012 г. зарегистрировано 3 374 религиозных организаций, принадлежащих к 25 конфессиям, тогда как на 01.01.1989 г. было только 768 религиозных организаций 10 направлений [2, с. 192–193].

Белорусская православная церковь (БПЦ) насчитывает 1 567 общин, Римско-католическая церковь (РКЦ) – 479, протестантские церкви – 1 025. Кроме того, в Беларуси существует около 150 организаций харизматической направленности, а также 36 иудейских религиозных институций и 25 мусульманских [3].

В Беларуси отмечается рост численности различных религиозных, псевдорелигиозных организаций и миссионерских движений, выступающих под знаменем религии, которые смогли создать на территории нашей страны свою сетевую систему. В этой связи возникает вопрос о необходимости определения легитимности деятельности существующих религиозных организаций на территории Беларуси, разработки правового инструментария для законной организации эффективных мер по противодействию угрозе распространения радикальных идей в обществе. Также следует отметить, что новые религиозные образования, прежде всего неопротестантской, харизматической направленности, действительно заняли ведущее положение в жизни белорусского общества, но реалии нашего общества таковы, что уже сегодня наблюдается тенденция к увеличению данных религиозных новообразований. Наряду с активным интересом, проявляемым к традиционным формам религии, можно заметить рост интереса и к многочисленным нетрадиционным формам религиозных организаций. В Беларуси сегодня представлено множество так называемых новых религий – новейшие религиозные культы, возникшие в XX веке. Для этих культов характерно стремление сочетать в себе традиции известных мировых религий Востока и Запада и представлять себя в качестве «самой истинной» мировой религии. К этой группе культов относятся Бахаи, Общество Сознания Кришны (кришнаиты), Трансцендентальная Медитация (ТМ), центр Шри Чинмоя, церковь Объединения (мунисты), Церковь Последнего Завета, Церковь Дианетики (Саентологии) и другие.

Современная религиозная ситуация определяется тем, что, во-первых, в стране сформировалось мировоззренчески плюралистическое социокультурное пространство с преобладанием православной самоидентификации; во-вторых, наличием внутриконфессиональных и межконфессиональных противоречий, распрей, недоразумений, определённым уровнем конфликтогенности в этноконфессиональной сфере. Поликонфессиональность страны создаёт особые условия для взаимодействия различных религиозных идентичностей, что необходимо учитывать при создании системы конфессиональной безопасности, которая должна включать в себя грамотную систему политического регулирования государственно-конфессиональных отношений с учётом разницы в системах вероисповеданий; сложности функционирования поликонфессионального поля; проблем сохранения религиозной идентичности; механизмов сохранения межконфессионального равновесия (толерантности, межконфессионального диалога).

Как показывают социологические исследования, доля верующих в республике возросла с 10–15% в 1988 году до 30% в 1990 году и в последние годы приближается к 60% [4, с. 150].

Как фиксирует социологическое исследование «Конфессиональная идентификация населения Беларуси» Центра социологических и политических исследований и географического факультета Белорусского государственного университета в 2006 г. (1 500 человек в 70-ти точках), религиозными себя считают 59% жителей Республики Беларусь, квазирелигиозными – 5%, колеблющимися – 24%,

неверующими – 12%. Эти данные незначительно отличаются как от результатов исследований российских и украинских ученых и практиков, согласно которым на славянских территориях бывшего СССР уровень религиозности населения колеблется около отметки 60% [5, с. 48], так и от среднемировых. Согласно исследованиям группы Callup International, 66% населения мира заявило о своей религиозности и 25% назвали себя нерелигиозными [6, с. 38]. Это означает, что около 60% населения Республики Беларусь в той или иной степени испытывает религиозные потребности и вправе рассчитывать, что их удовлетворение будет предметом непосредственной заботы не только религиозных организаций, но и внимания и уважения со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Другим показателем отношения населения к религии является конфессиональная самоидентификация, которая может не совпадать с идентификацией по признаку веры – неверия. В сознании части опрошенных она выступает своеобразным заместителем этнокультурной идентификации.

В целом по конфессиональной принадлежности опрошенные в вышеупомянутом социологическом исследовании распределились следующим образом: 72,6% отнесли себя к православным, 0,4% – к разным направлениям протестантизма, 9,3% – к католикам, т.е. в целом к христианской традиции отнесли себя более 82% опрошенных; к мусульманам отнесли себя 0,5% [7, с. 32–33].

Доля православных (72,6%) вполне коррелирует с долей представителей славянских этносов в составе населения Республики Беларусь, а доля мусульман (0,5%) – с представительством тюркских и кавказских этнических групп.

Сейчас верующие более или менее равномерно распределены во всех группах населения по возрасту, образованию, занятости. В современном белорусском обществе религиозность утратила характер маргинальности определенных общественных групп, а стала духовным качеством, присутствующим в примерно равной степени всем группам населения, в том числе и наиболее молодым, образованным, профессионально квалифицированным и социально активным.

Вместе с тем показатели степени религиозности (интенсивности проявления религиозности и участия в религиозной жизни) значительно ниже показателя уровня религиозности. Это позволяет заключить, что религиозность большей части верующих носит формальный, декларативный характер, не подкрепляется глубокими религиозными переживаниями, знанием догматических основ и культовых предписаний своей религии, соответствующим уровнем религиозного поведения. В ней преобладает элемент традиционности, либо она выступает как ситуативная религиозность, которая не является проявлением глубокой и искренней веры в Бога, носит спонтанный характер, проявляется лишь время от времени в определенных, преимущественно неблагоприятных, жизненных обстоятельствах и в основном сводится к формальному соблюдению некоторых традиционных религиозных обрядов, следованию этноконфессиональным стереотипам поведения.

В целом стабильная религиозная ситуация в нашей республике наполнена внутренней динамикой, и надежды на её дальнейшее плавное развитие остаются пока надеждами, а не уверенными прогнозами. Формирование религиозной ситуации в Беларуси происходит без организующей роли государства – скорее, оно само следует ходу развития ситуации. Белорусское государство не имеет ни выработанной и опубликованной концепции государственно-конфессиональной политики, ни институтов, в обязанности которых входило бы систематическое изучение религиозной ситуации, ни сколько-нибудь эффективных инструментов влияния на неё. Вместе с тем религиозные организации занимают активную позицию по многим вопросам, и в этих условиях превосходство получают организации, соответствующие

религиозной ориентации большинства населения. В масштабах страны таким преимущественным положением пользуются Белорусская православная церковь (БПЦ) и Римско-католическая церковь (РКЦ).

Со времени провозглашения независимости Республики Беларусь одной из важнейших составляющих процесса общественных изменений стало утверждение религиозной свободы и религиозных прав человека. Эти трансформации содействовали весьма заметному возрастанию конфессионального присутствия в общественно-политической жизни страны.

Проявление религиозного фактора в современной Беларуси можно рассматривать в следующих проекциях. Во-первых, как внутреннюю и внешнюю религиозность, проявляемую в персональном опыте и в поведении. Во-вторых, религия вступает в качестве основания для культурно-цивилизационной идентификации, в качестве культурной традиции, не совпадающей с набором догматических постулатов того или иного религиозного течения. Во многом данная форма определяет вектор политических предпочтений и практик, выходя за рамки смысловых значений дихотомии светское/религиозное. В-третьих, речь идет о рассмотрении религиозных организаций как социально-политических институтов и субъектов политического целеполагания. Одновременно следует констатировать противостояние и противоречия в религиозной сфере, что уменьшает уровень доверия населения к религии и религиозным организациям.

Достаточно опасной является политизация государственно-конфессиональных отношений, когда политические силы, как те, что находятся у власти, так и оппозиционные, стремятся поддерживать определённую церковь и игнорируют или даже ущемляют интересы других, что приводит к возрастанию напряжённости в религиозном сообществе.

Следует отметить, что в Беларуси сегодня происходит бурный процесс создания новой модели религиозно-церковной жизни, особенностью которого является то, что развивается он не только за счёт действий внутренних факторов, а и под влиянием активной миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций и центров. Интересы национальной безопасности Республики Беларусь требуют приостановить неконтролируемый поток идеологической обработки белорусских граждан зарубежными служителями религиозных неокультов. Зарубежные миссионеры довольно часто проявляют открытое неуважение к белорусским традициям и законам, не учитывают религиозную ситуацию в стране. Значительная часть зарубежных проповедников и миссионеров прибывает в Республику Беларусь под видом туристов, специалистов образования, культуры, науки или бизнеса, а затем, нарушая действующее законодательство, они начинают религиозную деятельность.

Учитывая сложность религиозной ситуации и несовершенство законодательства в этой сфере, необходимо рассматривать деятельность некоторых зарубежных миссионеров в Беларуси как попытку вмешательства во внутренние дела страны, стремление навязывания чужих ценностей, далёких от национальной культуры и традиций. Бесконтрольное пребывание в стране некоторых зарубежных эмиссаров, их противоправная, а в отдельных случаях открыто враждебная в отношении Беларуси деятельность становятся дестабилизирующим фактором межконфессиональной ситуации.

Развитие неокультных организаций стало, с одной стороны, внешним индикатором демократического стиля упорядочивания социума, а с другой – через усложнение внутренних трансформационных процессов обусловило ряд угроз национальной безопасности страны, среди которых выделим такие:

1. Создание и поддержка зарубежными религиозными центрами деструктивных

религиозных сообществ, деятельность которых направлена против существующего государственного строя, угрожает общественной морали, сопровождается нарушениями общественного порядка, причиняет вред жизни и здоровью населения Беларуси. Так, Свидетели Иеговы запрещают членам организации переливание крови, что составляет угрозу здоровью и жизни последних. Мормоны считают, что законы Бога важнее законов человеческого общества, что является прямой угрозой государственному строю. Сатанисты, нарушая нормы морали и закона, практикуют жертвоприношения животных, а иногда даже людей.

2. Потенциальная опасность, присущая многим зарубежным (нетрадиционным для белорусов) религиозным культам, представители которых в любой момент могут осуществить особенно опасные антисоциальные действия, спровоцировать массовые беспорядки и гибель людей. Примером могут служить действия сатанистов, «Аум Синрикё», апокалиптических сект в Германии, Японии, США, Франции и других странах.

3. Негативная роль, которую играют зарубежные религиозные сообщества на нашей территории в деле сохранения историко-культурного наследия белорусского народа, формирования самодостаточности и моральности общества, повышения престижа отечественной культуры и образования, развития преемственности поколений и семейных отношений.

4. Криминальная деятельность некоторых зарубежных религиозных представительств, которая заключается в широком использовании ими материальных и финансовых средств, полученных незаконным способом (ввезённые контрабандно на территорию Беларуси, переданные криминальным структурам для «отмывания», полученные от теневого бизнеса и т.д.), а также случаи применения религиозными лидерами противозаконных поступков (направление незадекларированных пожертвований на запрещённые законом цели, мошенничество, оказание морального и физического вреда и т.д.).

5. Значительная угроза жизни и здоровью граждан, которые являются адептами неорелигиозных групп зарубежного происхождения, где широко применяется современный психотропный инструментарий для разрушения сознания человека и формирования у него постоянной зависимости от культа с помощью гипноза, экстрасенсорики, специальных химических препаратов и даже физического воздействия.

При разрешении данной проблемы следует учитывать европейский опыт. Европарламент рекомендует странам ЕС создать специальные парламентские комиссии для исследования деятельности неокультов. Австрия, Бельгия, Германия, Франция уже создали такие комиссии. Европарламент также принял рекомендации в отношении защиты прав и свобод граждан ЕС от негативного влияния некоторых неокультов, а также в способах обеспечения широким слоям общества доступа к информации о различных религиях.

Следует отметить, что в Республике Беларусь на законодательном уровне делались определённые шаги в разрешении данных проблем. На наш взгляд, подобные законы необходимы, однако при их подготовке следует прежде всего дать чёткое определение основных терминов, в частности таких как «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «негативное психологическое влияние» и т.д.

Анализируя довольно непростую ситуацию в религиозной сфере, следует отметить, что сегодня необходимо осуществить ряд шагов, направленных на преодоление отмеченных ранее противоречий. В этом контексте государство должно разработать взвешенную и в то же время динамичную политику государственно-конфессиональных отношений, направленную на обоснование собственных национальных интересов и укрепление консолидации белорусского общества.

Существует весьма широкий и достаточно гибкий спектр механизмов взаимосвязи государства и религиозных организаций, который либо определяется современной государственно-конфессиональной политикой того или иного государства или исторически сложившимися отношениями, либо является результатом социально-политических реформ и революций. Однако глобализационные процессы изменили современную картину мира и несколько пошатнули традиционно устоявшиеся модели государственно-конфессиональных отношений.

Политика в сфере конфессиональных отношений в Беларуси представляет собой весьма сложный процесс, обусловленный, с одной стороны, историческими реалиями системы взаимоотношений церкви и государства (как в дореволюционной России, так и СССР), а с другой стороны, функционирующей на настоящий момент моделью государственно-конфессиональных отношений.

Государственно-конфессиональные отношения характеризуют достаточно сложную, исторически обусловленную систему взаимоотношений государственных органов с целой совокупностью конфессиональных объединений, представляющих собой не только традиционно существующие на данной территории организации, но и транснациональные религиозные сетевые структуры. Государственно-конфессиональные отношения регулируются с помощью государственно-конфессиональной политики, которая представляет собой систему и способы регуляции взаимоотношений акторов данной политики (государства, религиозных организаций, граждан), направленных на урегулирование противоречий, распрей, недоразумений в конфессиональной сфере и поддержание целостности государства на основе согласования различных вероисповедных интересов.

Система реализации государственно-конфессиональной политики представляет собой сложную биполярную коммуникационную систему, на одном полюсе которой находятся властные структуры, на другом – религиозные, и которая реализуется в политическом поле на нескольких уровнях – мегауровне (мировая и региональная политика), макроуровне (национальная и локальная политика) и на микроуровне (индивидуальная деятельность). В политическом поле государственно-конфессиональных отношений основными акторами являются: государство, религиозные объединения (конфессии), индивиды и так называемые интегральные акторы, представляющие собой как международные конфессиональные организации, так и сетевые сообщества и неинституционализованные группы. Все религиозные акторы действуют в той или иной мере на всех уровнях политической системы. Акторы конфессиональной политики реализуют её через систему механизмов, представляющих собой «параллельные структуры» в виде законодательной базы и целого ряда параллельных институтов, способствующих её грамотной реализации: этнорелигиозные советы различного уровня, экспертные советы и т.д. Каждый уровень системы обеспечен своей законодательной базой (от Всеобщей декларации прав человека до подзаконных актов) и своими механизмами реализации.

Грамотная государственно-конфессиональная политика, направленная на сохранение конфессиональной безопасности, должна учитывать как исторические реалии формирования конфигурации конфессионального пространства (конфессиональный состав и наличие или отсутствие доминирующих конфессий), так и современные тенденции его функционирования и развития, что обеспечивает сохранение конфессиональной безопасности в системе национальной безопасности страны. На современном этапе понятие «конфессиональная безопасность» трансформируется и переосмысливается.

Понятие «конфессиональная безопасность», в отличие от термина «религиозная безопасность», наиболее удачно подходит для использования

в политическом дискурсе. Под конфессиональной безопасностью понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и её культовой оболочки (что не является прерогативой государственной политики), сколько предотвращение противоречий, распри и конфликтов на конфессиональной почве (что входит в сферу государственной политики). Конфессиональная безопасность включает в себя наличие системы условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающей или, по крайней мере, смягчающей противоречия, распри, недоразумения, связанные с конфессиональной принадлежностью.

Понятие «конфессиональная безопасность» шире понятия «государственно-конфессиональная безопасность», поскольку наряду с государственной безопасностью и системой государственно-конфессиональных отношений охватывает и межконфессиональные проблемы, и личную безопасность, и сохранение религиозной идентичности на национальном и личностном уровнях. Хотя сама по себе религиозная идентичность не является результатом политической деятельности, политический выбор не является её жёстким коррелятом, однако проблема религиозной идентичности непосредственно встраивается в систему конфессиональной безопасности, прежде всего на фоне глобализационных процессов.

Заключение

Таким образом, характеризуя конфессиональную политику и систему конфессиональной безопасности в Республике Беларусь, следует отметить, что на неё оказывает влияние целый ряд факторов различного уровня: мега-, макро- и индивидуального. На мегауровне на формирование конфессиональной безопасности в Республике Беларусь оказывают влияние процессы глобализации, которые с начала 1990-х годов способствовали усилению и без того высокой религиозной мозаичности, прежде всего за счёт протестантских деноминаций, новых религиозных движений (НРД) и мистических групп. Часть конфессий восстанавливается в 1990-е годы через включение в транснациональные глобальные религиозные сети.

На макроуровне можно выделить общенациональную конфессиональную политику и факторы, связанные со спецификой политики регионов.

На индивидуальном уровне как об определённых факторах мы можем говорить о влиянии отдельных личностей как на конструктивные процессы в области сохранения конфессиональной безопасности, так и на деструктивные. К конструктивным действиям мы можем отнести, во-первых, взвешенную и весьма осторожную конфессиональную политику руководителей государственных структур регионов, их внимание к конфессиональным проблемам. Во-вторых, на личностном микроуровне определённым политическим фактором формирования конфессиональной безопасности является и общественная деятельность глав религиозных конфессий, учитывающих геополитическую сложность ситуации в Республике Беларусь, необходимость осторожных, грамотных, политически выдержанных решений в связи с нестандартными ситуациями возникающими в регионах.

Белорусская государственная конфессиональная политика до сих пор не имеет единой, принятой на государственном уровне концепции, которая учитывала бы реальную динамику изменения конфессиональной ситуации, более тесное сближение религии и политики, её влияние на геополитическую ситуацию страны и одновременно включала бы в себя систему законодательных актов, институтов и механизмов её осуществления. Вместе с тем очевидно, что одних государственных мер, нацеленных на утверждение свободы совести и вероисповедания, недостаточно для создания оптимальной системы государственно-конфессиональных отношений. К этому

процессу должен быть подключён потенциал гражданского общества, академической науки, приоритеты духовных ценностей общечеловеческого масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276, 1/12080.
2. Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 208 с.
3. Статистические данные: Приветствует Беларусь! Сайт Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belarus21.by/ru/main_menu/religion/relig_org. – Дата доступа : 05.03.2012.
4. Котляров, И.В. Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И.В. Котляров, Л.Е. Земляков. – Минск : Изд-во МИУ, 2004. – 232 с.
5. Пирожник, И.И. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55.
6. Жилинская, И.В. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь : учеб.-метод. пособие / И.В. Жилинская, Л.Е. Земляков, Н.Н. Коликова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 109 с.
7. Отчёт о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси и разработать электронный вариант географического атласа «Конфессии и культовые сооружения Беларуси» (заключительный) № 396/61. – Минск, 2007. – С. 32–33.

Zemlyakov L.E., Sheris A.V. The Role of the Religious Factor in the National Security Policy of the Republic of Belarus

The article is devoted to studying the role of the religious factor in the national security policy of the Republic of Belarus. The attention in the work is drawn to the research of the activity of religious organizations in the context of the national security policy in the process of forming and development of the modern Belorussian society. The place and the role of the confessional factor in the national security policy of the Republic of Belarus are developed comprehensively and in system. A special part in the article is assigned to the study of forming the political mechanisms of cooperation of governmental authorities and religious organizations at the present stage.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.04.2012

УДК 321

М.В. Ильин

СЦЕНАРИИ И ТЕХНОЛОГИИ «РЕВОЛЮЦИЙ», РЕАЛИЗУЕМЫЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*Организованная толпа всегда
играла большую роль в жизни народов,
но роль эта никогда не имела такого
важного значения, как в данную минуту.
Эту толпу, о которой начинают
так много говорить, мы знаем очень мало.*

Густав Лебон

В статье показаны характерные особенности «цветных революций». Рассмотрены их основные сценарии, реализуемые на постсоветском пространстве в начале XXI века. Выявлены технологии подготовки и осуществления «цветных революций» с учётом развития виртуальных социальных сетей. В контексте представленных сценариев зафиксированы некоторые события, связанные с выборами Президента Беларуси в декабре 2010 года. Констатируется необходимость разработки механизма противодействия деструктивным сценариям в латентной стадии политического конфликта.

Введение

В Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию 08.05.2012 года подчёркивается: «Беларуси не нужны революции и потрясения, которые ведут к хаосу, разрухе и крови... Да, мы прекрасно видели, как через Интернет пытались взорвать нашу страну... На подрывную работу в Интернете мы дали наш достойный ответ, в том числе используя новые информационные технологии. Так будем поступать и впредь».

Достойный ответ предполагает анализ возможных сценариев «цветных революций», характерных для пространства бывшего СССР, и современных технологий их подготовки и осуществления [1–10].

Вряд ли и впредь нам удастся избежать подобных конфликтов «с применением новейшего оружия массового, локального и точечного информационно-коммуникационного поражения» [10, с. 4].

В Беларуси неплохо усвоили историю XIX и XX веков и не понаслышке знают, что такое мятежи и революции, энтузиазм масс и агитационно-пропагандистская работа, поэтому мы также имеем право и на собственное прочтение революций, в том числе и «цветных» [11–16].

Насколько корректно использование в названии этих событий термина «революция»?

Алгоритм «классической» революции и возможные сценарии «цветных»

Обобщая подходы, изложенные в работах [2–4; 10–18], можно предложить следующий упрощённый алгоритм «классической революции», состоящий из трёх коррелированных фаз (таблица 1).

Таблица 1 – Упрощённый алгоритм «классической» революции

Фаза	Содержание
«Подготовка»	Масштабная пропагандистская кампания манипуляции общественным мнением и террора с целью дискредитации, деморализации и делигитимизации действующей власти, доказательства ущербности государства; вербовка и обучение.
«Осуществление»	Организованный всплеск насилия, взрыв массовой активности, энтузиазма и воодушевления; культивирование чувства сопричастности, могущества, силы, надежды и смысла жизни массы, трансформированной в манипулируемую толпу и свергающую действующую власть.
«Изменения»	Радикальные, фундаментальные, эпохальные быстрые изменения во всех сферах общества, коренная трансформация ценностей, мифов, символов и верований, смена элит и характера политического лидерства, перераспределение статуса и богатства.

Данный алгоритм не претендует на исчерпывающую полноту и служит исключительно задачам данного исследования. Совершенно очевидно, что он предполагает «свержение государственной власти с глубокими изменениями в её структуре и функциях» [4, с. 9].

«Цветная революция» представляет собой имитацию, виртуальный суррогат революции. Это даже не столько государственный переворот, сколько рейдерский передел собственности, политтехнология использования энергии манипулируемой толпы и надежд обманутого народа.

Если в индустриальном обществе массовой унификации взглядов тотальная манипуляция сознанием осуществлялась по шаблону массовой индустрии, то в постиндустриальном обществе характер манипуляции приобретает более изощрённые мультикультурные субъект-субъектные сетевые интерактивные черты [19–21].

Так называемые политические «элиты» готовы к переводу внутриэлитной «местечковой» конфронтации в массовые столкновения, при этом оппоненты действующей власти позиционируют «...себя не как социально-политические инноваторы, а как сторонники существующих демократических прав и свобод, попираемых авторитарным режимом» [10, с. 11].

Таким образом, «цветные революции» фактически предполагают в рамках реализации третьего этапа банальный передел собственности под заклинания на тему демократии, национальной идентификации, защиты языка или геополитического выбора.

Никакого концептуального видения будущего у так называемой оппозиции, как правило, не наблюдается, но «любые революции и перевороты – это прежде всего соревнование в политической воле и решимости. Если одна сторона ради своей победы готова идти абсолютно на всё, а другая не решается перешагнуть некую ею же самой установленную грань – победитель понятен» [2, с. 98].

Анализ событий, которые произошли в Азербайджане, Беларуси, Грузии, Киргизии, Молдове, Узбекистане и Украине, позволяет отнести их к категории «цветных революций», группируемых в рамках комбинаций четырёх сценариев [1–5; 7; 8; 10] (таблица 2).

Таблица 2 – Сценарии «цветных революций»

Условное обозначение	Содержание	Характерный пример, год
«Выборы»	Переворот, приуроченный к выборам, инициирование кризиса легитимности власти.	Грузия (2003); Украина (2004); Молдова (2009); Беларусь (2006, 2010).
«Штурм»	Насилие, штурм «цитадели режима».	Азербайджан (2003); Киргизия (2005, 2010).
«Заговор»	Заговор части правящей элиты в отношении лидера.	Азербайджан (2005).
«Марш периферии»	Экспорт революции из периферии в столицу, возможно культивирование этнических конфликтов.	Киргизия (2005, 2010); Узбекистан (2005).

Эти произошедшие «на наших глазах «цветные революции» просто не могут быть истолкованы в привычной логике разрешения социальных противоречий» [4, с. 58]. Данные события диктуют необходимость координации усилий всех институтов государства в латентной стадии конфликта, на этапе его эскалации и стабилизации обстановки, но «очень часто их усилия оказываются несогласованными и противоречащими друг другу. В таких условиях обращение к крайним средствам регулирования социально-политических конфликтов становится стечением случайных обстоятельств наряду с амбициозностью и чрезмерной уверенностью политиков» [22, с. 43]. Так, например, в 2004 году, по мнению ряда экспертов, «действовавшая власть в ходе предвыборной кампании также прибегла к манипуляции – речь идёт о применении политических технологий раскола Украины и напряжённо-дестабилизационного сценария» [10, с. 25]. «Если уже говорить о революции в Украине, то её внешнее проявление состояло отнюдь не в оранжевой символике и стоянии на майдане, а в утрате Украиной суверенитета, в активном вмешательстве иностранных государств в её внутренние дела» [5, с. 53].

В ходе подготовки подобных трансформаций процесс дискредитации, деморализации и делигитимизации действующей власти «протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей», воздействие оказывается «не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека» [4, с. 28].

А. Грамши сформулировал теорию подобных переворотов, но в настоящее время «появилась возможность быстро разрабатывать технологии таких революций применительно к конкретной социокультурной обстановке» [4, с. 39], «особенностью технологического шаблона переворотов постмодерна является как раз их резкое смещение в сферу массового революционного маркетинга и провокацию широкого неповиновения гражданских групп» [7, с. 44].

Подготовка «цветной революции»

Рассмотрим подробнее фазу «Подготовка» применительно к первому сценарию «цветных революций» под названием «Выборы». Резюмируя точки зрения,

изложенные в работах [1–10; 13], в эту фазу гипотетического сценария включим следующие политические технологии:

1) мониторинг потенциала общественных групп, новых религиозных организаций, молодёжных субкультур, политических объединений, способных выдвинуть проходного кандидата в президенты и организовать массовые акции гражданского неповиновения;

2) раскручивание оппозиционного лидера, признаваемого номенклатурой, силовиками и внешними центрами влияния;

3) максимально возможная консолидация, широкая коалиция оппозиционных сил, создание объединённого политического штаба, использующего профессиональный политический менеджмент и маркетинг в системе современных сетевых политических коммуникаций;

4) организация финансовой, моральной, информационной и дипломатической поддержки оппозиции со стороны внешних сил, использование PR-технологий, адекватных целевым приоритетным группам общественности, организация конфронтационной пропаганды и агитации, каналов распространения слухов;

5) активация протестной активности предварительно зарегистрированных СМИ или раскрученных популярных форумов, блогов и интернет-сообществ;

6) подготовка ударной силы «цветной революции» под крышей семинаров, тренингов и палаточных лагерей, использование миграционных потоков, провоцирование религиозно-этнических противоречий, конфликтов на тему геополитической ориентации и национальной идентификации;

7) персонификация действующей власти, шантаж, угрозы уголовного преследования в адрес наиболее активных сторонников, дискредитация её «проекта будущего», культивирование противоречий внутри власти, угроза непризнания выборов со стороны международных организаций, замораживания личных счетов в зарубежных банках;

8) дезинформация, деморализация и раскол силового блока, неспособного на применение силы внутри страны, его бездействие и самоустранение, делегитимизация правящей группировки в сознании самих представителей власти;

9) склонение части политической элиты к предательству национальных интересов, заключающемуся в переводе внутриэлитного конфликта в массовые беспорядки.

Как никогда оказываются актуальными слова Г. Лассуэлла, что пропаганда является орудием, «главная функция которого заключается в том, чтобы уничтожить в неприятеле желание борьбы, вселяя уныние, разочарование и разногласия... Особенно когда обожание индивидуума перешло в официальное религиозное поклонение демократии... На успех пропаганды влияют известные традиции как всего народа, так и каждой из составляющих его групп» [13, с. 158, 181, 186].

Впервые на выборах в Государственную Думу России в 2011 году социальные сети стали удобной площадкой для дискредитации отдельных чиновников. «Интернет породил и феномен А. Навального. Выход Навального из тени – это выход из тени интернет-юзеров, способных не только пассивно воспринимать информацию, распространяемую по каналам классических СМИ, но создающих и распространяющих её самостоятельно» [23, с. 18].

Осуществление «цветной революции» по сценарию «Выборы»

Эта фаза гипотетического сценария предполагает реализацию следующих технологий [1–10; 13; 17; 18]:

1) организация многочисленных, нарастающих как снежный ком

театрализованных «мобберных» акций протеста, создающих фон избирательной кампании;

2) широкое использованием массовых увеселительных зрелищных мероприятий для потребителей революции, сочетающих «революционную, туристическо-палаточную и любовную романтику» [10, с. 71] с элементами карнавальной культуры;

3) формирование эффекта сопричастности к «судьбоносным» событиям массы манипулируемых граждан, трансформируемых в толпу, оккупирующую центральную площадь столицы;

4) организация локальных акций в провинции;

5) организация системы альтернативного наблюдения и подсчёта голосов избирателей, механизмов манипулирования социологическими опросами;

6) объявление «победы» оппозиции сразу после окончания голосования;

7) установление и обнародование «фактов» массовой фальсификации выборов со стороны действующей власти;

8) длительные массовые акции протеста, блокирование зданий ключевых государственных органов и учреждений, формирование мирового общественного мнения, в том числе с использованием методов «гражданской журналистики», «практически всегда эти революции становятся общемировыми спектаклями, трансляции которых привлекаются мировые СМИ» [4, с. 76];

9) ультиматум действующей власти со стороны внешних сил, их готовность в посредничестве на переговорах «власть – оппозиция»;

10) предательство части представителей действующей власти, их открытая поддержка оппозиции;

11) поражение действующей власти, перераспределение власти и собственности.

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, «уже государство втягивается как один из актёров в политические спектакли с применением насилия, поставленные теньевыми режиссёрами... Мы теряем ощущение реальности, перестаём понимать, где игра актёров, а где реальная жизнь. Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу» [4, с. 60, 62].

Г. Лебон подчёркивает «крайне низкую степень толпы в умственном отношении, включая сюда даже собрания избранных... Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства» [17, с. 111, 117].

Эксперты выделяют три основных способа борьбы с массовыми акциями оппонентов [10]:

1) делегитимизация данных массовых сборищ в глазах общественного мнения;

2) срыв организованного массового сборища с помощью внешнего давления;

3) срыв организованного массового сборища оппонентов методами работы внутри толпы.

Учитывая достижения мобильной связи и Интернет, сценаристы переворотов пытаются «сочетать технологии управления группами давления с вниманием к самоорганизующимся процессам. Между «группами давления» должна осуществляться самостоятельная, автономная от штаба связь и координация действий» [10, с. 71].

Выборы Президента Республики Беларусь 2010 года

Рассмотрим хронологию основных событий, предшествовавших незаконным уличным акциям в Минске 19 декабря 2010 года (таблица 3).

Таблица 3 – Некоторые события, характеризующие политический процесс с 16.09.2010 по 19.12.2010 года (по материалам сайта <http://www.belgazeta.by/>)

Дата	Событие
16.09 – 17.11.	Регистрация инициативных групп потенциальных кандидатов в Президенты Республики Беларусь, сбор подписей, проверка подписных листов.
20.10.	Визит Президента Литвы в Минск.
01.11.	Визит в Минск министров иностранных дел Германии и Польши.
08.11.	Потенциальный кандидат Н. Статкевич заявил, что «тут уже никто ничего нового не придумает. Все страны мира, которым отказывали в праве свободного выбора, завоёвывали это право путём <i>массовых протестов на улицах</i> ».
12.11.	Потенциальные кандидаты А. Санников и В. Некляев, заявили, что «никаких выборов не предусмотрено, ...нашим общим ответом на это должна стать <i>площадь</i> как мирное сопротивление фальсификации выборов».
15.11.	БДИПЧ ОБСЕ открыл в Минске миссию для наблюдения за выборами.
19.11.	Открыта миссия наблюдателей СНГ.
18.11.	Регистрация 10 кандидатов в Президенты Республики Беларусь.
22.11, 23.11.	Кандидаты в Президенты В. Рымашевский и Н. Статкевич призвали избирателей встретиться на <i>площади</i> 24.11.2010.
24.11.	« <i>Репетиция площади</i> », незаконная акция оппозиции в центре Минска с участием лидеров зарегистрированного в Чехии «Молодого фронта». Резолюцию митинга прикрепили у входа в Дом правительства.
30.11	Предупреждение Центризбиркома Н. Статкевичу и В. Рымашевскому.
04.12.	На теледебатах кандидаты в Президенты В. Некляев, Я. Романчук, В. Рымашевский, А. Санников и Н. Статкевич призвали людей на <i>площадь</i> , «чтобы <i>отпраздновать победу</i> или <i>принять какое-то другое решение</i> ».
06.12 – 07.12.	Четвёртое Всебелорусское народное собрание.
09.12.	Президенты Беларуси, Казахстана и России подписали весь пакет документов по ЕЭП.
11.12.	Глава Администрации Президента Республики Беларусь заявил, что «готовятся группы боевиков, закупаются тёплые вещи, пиротехнические и даже взрывчатые вещества».
19.12.	<i>Массовые беспорядки</i> в центре Минска, попытка штурма Дома правительства, аресты лиц, подозреваемых в совершении преступления по ст. 293 УК Республики Беларусь.

События 19.12.2010 года в Минске представляют собой провалившуюся попытку «цветной революции» по сценарию «Выборы» с фарсом под названием «Штурм».

Даже «у западных исследователей всё меньше расхождений – всё больше учёных оценивает такого рода явления как частный случай геополитического передела мира и эвфемизм для определения государственного переворота, в котором решающим фактором становится финансирование, планирование и организация «цветного путча» извне, запускаемого под видом народно-освободительного движения или демократизации для разрушения государства-нации и установления наднационального неявного внешнего управления» [7, с. 41].

Беларусь – одна из немногих стран, где этот сценарий закончился провалом, политическая система страны выдержала испытание на прочность, власть действовала решительно и технологично.

Автор солидарен с мнением А.Э. Галича, что на постсоветском пространстве «власть, элиты и экспертное сообщество не смогут избежать необходимости формирования оптимизационных контуров протестных сообществ и векторов канализации протестной активности. Стоит проблема не столько имитации своеобразной зубатовщины, сколько неизбежности переориентации протестной энергии и активности с деструктивного тренда, ведущего к разрушению социальных связей и институтов, в направлении формирования политического сознания и зрелой гражданской позиции» [10, с. 4].

Однако тенденция роста уличной активности 2001, 2004, 2006, 2010 годов в Минске не может не вызывать определённого беспокойства. В 2010 году сценарий «цветной революции» зашёл как никогда далеко. Представляется, что не следует дожидаться подготовки и осуществления очередной попытки «цветной революции», а выработать приемлемую стратегию управления политическим конфликтом, пока эта «толпа находится не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров» [4, с. 79]. Подобной стратегией может стать стратегия вытеснения политического конфликта выстраиванием новых экономических, политических и социальных отношений в рамках проекта Евразийского союза [20; 21]. Стратегия предполагает ценностную консолидацию политической элиты вокруг идеи проекта, ибо «средством борьбы за гегемонию в руках элит является прежде всего идеология, которая принимает различные формы» [8, с. 20].

Особая роль в «цветных» сценариях отводится молодёжи, «спектакль «оранжевой» революции изначально ставился режиссёрами как молодёжный карнавал» [4, с. 310]. В Беларуси проживает 2 млн. 345 тыс. человек в возрасте от 14 до 31 года; по переписи 2009 года на 1 000 молодых граждан приходится 169 человек с высшим образованием [24]. По мнению Ю. Дракохруста, «молодёжь в значительной степени, чем население в целом, тяготеет к европейскому геополитическому выбору», но «её базовая социокультурная идентификация всё ещё остаётся евразийской», «значительная часть молодых «евробелорусов» чувствуют большую культурную близость не с Европой, а с титульным этносом России, объединение с которой они отвергают» [24, с. 18].

Заключение

В контексте рассматриваемого трёхфазового алгоритма «классической» революции установлено, что сценарии так называемых «цветных революций» не предполагают фундаментальных изменений в рамках неких провозглашённых идеалов.

«Цветные революции» представляют собой имитацию, виртуальный суррогат революции, это даже не столько государственный переворот, сколько рейдерский передел собственности, политтехнология использования энергии манипулируемой толпы и надежд обманутого народа.

В условиях развития информационного общества меняется характер манипуляций, приобретая более изощрённые виртуальные мультимедийные, интерактивные сетевые формы, учитывающие особенности целевых аудиторий.

Политический механизм противодействия сценариям «цветных революций» должен обеспечивать канализацию протестной энергии в правовое русло, не допуская массовых беспорядков.

Необходимы координация усилий всех институтов государства, совершенствование политического механизма противодействия сценариям «цветных революций» прежде всего в латентной стадии политического конфликта.

Управляемые либо самоорганизующиеся виртуальные политические сетевые сообщества не должны трансформироваться в мобильные уличные толпы, способные к противоправным действиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин, М.В. Управление: государство, политика, безопасность / М.В. Ильин [и др.]. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 284 с.
2. Афанасьева, Е. Государство или революция? / Е. Афанасьева. – М. : Европа, 2005. – 115 с.
3. Пугачев, В.П. Управление свободой / В.П. Пугачев. – М. : КомКнига, 2005. – 268 с.
4. Кара-Мурза, С.Г. Революции на экспорт / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо: Алгоритм, 2006. – 525 с.
5. Мирзоев, С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях» / С. Мирзоев. – М. : Европа, 2006. – 221 с.
6. Васецкий, А.А. Системные конфликты в процессе становления современной политической системы России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А.А. Васецкий. – СПб., 2008. – 43 с.
7. Лебедева, И. Брокеры мусорных революций / И. Лебедева // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека : сб. ст. ; сост. Е.А. Бондарева. – СПб. : Алетей, 2008. – С. 39–55.
8. Смирнов, Д.Н. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Д.Н. Смирнов. – Н. Новгород, 2008. – 27 с.
9. Атанесян, А.В. Конфликтные коммуникации и проблемы информационной безопасности : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А.В. Атанесян. – Ереван, 2009. – 49 с.
10. Гапич, А.Э. Технологии «цветных революций» / А.Э. Гапич, Д.А. Лушников. – М. : РИОР, 2010. – 132 с.
11. Ходоровский, И.И. Памятка коммунисту на фронте / И.И. Ходоровский. – Витебск : Изд-во Витеб. губагентства по распространению печати, 1919. – 14 с.
12. Сталин, И.В. Троцкизм или ленинизм? : речь на пленуме Фракции ВЦСПС 19 нояб. 1924 г. / И.В. Сталин. – М. : Гос. изд-во, 1925. – 32 с.
13. Ласуэллвель, Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласуэллвель ; пер. с англ. в обработке Н.М. Потапова ; предисл. М. Гуса. – Л.; М. : Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, тип. Печатный двор в Лгр., 1929. – 200 с.
14. За большевистское качество политзанятий! : стеногр. окружного совещ. групповодов, 10–12 апр. 1936 г. / обработка Д. Богданова. – Смоленск: Изд-во Политупр. Белорус. воен. округа, 1936. – 48 с.
15. Степин, С. Как вести политическую агитацию в деревне / С. Степин, Б. Зельцер. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1948. – 130 с.
16. Кожевников, В.П. Пропаганда и агитация большевиков в дооктябрьский период / В.П. Кожевников. – М. : Политиздат, 1983. – 96 с.
17. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М. : Академ. Проект, 2012. – 239 с.
18. Почебут, Л.Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса / Л.Г. Почебут. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 285 с.

19. Князева, И.В. Манипуляции общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / И.В. Князева. – Воронеж, 2011. – 22 с.

20. Ильин, М.В. Сетевой PR и идеологическая работа / М.В. Ильин // Белорусская политология: многообразие в единстве. Политическое знание в современном социальном и образовательном пространстве : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф.; Гродно, 17–18 мая 2012 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: В.Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2012. – Ч. 1. – С. 199–203.

21. Ильин, М.В. Сетевой PR в структуре политического конфликта / М.В. Ильин // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф.; Минск, 26–27 апр. 2012 г. : в 2 ч. / Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: А.Н. Морозевич [и др.]. – Минск, 2012. – Ч. 2. – С. 211–213.

22. Пронин, Э.А. Социально-политические конфликты современности: теоретические модели и национальная практика : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Э.А. Пронин. – М., 2004. – 51 с.

23. Николук, С. Юзеры выходят из тени / С. Николук // Абажур. – 2012. – № 1. – С. 16–18.

24. Манаев, О. Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение / О. Манаев [и др.]. – СПб. : Невский простор, 2011. – 344 с.

Ilyin M.V. Revolution Scenarios and Techniques Realized on Postsoviet Area at the Beginning of the XXI Century

The characteristic peculiarities of «colour revolutions» are shown in the article. Their main scenarios, realized on the postsoviet area at the beginning of the XXI centuries are considered. The preparation techniques and the implementation of «colour revolutions» taking into account the development of virtual social networks are singled out. In the context of the given scenarios some events connected with the election of the President of the Republic of Belarus in December 2010 are taken down. The necessity of working out of opposition mechanism to destructive scenarios on the latent stage of political conflict is stated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.06.2012

УДК 321.01

Н.В. Ватиль**КРИТИКА ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ И.А. ИЛЬИНА**

На основе сравнительно-исторического и дискурсивного подходов в статье анализируются воззрения И. А. Ильина на тоталитарный политический режим. В своих работах русский политический мыслитель выявлял причины и условия генезиса тоталитарного режима, описывал основные признаки и формулировал предпосылки для его возможной эволюции. Причины Ильин разделял на международные и внутривосточные. К первым он относил: кризис религиозного мировоззрения, кризис государственных институтов, кризис экономических отношений; ко вторым – корпоративный эгоизм партий, политизацию культуры, атомизацию социума, пауперизацию населения. Генезису тоталитарного режима способствовали такие условия, как технико-технологические возможности (система фабричного труда; средства массовой коммуникации и информатизации) и административная система управления (иерархично выстроенный бюрократический аппарат). Признаками тоталитарного режима являлись моноидеология, единственная партия, массовый террор, контроль над СМИ, контроль над экономикой. Акцентируя внимание на душевном мире и психике человека как первоочередных объектах воздействия тоталитарной идеологии и тоталитарного строя, Ильин прогнозирует возможные формы эволюции тоталитарного режима, одной из которых является тотальное информационное манипулирование.

Генезис тоталитарного режима, его функционирование и эволюция по-прежнему остаются объектом изучения как отечественной, так и зарубежной тоталитаристики [1–3]. Об этом свидетельствуют не только последние вербальные тексты и конференциальные дискуссии, но и данные виртуальной статистики. Так, электронный каталог Национальной библиотеки Беларуси на запрос «тоталитаризм» выдает более 550 ссылок на монографии, изданные за последние два десятилетия [4]. Описанию природы тоталитарных режимов посвящаются специальные web-сайты [5]. Пристальное внимание исследователей к феномену тоталитаризма объясняется тем, что он не «умер», а способен при благоприятных условиях к реанимированию. Подтверждением чему являются неоднозначные последствия развития современных информационно-коммуникативных технологий. Особенно выявившаяся тенденция к тоталитарному манипулированию с их помощью общественным сознанием больших групп людей. [6, с. 19]. В этих условиях «правильное понимание сущности тоталитаризма, – как верно подчеркивает Р. Лутфуллин, – необходимо не только для того, чтобы определить самые разнообразные формы практических действий по его преодолению, но и для того, чтобы выработать действенные, в том числе и политико-правовые, механизмы, которые смогут реально воспрепятствовать появлению тоталитарных рецидивов впредь» [7, с. 3]. На этом пути нам важно знать суждения и подходы тех, кто первыми актуализировали тему тоталитаризма и тоталитарного режима. Одним из таковых был русский политический мыслитель И.А. Ильин (1883– 1954 гг.).

Концептуальному анализу разновидностей тоталитаризма в политическом учении Ильина посвящена работа К.Ф. Постникова [8]. Воззрения Ильина на предпосылки тоталитарного режима рассматривают Н.В. Работяжев и Э.Г. Соловьев [9]. Значение формализации государственного устройства как причины генезиса внимание на критике Ильиным левого тоталитаризма [11]. Однако ни один из авторов в полной мере не раскрыл понимания Ильиным причин, условий, признаков и Научный тоталитаризма, по Ильину, выявляет И.Н. Зернов [10]. Л.В. Пашенко акцентирует

Научный руководитель – С.В. Решетников, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии юридического факультета Белорусского государственного университета

внимание на критике Ильиным левого тоталитаризма [11]. Однако ни один из авторов в полной мере не раскрыл понимания Ильиным причин, условий, признаков и эволюционных форм тоталитарного режима. Характеристике обозначенных аспектов в критической интерпретации Ильина посвящена данная статья.

Русский политический мыслитель классифицирует причины и условия генезиса тоталитарного режима на внешние и внутренние, относя к первым все те, которые являли собой европейский кризис, а ко вторым – те, которые были отражением внутривосточных потрясений начала XX века. Для удобства рассмотрения создадим графическую таблицу (таблица 1).

Таблица 1 – Причины и условия возникновения тоталитарного режима (по Ильину)



Генезис тоталитаризма Ильин связывал, в первую очередь, с кризисом европейских идеалов, которые, пройдя апробацию христианством, столкнулись с утилитарным практицизмом раннего капитализма [12, с. 182]. Рационализация и дехристианизация делают человеческую психику более уязвимой и одномерной, превращают человека в элемент коллективного целого, подчиняя его хаосу массы.

Кризис духовности как отражение примата эгоистичного капитализированного практицизма для Ильина становится основой кризиса государственных институтов. Юрист по образованию, он особенно остро ощущает его в кризисе правосознания. «Правосознание, как подлинная и творческая сила отбрасывается; ...остается только запугивание, насилие и террор как санкция и опора ...власти» [12, с. 212]. По Ильину, право отрывается от правосознания, вследствие чего общество, в итоге, превращается в механическую совокупность атомизированных трудовых индивидов, которыми легче управлять и подвергать контролю. Государственные институты в этом случае становятся инструментом для экономически господствующих классов.

Не менее важной причиной возникновения тоталитаризма стали диспропорции в бытии частной собственности. «Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание ...приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, выращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской свободы» [13, с. 654]. Без наличия частной собственности, придающей человеку стабильность и уверенность, им проще управлять и манипулировать, подвергать тотальному контролю, что составляет основу любого тоталитарного режима.

Для Ильина эти тенденции отражали факт конкретно-страновых практик конца XIX – начала XX в. В данном случае Германии и России.

К страновым причинам генезиса и становления тоталитаризма Ильин относил:

1. *Корпоративный эгоизм руководства политических партий.* Забывая стратегическую цель своей политической деятельности – интересы общества и человека, партийные лидеры и доктринеры ставят своим приоритетом борьбу за власть «ради власти». Вследствие этого они теряют способность к объединению для решения общих проблем, утрачивают авторитет у широких масс, подталкивая последних к поиску радикальных лидеров, способных навести железный порядок.

2. *Политизацию культуры.* Для Ильина политизация культуры означает то, что ее главной целью является консолидация и сплочение нации вокруг властных структур государства во главе со всемогущим вождем. Инакомыслящих и несогласных эти структуры жестко преследуют с последующим подчинением.

3. *Атомизацию социума.* Деструкция устойчивого положения больших групп людей и обезличивание социальных ролей в период кризиса означало для Ильина, что зарождающийся тоталитарный режим получал возможность манипуляции широкими массами людей в период борьбы за власть. Деградация традиционных связей способствовала усилению контроля за всеми гранями и слоями общества.

4. *Пауперизацию населения.* Бедность и бесперспективность жизни широких масс населения приводит к люмпенизации общества, появлению большого количества недовольных текущим положением людей, которые готовы менять ситуацию любыми средствами, в том числе и радикально-экстремистскими. В обществе появляется спрос на тоталитарную идеологию и харизматичных лидеров [12, с. 110–116].

К технико-технологическим возможностям русский политический мыслитель относил систему фабричной организации труда и средства массовой коммуникации и информатизации, с помощью которых можно было одновременно установить тотальный контроль и обеспечить манипулятивное воздействие на социальные группы и гражданские структуры. Административная система представляла собой иерархически выстроенный бюрократический аппарат, беспрекословно исполняющего верховную волю правящего лидера. Суммируя свои суждения о причинах и условиях, Ильин констатировал, что тоталитарный режим является детищем XX века, подлинный смысл политического бытия которого отражается в следующих действиях: устранить «хозяйственно-самостоятельную и духовно-самобытную личность и установить при помощи государственной диктатуры и террора новый уклад души и новый общественный строй» [12, с. 197]. Доминантой этого строя являлся абсолютный произвол власти.

Тем самым, данная констатация, появившаяся в 1928 году, весьма значительна для нашего исследования, ибо позволяет указать на один из фрагментов «лепты» (вклада) Ильина в создание основ теории тоталитаризма. Год означает первоочередность изучения; критерии оценки генезиса тоталитарного режима указывают на системный, теоретико-аналитический подход; выводы о генезисе тоталитарного режима в Германии и России свидетельствуют о выходе на уровень наднационального, европейского политического мышления.

Второй, (не менее важный) фрагмент вклада Ильина в осмысление феномена тоталитаризма есть аналитическая характеристика русским политическим мыслителем сущностных признаков тоталитарного режима сопряженных ученым с его возникновением. Эта сопряженность, на наш взгляд, дает возможность увидеть, какие из этих признаков отражают статику, а какие – динамику тоталитарного режима.

Для полноценного сравнительного и дискурсивного анализа создадим очередную классификационную таблицу признаков тоталитарного режима (таблица 2).

Таблица 2 – Признаки тоталитарного режима (по Ильину)

Признак	Характеристика
Идеология	Тотальная утопическая идеология, которая регламентирует и политизирует все сферы общественной и частной жизни, легитимирует действующий режим.
Монопартийность	Единственная партия, которая сливается с аппаратом государственного управления, либо полностью заменяет его.
Массовый террор	Полицейский контроль, массовые репрессии как в отношении граждан, так и членов партии.
Контроль над СМИ	Технический и идеологический контроль за всеми средствами коммуникации.
Контроль над экономикой	Подчинение всей экономической деятельности в государстве единой плановой системе через бюрократический аппарат.

Представленные в таблице признаки отражают аналитику работ Ильина 1920 – начала 40-х годов. Время артикуляции критериев оценки тоталитарного режима также указывает на первоочередность разработки им одного из важнейших фрагментов теории тоталитаризма – понимания его сущности. Для справедливости укажем, что подобная классификация в западной политологии в обобщенном виде появляется лишь в середине 1950-х годов в работе К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» [14].

Системообразующее начало тоталитарного режима Ильин видел в идеологии, которая устанавливает для общества и государства «исключительно господствующее, одно-единственное мировоззрение» [15, с. 196]. Мировоззрение, которое знает высшую финальную цель исторического развития. Претензия на мировоззренческую исключительность и знание высших исторических целей в первую очередь характеризует эту идеологию как тоталитаристскую. Экспансия, в том числе и военная, является одним из базовых принципов тоталитарной идеологии, поэтому «тоталитарное государство намерено проводить политику насилия и вовне, это часть его сущности, оно не может иначе» [16, с. 196]. Адепты этой идеологии формируют образ «врага», полное устранение которого провозглашается одной из целей режима. Тем самым происходит разделение на два лагеря – «своих» и «чужих» [17, с. 41–42].

Монополия на создание идеологического концепта и контроль за его реализацией принадлежат основному рычагу тоталитарного политического режима – политической партии. «Цель этой партии – завоевание мира, низвержение мира, обновление мира» [17, с. 39]. Реальная политическая власть принадлежит одной единственной партии, которая «срастается» с органами исполнительной власти, дублируя, а зачастую и подменяя их функции. Понятие «партия» становится тождественно понятию «государство» [16, с. 177]. Во главе партии стоит тоталитарный диктатор, обладающий, как правило, яркой харизмой и сильной политической волей. Диктатор как утверждал Ильин, становится «главным мотором, единственным источником власти и вездесущим сосредоточением тоталитарного режима» [18, с. 416].

Монополия и господство одной партии власти и единой идеологии имеет закрепление и продолжение в системе всепроникающего контроля, насилия и террора. Террор в виде санкционированного насилия формирует у граждан и партийных функционеров чувство страха и незащищенности перед государством. «Политическая система террора заключается в том, что в государстве слабеет и исчезает авторитет государственной власти и вследствие этого единственной опорой становится санкция насилия» [17, с. 114]. Страх атомизирует общество, лишая его членов возможности консолидироваться, объединяться в группы, партии, трудовые коллективы для защиты интересов и выражения своего мнения.

В информационно-коммуникативной сфере тоталитарный режим создавал собственную семантику, изобретал символы, формулировал традиции и ритуалы, предполагающие сохранение и упрочнение лояльности к власти, умножения преданности, а если необходимо, и страха перед нею. Контроль за СМИ, а также за любыми средствами коммуникации и передачи информации позволяет формировать общественное мнение, выстраивать единый идеологический курс и препятствовать появлению любого инакомыслия. «Партийная монополия на публичное слово гасит любую возможную критику и любые поправки», – констатирует русский политический мыслитель [18, с. 278].

Контроль за подданными в тоталитарном государстве осуществляется не только за счет устрашения и террора, но также путем формирования полной экономической зависимости посредством полной либо частичной ликвидации частной собственности [15, с. 173]. Все средства производства национализируются, а прибыль от производственного процесса идет на поддержание действующего режима, армии, полиции. При тоталитаризме «вырастает (быстро или медленно) монополия государства и слагается монополия инициатива одного единого чиновничьего центра» [19, с. 37].

Тем самым, подводя итог рассмотрению сущностных признаков тоталитарного режима «по Ильину», можно утверждать, что русский политический мыслитель не только заложил основы теоретико-методологического рассмотрения основ этой формы власти управления. Руководствуясь ими, он дал определение, согласно которому тоталитарный режим есть «политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования» [19, с. 111]. Создав полновесное представление о тоталитарном режиме, Ильин не только встал вровень с маститыми западноевропейскими политологами того времени, но по ряду аспектов предшествовал им. В первую очередь в вопросе об эволюции тоталитаризма.

Наиболее зримо понимание Ильиным скрытых возможностей тоталитарного режима проявляется в следующем. Определяя тоталитарный режим как результат духовного кризиса европейской цивилизации, он, тем самым, указывал на то, что именно душевный мир и психика человека являются объектами воздействия тоталитарной идеологии и тоталитарного строя в целом. Любой тоталитарный режим стремится «растлить мир духовно для того, чтобы поработить его политически» [13, с. 627]. Тем самым Ильин подчеркивал, что тоталитарный режим – это не столько система принуждения и контроля, сколько технология трансляции тоталитарных духовно-ценностных форм и образований. «Этот гипноз инфильтрует и калечит души – ...десятилетиями, в поколениях» [19, с. 113].

Такие оценки Ильиным возможностей тоталитарного режима привлекают пристальное внимание современных политологов, исследующих эволюцию тоталитаризма и его новые формы [20–25]. Одной из таких форм, к примеру, является тотальное информационное манипулирование [26, с. 1]. Такие формы воздействия

тоталитарного режима были описаны Ильиным задолго до современных исследователей. «Тоталитарный строй ... навязывает людям целый ряд больных уклонов и навыков, которые распространяются в порядке психической заразы и въедаются в душевную ткань» [19, с. 23].

Делая итоговый вывод, следует сказать, что результаты, полученные Ильиным в ходе исследования тоталитарного политического режима, имели значительную ценность для становления тоталитаристики в трех ее существенных аспектах: во-первых, в 20–30-е годы XX века он стоял у истоков историографической традиции исследования причин и условий генезиса тоталитаризма и одним из первых дал определение тоталитарного режима как политической власти и управления. Русский политический мыслитель, во-первых, задолго до признанных западных исследователей охарактеризовал совокупность тех сущностных признаков тоталитарного политического режима, которые лежат в основе канонической объяснительной модели. Подчеркивая значимость духовных и психологических механизмов воздействия тоталитаризма на сознание, Ильин способствовал разработке теоретико-методологических концепций эволюции тоталитарного политического режима. Концептуальный метод исследования Ильиным тоталитарного политического режима ставит полученные им результаты вровень с признанными научными работами классиков европейской политологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любин, В.П. Тоталитаризм: новые подходы / В.П. Любин // Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке : тезисы докладов IV Всероссийского конгресса политологов, Москва, 20–22 октября 2006 г. / под ред. А.И. Никитина [и др.]. – М. : Российская ассоциация политической науки, 2006. – 480 с.
2. Эйдли, Ф. Проблема легитимности для нелегитимных и частично легитимных режимов / Ф. Эйдли // Изменения в политике и политика изменений : Стратегия, институты, акторы : тезисы докладов V Всерос. конгресса политологов, Москва, 20–22 ноября 2009 г. / под ред. О.В. Гоман-Голутвиной [и др.]. – М. : Российская ассоциация политической науки, 2009. – 544 с.
3. Слуцкая, Л.В. Феномен тоталитаризма в современной западноевропейской политологии / Л.В. Слуцкая // Вестник БГУ. Сер. 3. История. Философия. Психология. Политология. Социология. Экономика. Право. – 2012. – № 1. – С. 56–59.
4. Национальная библиотека Беларуси [Электронный ресурс] / Национальная библиотека Беларуси. – Минск, 2009. – Режим доступа : <http://www.nlb.by>. – Дата доступа : 23.06.2012.
5. Теория тоталитаризма [Электронный ресурс] / – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/teoriitotalitarizma/>. – Дата доступа : 23.06.2012.
6. Люттвак, Э. Государственный переворот : практическое пособие / Э. Люттвак. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 326 с.
7. Лутфуллин, Р.Р. Тоталитаризм как политико-правовое явление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р.Р. Лутфуллин. – Казань, 2003. – 164 с.
8. Постников, К.Ф. Концепция тоталитаризма в политической философии И.А. Ильина : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / К.Ф. Постников. – М., 1996. – 182 л.
9. Работяжев, Н.В., Соловьев, Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы / Н.В. Работяжев, Э.Г. Соловьев. – М. : Наука, 2005. – 327 с.

10. Зернов, И.Н. *Монархия и будущее России* / И.Н. Зернов. – М. : Алгоритм, 2007. – 240 с.
11. Пашенко, Л.В. *Феномен тоталитаризма в трактовке представителей русского зарубежья* / Л.В. Пашенко // *Вестник МГТУ*. Том 11. – 2008. – № 1. – С. 89–93.
12. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней* / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 2001. – 576 с.
13. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : Русский колокол: журнал волево й идеи* / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : ПСГТУ, 2008. – 856 с.
14. Фридрих, К. *Тоталитарная диктатура и автократия* / К. Фридрих, З. Бжезинский. – М. : ИНИОН, 1993. – 438 с.
15. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : Мир перед пропастью. Аналитические записки и публицистика (1928–1941). Часть 3* / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 2001. – 592 с.
16. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : Справедливость или равенство?* / И.А. Ильин. – М. : ПСГТУ, 2006. – 576 с.
17. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве* / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 2001. – 528 с.
18. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов* / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 2004. – 624 с.
19. Ильин, И.А. *Собрание сочинений : в 10 т.* / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 2. Кн. 1. – 496 с.
20. Почепцов, Г.Г. *Пропаганда и контрпропаганда* / Г.Г. Почепцов. – М. : Центр, 2004. – 256 с.
21. Лисичкин, В.А. *Третья мировая (информационная) война* / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. – М. : Эксмо, 2003. – 448 с.
22. Пугачев, В.П. *Управление свободой* / В.П. Пугачев. – М. : КомКнига, 2005. – 272 с.
23. Цуладзе, А. *Политическая мифология* / А. Цуладзе. – М. : Эксмо, 2003. – 384 с.
24. Кара-Мурза, С.Г. *Манипуляции сознанием – 2* / С. Кара-Мурза, С. Смирнов. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. – 528 с.
25. Флад, К. *Политический миф. Теоретическое исследование* / К. Флад. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
26. Бернейс, Э. *Пропаганда* / Э. Бернейс. – М. : Hippo publishing, 2010. – 176 с.

Vatyl N.V. Criticism of a Totalitarian Mode in Ilyin's Political Doctrine

On the basis of comparative-historical and discourse approaches in article I.A.Ilyin's views on a totalitarian political mode are analyzed. In the works the Russian political thinker established the reasons and conditions of genesis of a totalitarian mode, described the basic signs and formulated preconditions for its possible evolution. The reasons Ilyins divided on international and internal. To the first have been carried: crisis of religious outlook, crisis of the state institutes, crisis of economic relations; to the second - corporate egoism of parties, culture politicisation, separation society, lack of principles of the government. Among conditions Ilyin allocated tehniko-technological possibilities (system of factory work; mass media and information) and a management system (structured the built officialdom). To signs of a totalitarian mode the thinker monoideology, unique party, mass terror, the control over mass-media, the control over economy. Focusing attention to the sincere world and mentality of the person as prime objects of influence of totalitarian ideology and a totalitarian system as a whole, Ilyin predicts possible forms of evolution of the totalitarian mode, one of which is the information manipulation is total.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.06.2012

УДК 32.01:303

Н.С. Решетникова

ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению способов мышления, которые применяют политологи, и методов, которыми они пользуются для того, чтобы расширить возможности получения информации по вопросам предмета своих исследований.

Объем источников, касающихся этой сферы настолько объемен, что в данных рамках сложно глубоко проанализировать все теоретические направления анализа политики как науки и искусства политического мышления. Многообразие политических институтов идеологий и мнений закреплено в статье 4 Конституции Республики Беларусь [1, с. 4]. Скорее всего, это – попытка проникновения в суть важнейших политологических подходов, дискуссий и споров, которые имеют место в политической науке уже длительный период времени.

Вся история политической науки свидетельствует о нарастании с течением времени ее разновидностей и расширения ее методологических и теоретических границ. Некоторые из классиков научного подхода к исследованию политического мышления надеялись, что научные дискуссии приведут к однородному пониманию политической науки. В принципе, нет сомнений в том, что до реализации этих намерений дело не дошло. Существуют предпосылки для понимания сущности «минимальной профессиональной компетенции», однако каких-либо согласованных позиций, связывающих понимание политической науки, существует не так уж и много. Известные американские политологи К. Гувер и Т. Донован включают в систему научного мышления следующие элементы – концепции, переменные зависимости, гипотезы, измерения и теории [2, с. 17].

Понимание сущности политического мышления все также идет в плюралистическом направлении. Доктор политических наук А.Г. Дугин считает: «Философия политики не просто исследует структуру механизмов рациональной деятельности (чем преимущественно занята современная «философия», существенно упростившая изначальное представление о «софии», номинальном объекте своего влечения) или описывает механизмы политического функционирования и исторический контекст политических идей, режимов и систем (чем занята политология), но проникает в глубинную сторону политики, добирается до того внутреннего измерения, где скрыты бытийные корни самого этого явления, столь тесно связанного с человеком как видом» [3, с. 11].

По мнению автора, в начале нет сложившихся предубеждений по отношению к плюралистическому направлению исследований политического мышления. В то же время отметим здесь две проблемы. Первая: необходимо иметь в виду большое разнообразие в политических науках в начале XXI века. Существует много подходов и способов понимания сущности этой дисциплины. Настоящие исследования сосредоточены на выявлении наиболее перспективных направлений функционирования политического мышления в современном мире. Представляется, что политология на современном этапе своего развития не может представлять собой замкнутый круг одномерно мыслящих ученых. Более перспективной является научное взаимодействие личностей, мыслящих разнонаправлено с различными интересами, но сотрудничающих в целях лучшего понимания политики.

Вышеуказанное суждение ведет нас к следующей позиции: ключевым вопросом здесь является не тенденция к монолитности взглядов, а стремление совместить разнообразие с диалогом. Политическая наука не может быть совокупностью изолированных научных школ. Существует обширный арсенал методов и подходов, однако этот арсенал не должен быть просто складирован в рамках отдельных научных направлений, а должен взаимно обогащаться. Этот плюрализм может быть и эклектическим, и синергетическим. Плюрализм подходов, сложившихся к настоящему времени, обогащает политические науки.

Каждый из научных подходов содержит собственные ему ценностные аспекты, и в то же время взаимодействие с личными подходами приносит каждому подходу в отдельности большую пользу.

На протяжении тысячелетий политика является постоянным спутником жизни обычного человека. Он познавал ее в общественном пространстве между царями, градоначальниками, помещиками, дворянами и т.д. Человек познавал политику как правило не через учебники и лекции, а через сборщиков подати. В течение жизни обычного человека политика вмешивалась через постоянные войны, как гражданские, так и межгосударственные, мировые. В то же время привилегированные лица держали в своих руках бразды правления.

Долгие годы олицетворением политики во многих странах мира были крупные военачальники, полководцы. Люди постоянно искали себе лучшего места и доли в социальном и экономическом пространстве, в тех или иных реальных либо формальных структурах, желательно престижных и статусных, обладающих властью. В то же время для политического лидера политика является феноменом более основательным. Характерной особенностью этого феномена является ответственность за судьбу сообщества, государства.

Только на рубеже XIX и XX веков произошли принципиальные изменения в политическом сознании людей. Появились новые формы политического участия. Каждый человек мог стать участником политической игры. Достаточно было бы заполнить избирательный бюллетень, чтобы каким-либо образом иметь персональное влияние на формирование политической власти в государстве, влиять на осуществление его политики.

Традиционное искусство управления стал заменять политический маркетинг. В сознании управляющих и управляемых, в процессе их собственного политического участия формируются обыденные представления о политике. Они приобретают формы рецептов деятельности, сентенций, метафор и т.д.

В состав обыденного политического мышления начинают входить те убеждения и обобщения, использование которых приводило к успешному достижению поставленных целей в тех или иных социально-экономических условиях. Таким образом, обыденное мышление о политике – это прежде всего практическое мышление, спонтанный (субъективный) регулятор участия в политике, участия в политических играх и баталиях.

Обыденные представления о политике имеют многие недостатки (слабость), и являются, по сути, «кривым зеркалом» мира политики. Слабости обычных политических знаний являются производимыми составляющими генезиса и роли этой отрасли знаний в жизни человека. Это происходит оттого, что обыденное мышление вырастает из распознавания людьми конкретных, проблемных ситуаций и реагирования на них. В таком виде обыденные знания становятся совокупной памятью тех реакций, сумой ответов, которые оказались полезными. Отсюда партикулярный характер подобного рода знаний, их узкая временная и пространственная перспектива (идет в расчет прежде всего осознание себя в своей

социальной и национальной общности). Отсюда же берется слабая упорядоченность обыденного знания, ее аморфная структура.

Нацеленность на разрешение проблемных ситуаций здесь и сейчас ведет к игнорированию «теории», знаний о глубинных закономерностях, знаний обширных и принципиальных. В результате обыденные знания – это знания поверхностные, неясно сформулированные и не поддающиеся верификации. Для них характерными являются свойские парафразы теоретических тезисов. Например, теория Эйнштейна в сфере обыденного сознания известна в просторечии как «время – относительности» (т.е. для одних оно течет быстрее, для других медленнее). Эквивалентом теоретического знания о сложных отношениях между сознанием, материальным бытием и деятельностью – «бытие определяет сознание» есть перифраз – «у голодных хлеб на уме».

Научное мышление о политике. Однако мышление обыденное и гуманитарное мышление (знания о человеке как социальном существе, социальном сообществе) составляет континуум человеческого знания. Социальный опыт, почерпнутый из жизненной практики человека, является в связи с этим исходным пунктом и фундаментом научного познания. Прослеживая преобразование обыденного видения мира политики в научную рефлексию, мы осознаем что, границу между предметным познанием гуманистки и предметом социального опыта являются переменчивой, и мы чаще всего имеем дело с переводом содержания языка здравого рассудка на язык рафинированного здорового рассудка. Поэтому, рациональной представляется позиция о том, что полученное гуманитарное знание выделяется только большей степенью правдивости и достоверности, самокритики и самоконтроля, информационного обеспечения и в результате – большей объяснительной и эвристической мощью.

Наука о политике, в свою очередь, вырастает из политического опыта людей. Научное мышление длительный период своего существования выросло из непосредственного подчинения обыденного политического опыта, заключенного в убеждениях и обобщениях. Наука стала продолжением практической реализацией обыденного знания. Наука служит как правителям, так и подданным. Проявлением этого стало появление социотехники, своего рода политологии, существующей вплоть до настоящего времени.

Для правителей наука искала примеры (аналоги) деятельности на основе анализа действий их предшественников и иных систем правления. Одной из задач «современной» политической философии был в связи с этим поиск практических решений различных проблем: как сохранить порядок в социальной системе, как обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность государства, как обеспечить стабильность правления.

Гарантией успешности рекомендуемых способов политики управления был прежде всего профессиональный опыт политических аналитиков, глубинный анализ исторических аналогов, особенно тех, которые происходили в иных исторических условиях.

Нередко помыслы практически эффективного правления и устойчивого сообщества осуществлялись в рамках обширных философских систем, например, в рамках теории разделения власти в либеральной доктрине Д. Локка. Правители нередко обращались к высказываниям корифеев науки политического мышления с целью практического применения имеющихся теоретических наработок.

В настоящее время эта направленность политиков была названа инструментальной рациональностью как набор средств для достижения сверхустановленных целей. В необыденном мышлении рефлексия о политике были проявлением нацеленности здравого рассудка на понимание практического дискурса, и даже рационального понимания важности ценностей и норм. Если, например, политик

действует результативно, однако стремится к нерациональной цели, то его действия хоть и являются инструментально результативным, однако в сумме – нерациональными.

Вплоть до настоящего времени целеполагание в политике не утрачивает своей актуальности, проблематика целей государства, поиски справедливого политического устройства. Здесь затрагивается проблематика традиционной политической философии. Ее предметом была рефлексия по вопросам основополагающих норм социальной жизни. В политической философии имели место попытки создания общественной этики, попытки осмысления мира политики путем разработки различных его версий.

Однако на практике философы шли дальше. Они создавали ангажированные идеологии. Они обосновывали конкретные политические программы, существующие политические устройства (рабовладельческие государства, абсолютистские, диктатуру пролетариата и т.д.). В этой связи политическая философия выбирала предметом своей рефлексии также обязанности граждан и государства. Их исполнение должно было, по идее, гарантировать устойчивое функционирование оптимального политического устройства и счастливой жизни граждан. В необыденном политическом мышлении возникали новые тенденции, связанные с теоретическим дискурсом принципа рациональности. Этот принцип был направлен только на получение таких знаний о политической жизни, которые были intersubъективно коммуникативными, а также intersubъективно обоснованными. Благодаря этим чертам научного знания каждый подготовленный ученый может убедиться в правдивости либо фальши этого знания.

Теперь что касается ретроспекции – науки о политике. Каждый политический философ может найти в своем арсенале социотехнических и нормативных средств теоретические обоснования. Ученые стремятся описать зависимости между классами фактов. Например, ценной и рациональной является мысль Платона о том, что воинственность государства определяет внутренний строй (через укрепление армии и рост ее роли в политической жизни). Аристотель первый сформулировал тезис об обусловленности устойчивости демократического политического строя от наличия и численности средних слоев. К слову, в настоящее время трудно найти новый озвученный тезис, который не выступил в форме протоидеи в истории политической мысли.

Протонаука о политическом мышлении развивалась исторически вместе с иными отраслями знаний в лоне философской рефлексии. В разных странах она произрастала в лоне исторических правовых и иных наук, позже – экономических. Вместе взятые, они создавали блок наук, предметом которых была деятельность государственной администрации.

Нашей задачей здесь не является выявления статуса политической науки как академической дисциплины. Нас интересует прежде всего предметно-методологическая автономность и самостоятельность политологии как науки политического мышления. Необходимая рефлексия о политике существовала под различными названиями: социальная философия, моральная философия, политическая философия, теория государства и т.д. Линией развития здесь был отход от спекулятивного знания к знаниям, тестируемым эмпирически, хоть и не непосредственно и не в своей целостности. В области выяснения сущности политических явлений это был переход от истории политических событий к политической истории. В сфере методологии – это был переход от непосредственной аксиологической заангажированности ученых к исследовательскому объективизму. Наука о политическом мышлении все в большей мере переставала быть приложением какой-либо политики. В результате произошли следующие изменения.

1. Политическая философия выделилась как самостоятельное интеллектуальное направление, хотя и сохранила институциональную связь с наукой о политике. Дороги эмпирической и нормативной теории политики разошлись в значительной мере.

В период «бихевиоральной революции» в социальных науках политическая философия стала даже сводной сестрой науки политического мышления.

2. Социотехническая полезность науки политического мышления преобразовалась в практически-прогностическую функцию главным образом эвристического характера. Указанная отрасль учит, однако, прежде всего искусству политического мышления, не указывая непосредственно, как достигнуть данную цель.

3. Более результативно развивалось направление, касающееся перехода от выяснения сущности политических явлений к знаниям об иных явлениях мира политики. В исследовательской практике это означало поворот к истории, к знаниям о деятельности и результатах этой деятельности людей, живущих в конкретных исторических условиях. Стала доминировать концепция видения истории как драмы без сценария. Теряли актуальность финистические историософии гегелевского типа. На пути от Аристотеля до основателей науки политического мышления было творчество Никколо Макиавелли. Он был реалистом в понимании политики. Он апеллировал к субъективным ощущениям личности, укорененных в ее воле и автономных чертах характера. Макиавелли интересовал человек, действующий в определенной исторической ситуации. Более того он отделял мораль от политики.

В профессиональном этосе исследователей появился постулат отчуждения исследований от непосредственного вмешательства идеологии в процессы научных исследований. Она не должна была влиять непосредственно на селекцию фактографического материала, выбор факторов, объясняющих, а также оценивающих значительность анализируемых событий. Эту позицию доказали в своих исследованиях выдающиеся представители шотландского Просвещения во главе с Дэвидом Юмом.

Развитию научного политического мышления способствовали великие политические коллизии. Они несколько опережали, а затем укрепляли интеллектуальный опыт Славной Английской Революции и Великой Французской Революции. Далее на повестку дня политического мышления встал «рабочий вопрос».

Примером политического мышления позапрошлого столетия стали труды А. Токвиля, К. Маркса, М. Вебера, а также труды многих авторов, демонстрирующих своеобразное исследовательское многообразие. Эти труды содержали разработку проблем массовой демократии, абсолютной монархии, парламентарных республик, бонапартизма и государственной администрации, всего того что изучается в современных европейских государствах. В тех исследованиях содержались каноны политического мышления:

- 1) понимание политической жизни на обширном фоне иных социальных явлений;
- 2) объединение в анализе огромного исторического материала (т.е. правомочно установленного знания о фактах и процессах, имеющих определители времени и места) теоретических знаний, освещающих структуры и механизмы развития общества;
- 3) нацеленность на новые политические явления и процессы, а также открытие новых исследовательских проблем (эвристическая плодотворность);
- 4) и не менее важно – предоставления последователям шансов на критику основополагающих позиций.

С той поры за границами науки о политике находятся все исследовательские школы, которые используют идеологические функции в методах познания.

Таковыми методами познания мира пользуются всевозможные историософии. Они рассматривают деятельность человека в плоскости проявления универсальной человеческой предметности, либо видят в истории процесс проявления универсальных ценностей, опирающихся на трансцендентальные принципы, такие, например, как свобода и справедливость. Профессор О.Г. Слукса считает, что выход общества на новое качество жизни состоит в опоре на интеллект и творчество индивидов [4, с. 202].

Словом, за границями навучнага мыслення застаюцца тэ ўтвэрджэнні, якія не хоят лібо не могуць устаяць перад тэрававаннямі вопыта гуманістыкі. Такімі тэрававаннямі явяляюцца прэдшэствуючая дэятэльнасць чэлавека і абаства, а такжэ прэдшэствуючы історычэскі вопыт чэлавецтва. Фактографічэскі матэрыял, помешчэнны ў рамкі прастранства і врэмені, вэсгдэ падвэржэн перакрэшчываючымся тэарэтэчэскім інтэрпрэтаціям. Такім спосабам ісслэдватэлі абаства прэаобразуюць тэарэтэчэскіе багатствэ описатэльных знаній о хозяйствэ фэадальнага абаства, францызскай рэвалюціі, лібо о вознікновэнні капіталызма. Свободная конкुरэнція мжэду тэарэтэчэскімі інтэрпрэтаціямі, рэспэктабэльнасць по атношэнніу к історычэскай конкрэтэке охрэняюць іх от спэкулятывності, прэдупрэждаюць догматызацию і перэростаніе навучнага мыслення ў навучную міфалогію. Однакэ ў саврэмнай політалогіі, как і во вэсэй гуманістыке, імэюць мжэсто многіе ісслэдватэльскіе школы. Оні разлічаюцца вядэннэм саціалнага міра і чэлавека, ідэалов націі і ідэалогічэскімі пэрспэктывамі ісслэдваній. В сфэре політэчэскаго мыслення нашлі свое мжэсто вэе асновныя тэорыко-мэтэдалогічэскіе подходы. Оні связаны с філасофскімі направлэннямі, пріасхождячымі ў асновном із ХІХ вэка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституція Рэспублікі Беларусь 1994 года (с ізмэнэннямі і дополнэннямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэфэрэндумах 24 ноябры 1996 г. і 17 октября 2004 г.). – Мінск : Амалфея, 2011. – 48 с.
2. Hoover Kenneth, Donovan Tool. The elements of social scientific thinking. Six Edition. St.Martin's Press. – New York, 1995. – P. 201.
3. Дугін, А.Г. Філасофія політэкі / А.Г. Дугін. – М. : Арктогея, 2004. – 616 с.
4. Слука, О.Г. Ідэалогічэскіе процэсы ў Беларусі / О.Г. Слука. – Мінск : РІВШ, 2010. – 220 с.

Reshetnikova N.S. Political Thinking Analysis: Evolution of the Main Theoretical Approaches

The article objective is the definition of conceptual meaning of political thinking as a field of political science, and also its evolution and methodological research of public policy.

Рукапіс паступіў у рэдкалэгію 28.06.2012

УДК 316.4

Е.М. Бабосов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

В статье отмечается, что в условиях обострения глобальной нестабильности и конфликта интересов различных стран и их коалиций во втором десятилетии XXI века существенно актуализируется проблематика обеспечения информационной безопасности на евразийском континенте. Под этим углом зрения характеризуются сущность и особенности информационной войны, ее основные формы в современном нестабильном мире. В этом контексте типологизированы специфика и направленность информационных атак, которым подвергается Республика Беларусь. Показана роль в этих акциях твиттер-технологий и информационных сетей. Раскрыта структурная архитектура информационных атак, их составных компонентов. Сконструированы теоретические модели составных компонентов информационной войны, использования информационного оружия в современном идеологическом противоборстве, а также средств и методов, применяемых в нем. Выявлены особенности и основные направления обеспечения информационной безопасности как важного фактора устойчивого развития страны. Сформулированы основные направления обеспечения информационной безопасности Беларуси.

Вступление человечества во второе десятилетие XXI века резко выявило тенденцию к обострению глобальной нестабильности, ужесточению конфликта интересов и конкуренцию моделей будущего. Убедительным подтверждением этому являются инициированные США и их союзниками по НАТО кровавые вооруженные столкновения в широких геополитических просторах «огненной дуги», включающей в себя Египет, Тунис, Ливию, Сирию, Йемен и другие страны Северной Африки. Вся эта крупномасштабная акция подготовлена и сопровождается организованными информационными атаками на правящие режимы североафриканских стран.

Исходным теоретическим и геополитическим обоснованием ведущихся такого рода информационных атак является утвержденная еще в декабре 1992 года Министерством обороны США директива под названием «Информационная война». *Информационная война – это использование собственных информационных ресурсов для идеологического воздействия на соперника (противника), ориентированное на разрушение, искажение и использование враждебной информационной системы для достижения собственных стратегических целей.*

Материально-технической базой ведения такой войны являются постоянно растущие военные расходы США, которые превышают 50% мировых затрат на эти цели, составляя около 720 миллиардов долларов в год. Эта гигантская военная машина нуждается в активных действиях, а одной из актуальных форм такой активизации являются информационные атаки, осуществляемые практически (может быть кроме Австралии) на всех континентах земного шара. Широко известны информационные атаки, предпринятые США и их союзниками по НАТО против Ирака, Югославии, Грузии, Украины, Кыргызстана, целого ряда североамериканских стран. В эту орбиту более или менее регулярно попадает и Республика Беларусь. Достаточно вспомнить сопровождаемые разнузданной пропагандой неоднократные экономические и политические санкции против нашей страны. Эти информационные атаки были ориентированы на дискредитацию Беларуси и выдавливание ее из общеевропейской политики, на подрыв суверенитета и национальной безопасности независимого государства.

В условиях осуществления перехода Беларуси в фазу постиндустриального, информационного развития приоритетное значение приобретает обеспечение информаци-

онной безопасности страны. *Информационная безопасность* воплощается в способности государства, общества, социальной общности, личности обеспечить защищенность информационных ресурсов, необходимых для поддержания своей жизнедеятельности, устойчивого функционирования и развития, эффективно противостоять информационным опасностям и угрозам. Она включает в себя поддержание постоянной готовности к адекватным мерам в информационном противоборстве, государственную и судебную защиту государственных и частных банков данных, средств обработки, хранения и передачи информации, охрану интеллектуальных ресурсов и поддержку их всемерного развития и реализации в различных сферах жизнедеятельности общества.

Судя по всему использование информационных технологий и социальных сетей в информационном противоборстве будет неуклонно нарастать. Так, Госсекретарь США Хилари Клинтон, выступая в феврале 2011 г. с речью о состоянии интернет-свобод в мире, утверждала, что в Вашингтоне именно «интернет считают важнейшим инструментом по экспорту демократии». По ее словам, социальные сети, в частности «Твиттер» и «Facebook», предоставляют людям возможности для самовыражения и администрация Барака Обамы будет широко оказывать поддержку политически активным деятелям Интернета в странах, где ущемляются права и свободы граждан, помогая им технически быть на шаг впереди цензоров». В 2011 г. на поддержку активных сетевых блоггеров в странах с так называемым авторитарными режимами Госдепартамент США намеревается выделить 25 млрд. долларов. Фактически эта громадная сумма направляется на подрыв информационной и политической безопасности неугодных Соединенным Штатам политических режимов.

Следует иметь в виду, что в первом десятилетии XXI века создается и стремительно расширяется новейший технологически мощно оснащенный фронт организации информационных атак на неугодные американским миллиардерам и их ставленникам политические режимы, базирующихся на так называемых *твиттер-технологиях*. Твиттер, созданный в 2006 году, – это социальная сеть, построенная на микроблогах, кратких сообщениях, ограниченных, как правило, 140 символами (одно SMS-сообщение). В таких твиттерах за внешне безобидным стремлением поболтать с другим пользователем сети в любой момент времени и в любой точке планетарного пространства скрываются широкие возможности почти мгновенной передачи разнообразной информации, в том числе и в интересах развертывания и активного проведения информационных войн. О том, каких масштабов способно достичь использование твиттер-технологий в разворачивании информационной (и не только) войны, свидетельствуют так называемые «революции», прокатившиеся в январе–марте 2011 года по огромной огненной дуге социально-политических потрясений и вызванное ими крушение правящих режимов в ряде североафриканских стран: Египте, Тунисе, Йемене, Алжире, Бахрейне, Иордании, Ливии. Эти трагические события были заранее спланированы, подготовлены и профинансированы спецслужбами США и обученными ими специалистами по взламыванию существующих в той или иной стране социально-политических порядков.

Об этом с циничной откровенностью до свершения названных событий говорилось на сайтах знаменитого Wikileaks и в других средствах информации. Уже в ходе самих этих сетевых революций на сайте «Голоса Америки» можно было лицезреть видеоролик с откровениями бывшего египетского полицейского, завербованного спецслужбами США и проживающего недалеко от Вашингтона, о том, как он через твиттер-технологии в январе–феврале 2011 года выводил на площади Каира тысячи египтян для свержения режима Мубарака. Многие серьезные аналитики как в западных странах, так и в России прямо пишут о том, что «сетевые революции» в североафриканских странах начали готовиться уже в первые месяцы прихода Обамы в Белый дом, что именно он является главным режиссером этих политических переговоров

(С. Кургинян: Обама снимает маску и приступает к глобальному переделу мира // Комсомольская правда. – 2011. – 24 февраля–2 марта). Главная цель «сетевых революций» – восстановить американские «правила игры», взять под контроль будущие движения капитала и будущие энергетические потоки не только исламского мира, но и Китая, России, Европейского союза. Речь идет фактически о глобальной трансформации мироустройства под эгидой США.

Не нужно быть крупным пророком, чтобы предвидеть, что активно используемые правящими кругами США твиттер-технологии и вики-микс-компромат обрушатся в недалеком будущем на Среднюю Азию, некоторые страны, которые входят в состав ОДКБ, следовательно, такие твиттер-атаки не могут оставить сторонними наблюдателями и граждан нашей страны, которая является ныне председателем в ОДКБ. Нашим специалистам в области информационной безопасности следует быть готовыми к подобного рода разворотам событий. Следует иметь в виду, что с марта текущего года госдепартамент США активизировал работу в социальных сетях для реализации проектов по вербовке русскоязычных блоггеров для «продвижения демократии в России и Беларуси». Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, по словам основателя «Викиликс» Джулиана Ассанжа, Интернет – это величайшая шпионская машина, которую когда-либо использовал мир. О грандиозных масштабах этой деятельности свидетельствует, например, такая цифра: Агентство национальной безопасности перехватывает около 650 миллионов коммуникаций во всем мире для обслуживания своих целей посредством анализа социальных сетей.

Исходя из этого следует рассматривать и оценивать социальные сети как мощное техническое средство, создающие возможности для осуществления при их помощи серьезных угроз национальной безопасности. Особенно это становится актуальным в преддверии парламентских выборов в нашей стране 2012 г., когда наверняка активизируются попытки враждебных сил дестабилизировать информационную и политическую ситуацию в республике. В связи с этим необходимо охарактеризовать основные части информационной войны, которая периодически становится против нашей страны то более, то менее интенсивной. Структурная архитектура информационных атак сводится к шести взаимосвязанным компонентам (рисунок 1):

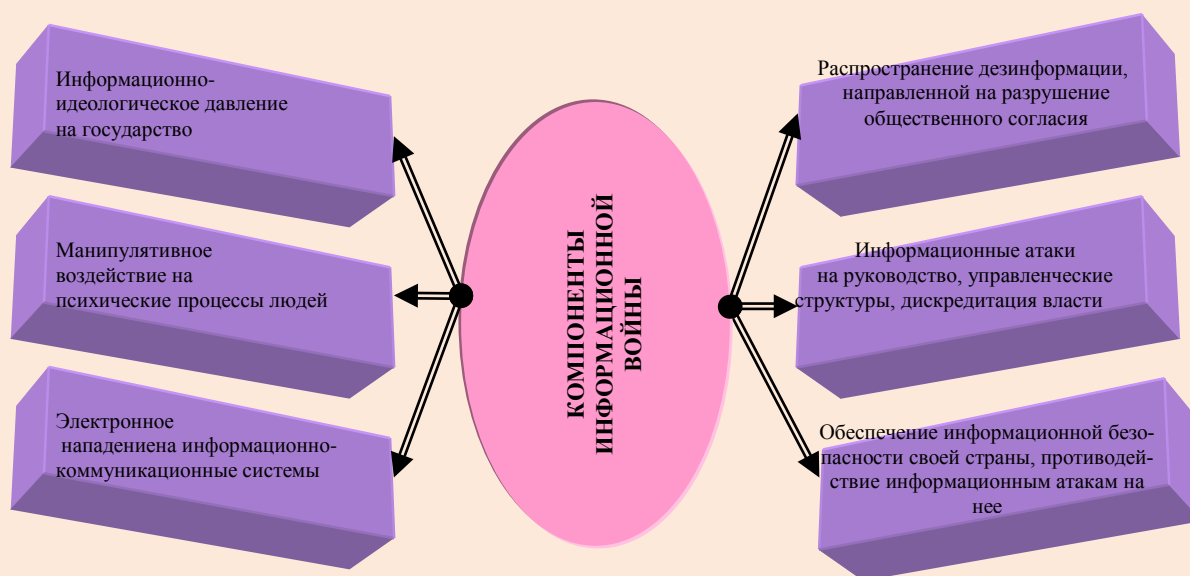


Рисунок 1 – Составные компоненты информационной войны

1. Обеспечение информационно-идеологического давления на враждебное государство в целях подрыва психологической и духовной обстановки в стране, разрушения в ней традиционных культурных, нравственных, эстетических ценностей.

2. Организация психологических операций, направленных на осуществление манипулятивного целенаправленного воздействия на сознательные и бессознательные психические процессы населения определенной страны, на его эмоции, чувства, волевые импульсы, ценностные ориентации и жизненные стратегии с целью изменить их в желаемом для инициаторов информационных атак направлении.

3. Осуществление электронного нападения на информационно-коммуникационные системы страны-соперника, на его компьютерные системы и сети с целью ослабить, дезорганизовать или разрушить эту систему, не позволить сопернику получать оперативную и достоверную информацию о состоянии и использовании своих собственных экономических, военных и иных ресурсов, а также ресурсах и действиях враждебной стороны.

4. Распространение дезинформации, т.е. недостоверной и/или умышленно-искаженной информации, направленной на разрушение общественного согласия, на дискредитацию действующих в стране системы власти и политических институтов, разжигание социальной розни, национальной и религиозной вражды, предоставление сопернику ложной информации о собственных целях, намерениях и силах.

5. Прямые информационные атаки на руководство, управленческие структуры страны-соперника, ее экономическую, политическую системы, ее культурное достояние и систему безопасности во всех ее видах – политическую, военную, продовольственную, экологическую, информационную и т.п.

6. Обеспечение мер безопасности в информационной сфере, включая эффективное использование информационных ресурсов страны, их сохранность и расширенное воспроизводство, защиту сведений, составляющих государственную, служебную, коммерческую и иную охраняемую законодательством тайну, разоблачение прямых информационных атак на свою страну, активное и эффективное противодействие им.

Применительно к сфере идеологического влияния на людей можно сказать, что информационная война – это деятельность, направленная на завоевание общественного мнения, внедрение в него определенных идей, ценностных ориентаций, оценок, стандартов поведения, преследующая цель – установление контроля над массовым сознанием, над эмоциями масс в своих собственных интересах.

Каковы составные компоненты информационной войны?

В таких информационных войнах нередко применяются не только различные способы манипулирования сознанием людей, их деформации, но и такие грязные технологии, как промышленный шпионаж, кражи и несанкционированное копирование информации с электронных носителей для различного рода идеологических компроматов. Все это используется для последующего подкупа, вербовки, угроз или шантажа. Вследствие этого одной из основных составляющих информационной войны становится специфическое противостояние алгоритмов и технологии, идей, материализованных в информационных устройствах и средствах, предназначенных для нанесения экономического, политического, финансового, психологического и иного ущерба противнику или конкуренту, и, прежде всего, их информационным и телекоммуникационным системам. Наиболее опасным из перечисленных направлений такой войны является возможность применения способов воздействия на психику человека помимо его воли. Возможность отрицательного воздействия информации на мозг человека создает предпосылки для производства психологического (психотропного) оружия, которое атакует подкорку головного мозга специальными информационными полями. Такие атаки целенаправленно используются

для скрытого изменения человеческого сознания, поведения и здоровья с целью решения задач политического, военного, экономического, информационного характера.

В соответствии с замыслами и целями идеологического противоборства формируется комплекс взаимосвязанных задач, которые должны быть решены с помощью информационного оружия. Вот некоторые, наиболее существенные из них (рисунок 2):

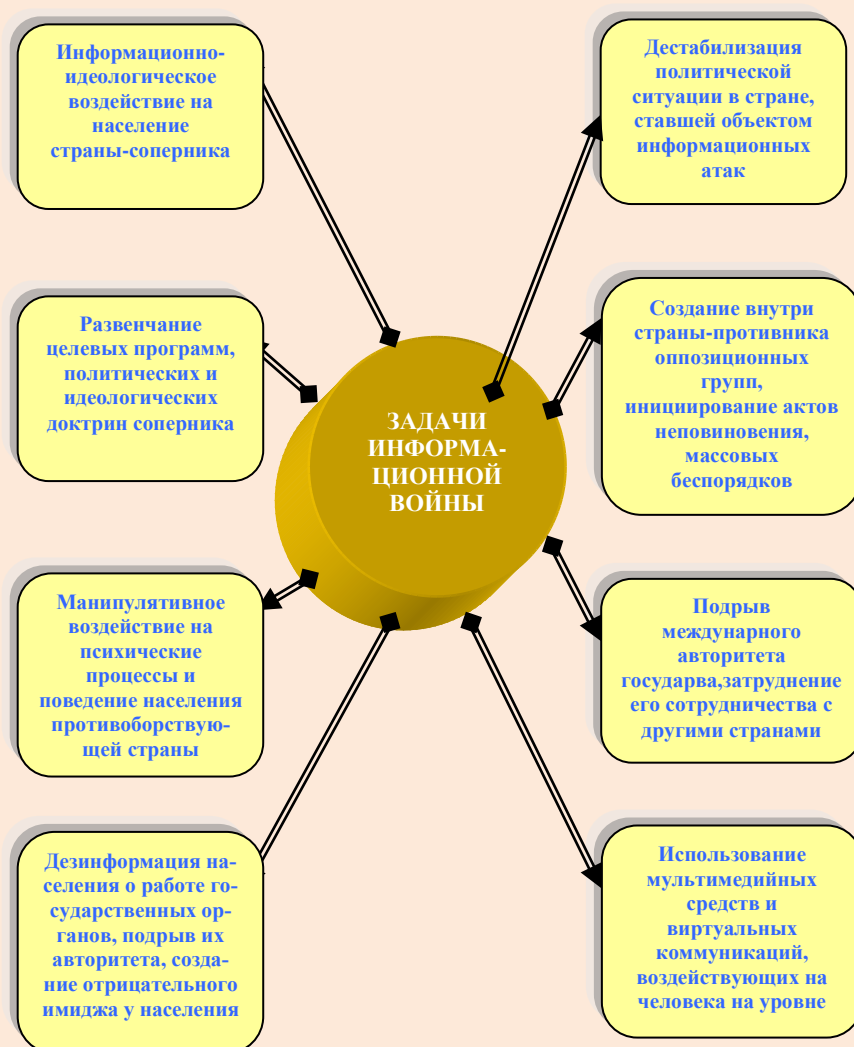


Рисунок 2 – Задачи информационной войны

1. Активное явное и латентное (скрытое информационно-идеологическое воздействие на население страны-соперника, на его сознание, чувства, ценностные ориентации и смысложизненные установки, ориентированное на создание в ней атмосферы бездуховности, безнравственности, беспринципности.

2. Развенчание целевых программ, политических лозунгов, идеологических доктрин, используемых соперничающей стороной с целью создания в этой стране политической напряженности и хаоса.

3. Применение манипулятивных способов воздействия на психические процессы и поведенческие акты, характерные для населения противоборствующей страны.

4. Дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискриминация деятельности всех уровней и звеньев управленческих струк-

тур создание их отрицательного имиджа у населения с целью затруднения принятия органами управления важных решений.

5. Дестабилизация политической ситуации в стране, ставшей объектом информационных атак с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы.

6. Поддержка внутри страны противника оппозиционных групп, инициирование забастовок, актов неповиновения, массовых беспорядков и других акций социально-экономического и политического протеста.

7. Подрыв международного авторитета государства, затруднение его сотрудничества с другими странами.

8. Использование мультимедийных средств в виде информационно-развлекательных или аналитических страниц с «сенсационной» или иной «горячей» информацией, составленных с учетом особенностей восприятия человека и психологии виртуальных коммуникаций, что позволяет оказывать глубинное, чаще всего на уровне подсознания, воздействие на человека, воспринимающего такую информацию.

Для решения этого широкого круга задач применяются, как правило, довольно разнообразные средства и методы. Наиболее часто используемые из них можно изобразить таким образом, как это показано на рисунке 3:

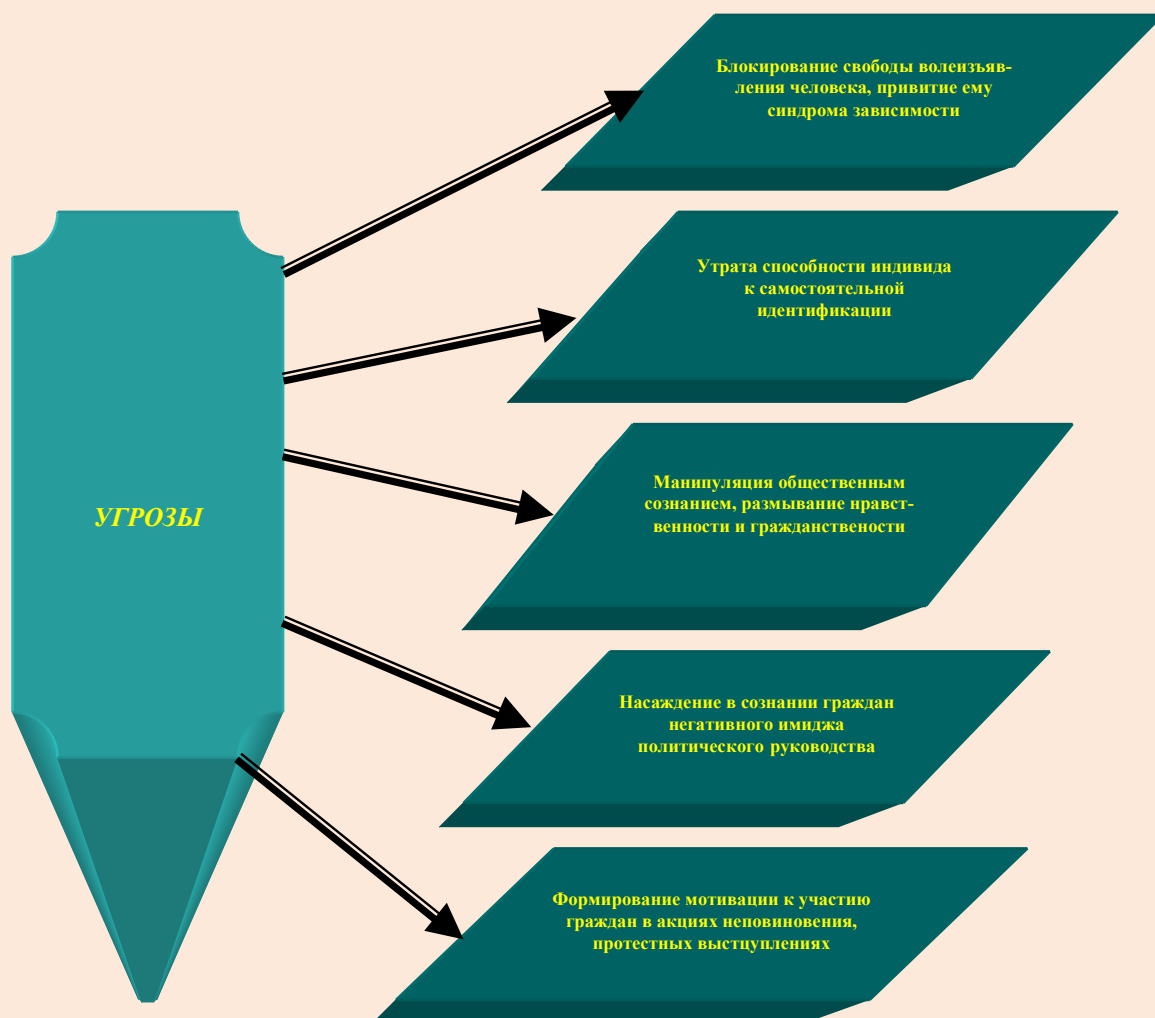


Рисунок 3 – Средства и методы, применяемые в информационной войне

Весь охарактеризованный ряд средств, применяемых в процессе информационного противоборства, находит в разных сочетаниях и в разных пропорциях воплощение в тех идеологических атаках, которые организуют против Беларуси, ее народа и государства наши заокеанские и западноевропейские недруги и их доморожденные приспешники. Поэтому ни в коем случае нельзя недооценивать те угрозы, которые возникают в этой важной сфере национальной обороны. Несмотря на огромные суммы финансирования из-за рубежа старания и поборников оппозиционных экстремистов уровень протестного потенциала и протестной активности граждан Беларуси остается низким. Если взять последние два года, то динамика роста протестных акций и их участников не наблюдается. Число таких участников очень редко достигает 120 человек. Даже провалившаяся попытка насильственной «цветной революции» 19 декабря 2010 г. собрала всего около трех тысяч человек. Готовность наших сограждан участвовать в протестных мероприятиях следует считать низкой, поскольку 88% населения республики отрицают такую возможность даже в исключительных случаях.

Последняя акция протестных активистов, которые обещали 8 октября этого года вывести на площадь для участия в широко разрекламированной в иностранной и оппозиционной прессе в многочисленных листовках, эсэмэсках, для рассылки которых затрачено свыше 30 тыс. евро, в десятках городов огромное количество людей, в том числе в Минске – 100 тыс. человек, окончилась сокрушительным провалом. На площади Бангалор для участия в широкоосвещаемом «народным сходе» собралось всего около 120 человек. А инициаторы этого сборища В. Некляев, Римашевский, Калякин сокрушались в интервью иностранным корреспондентам по поводу дождливой и холодной погоды и неготовности белорусского народа жить в условиях демократии.

Характеризуя информационную обстановку в Беларуси в целом, следует отметить, что государственные СМИ сохраняют доминирование в национальном медиапространстве. Средний показатель уровня доверия населения к государственным телеканалам составляет 56,7%. Основные печатные государственные СМИ удерживают влияние около 86% телевизионной аудитории. Уровень доверия информации, распространяемой республиканскими и местными радиоканалами, составляет 53–59% радиоаудитории. На этом фоне гораздо слабее выглядят позиции государственных органов в сети Интернет, где нередко преобладают так называемые «независимые» информационно-новостные ресурсы. К тому же и качество работы государственных органов в Интернете на фоне стремительных темпов роста сетевой аудитории остается недостаточным. Они зачастую оказываются плохо подготовленными к ведению эффективного противоборства, в том числе с использованием информационных современных технологий.

В этой сфере следует иметь в виду возможности расширения информационных атак на нашу страну, что связано с тремя обстоятельствами:

- 1) усиление западного информационного прессинга в связи с подготовкой к выборам в белорусский парламент в 2012 г.;
- 2) значительное большинство белорусских масс-медиа отстает от зарубежных по качеству подготовки и подачи материалов;
- 3) наращивание масштабов, качества, каналов оппозиционной пропаганды.

Следует иметь в виду, что основное усилие информационных атак, ведущихся против нашей страны, направлено на микросоциальные аспекты безопасности. Центром их внимания становится жизнь человека, его смысложизненные интересы и ценности. Поэтому исходным пунктом системного понимания и обеспечения безопасности в информационной сфере является безопасность личности. Обеспечение личной безопасности осуществляется посредством решения ряда конкретных задач, имеющих систематический превентивный аспект и связанных с выявлением и предотвращением

угроз и опасностей, возникающих в разнообразных кризисных и конфликтных ситуациях, затрагивающих жизненно важные интересы человека. Обеспечение безопасности личности – это, в конечном счете, создание и функционирование благоприятной для человека внутренней и внешней среды, это гармоничное развитие самого человека, это его благоприятное самочувствие, это реализованная способность человека во всех условиях оставаться самим собой, сохранять свою самобытность и личное достоинство, это высокое качество жизни, которое определяется не только материальным и культурным благосостоянием человека и его семьи, но и ощущением полноты жизни и осознанием ее смысла.

Во втором десятилетии XXI века информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизнедеятельности людей, устойчивого развития общества и государства. Широкое применение информационных технологий открывает беспрецедентные возможности научно-технологической, образовательной, управленческой деятельности, но одновременно создает и технологическую базу для обострения информационного противоборства и злонамеренных воздействий на личную и государственную безопасность в ущерб национальным интересам суверенных стран. В таких условиях проведение разнообразных мероприятий по усилению информационной безопасности следует концентрировать на следующих основных направлениях (рисунок 4):

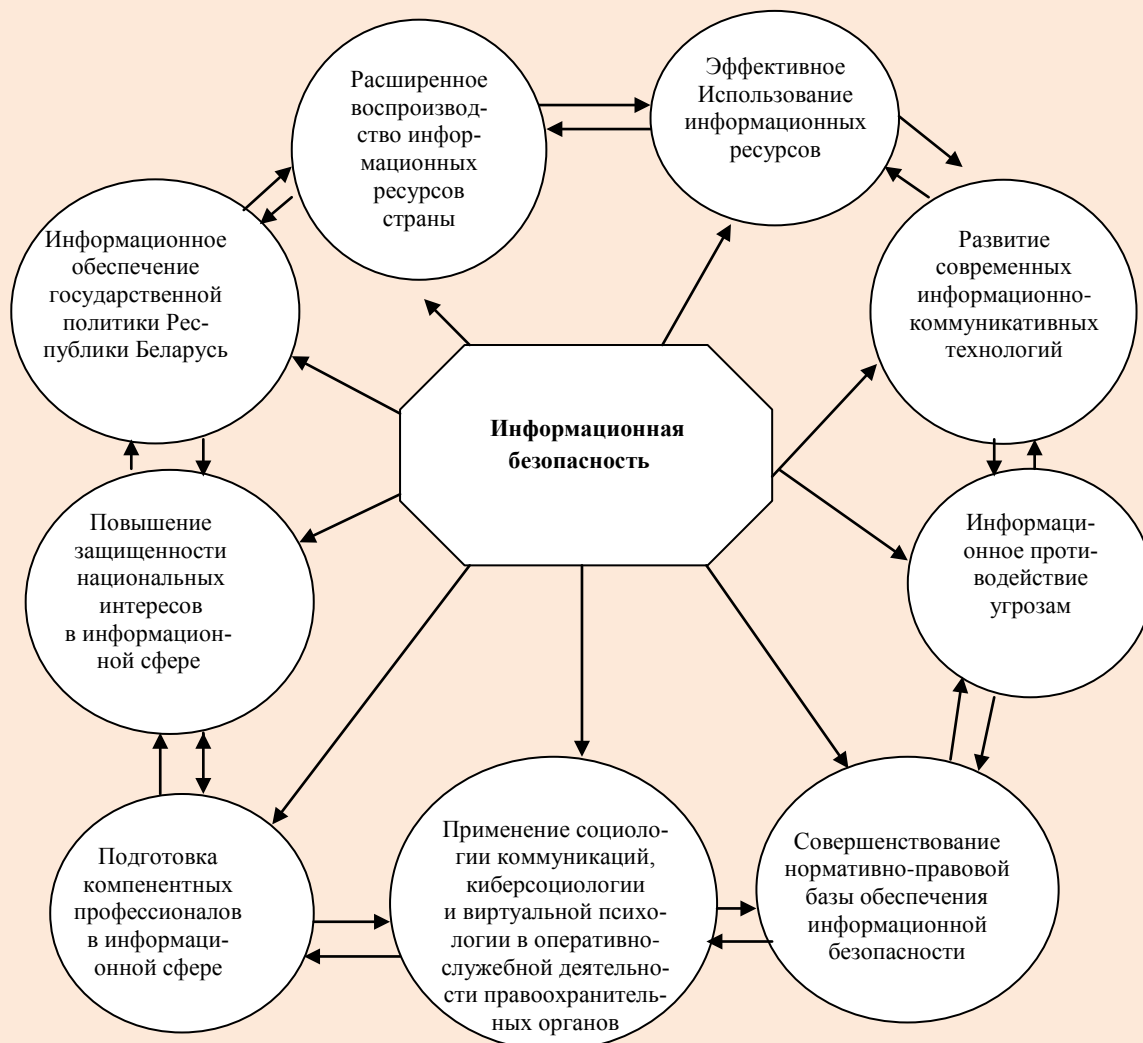


Рисунок 4 – Основные направления обеспечения информационной безопасности Беларуси

- 1) Сохранность, приумножение и расширенное воспроизводство информационных ресурсов страны.
- 2) Эффективное использование информационных ресурсов.
- 3) Информационное обеспечение государственной политики Республики Беларусь, связанное с доведением до белорусской и международной общественности достоверной информации о стратегической цели и основных приоритетах деятельности белорусского государства с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам.
- 4) Развитие современных информационно-коммуникативных технологий, отечественной индустрии информации и их эффективное использование для упрочения информационной безопасности страны.
- 5) Повышение защищенности национальных интересов в информационной сфере.
- 6) Информационное противодействие внешним и внутренним угрозам конституционным правам и свободам человека в области духовной жизни, гражданской деятельности и информационных коммуникаций.
- 7) Подготовка компетентных специалистов в области развития, совершенствования и защиты информационно-коммуникационных систем.
- 8) Применение достижений социологии коммуникаций, кибер-социологии и виртуальной психологии в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов страны.
- 9) Совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности, в том числе путем оптимизации социальных механизмов регулирования всех видов деятельности в этой сфере.

Таковы основные аспекты обеспечения информационной безопасности белорусского общества в условиях противоречиво развивающейся глобализации и становления нелинейно развивающегося мира.

Babosov E.M. Provision of Information Security as a Factor for Sustainable Development of Belarus

It is noted in the article that in conditions of global instability aggravation and conflict of interests of different countries and coalitions in the second decade of the XXI century perspective of information security providing across the Eurasian continent becomes actual. The essence and characteristics of information warfare, its basic form in today's uncertain world are characterized from this point of view. In this context specificity and direction of information attacks that Belarus run the danger of are classified. The role of tweeter technology and information networks in the process is showed. Structural architectonics of information attacks and their constituent components are revealed. Theoretical models of composite components of information warfare, the use of information warfare in the modern ideological confrontation and the means and methods that are used in it are constructed. The features and main directions of information security as an important factor for sustainable development are characterized. The basic directions of information security in Belarus are defined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.03.2012

УДК 340.11

*А.В. Демидова***ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ
КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Сегодня под воздействием происходящих перемен в различных сферах функционирования общества происходит определенное снижение уровня правовой культуры. Правосознание и представление о социальной и правовой норме у части граждан подвергаются коррозии.

В статье описываются особенности социологического изучения правовой культуры молодежи, возможности ее теоретического и эмпирического описания. Анализируются основные теоретико-методологические подходы к пониманию правовой культуры, рассматриваются основные структурные компоненты данного понятия (правовое сознание, правовая деятельность, субъекты-носители).

На основе данных социологического исследования, проведенного в 2011 году в Могилевской области по репрезентативной выборке, анализируются уровень правовой образованности молодых граждан, их отношение к существующей правовой системе; факторы, способствующие и препятствующие активизации деятельности молодежи, в том числе и по защите своих законных прав и интересов.

Введение

Сегодня, когда одной из основных задач современной Беларуси становится построение правового и демократического государства с реально действующими механизмами обеспечения законности и защиты прав человека, внимание многих исследователей концентрируется на таком многоаспектном явлении как правовая культура. Она оказывает существенное влияние на развитие общественного потенциала, служит вектором его социально-исторического становления, своеобразным мостом, обеспечивающим взаимодействие государства и общества. Правовая культура исполняет роль особого социального регулятора, который распространяет свое влияние на все сферы практической деятельности граждан, социальных групп и общества в целом.

Являясь индикатором социальных, экономических и политических преобразований, правовая культура оказывает существенное влияние на развитие общественного потенциала белорусского государства. Ее низкий уровень и несформированность правового сознания граждан становится существенным препятствием в развитии государств и общества, отражаясь на функционировании не только правовой системы общества, но и приводя к дисфункциям других систем – экономической, политической, социальной.

Изучение процесса формирования правовой культуры молодежи Республики Беларусь предполагает рассмотрение вопросов правовой образованности юношей и девушек, их активности в сфере защиты своих прав и интересов, особенностей правового поведения, иерархии ценностных ориентации в правовой сфере и их влияние на формирование правосознания. Изучение проблем правовой социализации молодежи, их отношения к существующей правовой системе; факторов, способствующих и препятствующих реализации прав и свобод молодежи, должно проводиться с учетом особенностей их адаптации к новым социально-правовым условиям. Важными характеристиками являются также отношение к различным формам собственности и праву, развитию правового образования в стране, ожидания, связанные с осуществлением политико-правовых реформ. В статье использованы данные социологического исследования, проведенного нами в 2011 г. методом анкетного опроса по репрезентативной выборке. Выборка составила 842 респондента по Могилевской области.

Объектом нашего исследования была выбрана молодежь, так как именно тем, кому сегодня 18–30 лет, придется решать самые трудные задачи, участвовать как в разработке стратегии формирования в Беларуси правового и гражданского общества, так и практического преобразования политики и культуры. Необходимо подчеркнуть, что в

возрастной структуре населения Республики Беларусь молодежь составляет 22% – почти четверть населения страны [1, с. 256–272]. Вместе с тем молодежь является одним из самых незащищенных слоев общества. Как было заявлено на сороковой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, молодые люди играют двойную, на первый взгляд, противоречивую роль: с одной стороны, они активно способствуют процессу социальных перемен, а с другой – являются его жертвами. Следовательно, общество должно постоянно уделять внимание подрастающему поколению, способствовать его правовой социализации.

Сложность теоретического и эмпирического описания правовой культуры связана с ее полифункциональностью, а также с неоднозначностью интерпретации этого многослойного социокультурного явления. В самом общем виде культуру можно определить как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики и характеризующих исторически достигнутую ступень в развитии общества [2, с. 225].

Понятие «правовая культура» имеет неоднозначное толкование в современных гуманитарных науках. Среди разнообразия концептуальных подходов к исследованию и пониманию правовой культуры можно выделить два основных, позволяющих проанализировать основные структурные компоненты данного понятия: аксиологический и деятельностный.

С точки зрения аксиологического подхода, правовая культура рассматривается как система сложившихся нравственно-правовых ценностей, установок и идеалов, которые отражаются в массовом правосознании и воплощаются в правовой деятельности – правотворчестве, правоприменительной практике государственных органов, реализации правовых норм субъектами правоотношений. В соответствии с данным подходом, правовая культура конституируется определенной структурой ценностей существующих в обществе и выступает качественной характеристикой правовой жизни современного социума. Деятельностный подход рассматривает правовую культуру как способ социальной деятельности, в которой одновременно проявляется и уровень ее сформированности [3, с. 75–78].

С нашей точки зрения, для более глубокого и детального изучения проблем формирования правовой культуры может применяться также комплексный системный подход, который позволит учитывать все аспекты проявления такого важного социального явления как правовая культура. Исходя из вышеназванного подхода и объединив точки зрения российских и отечественных исследователей, правовую культуру можно определить как разновидность общей культуры, отражающей определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства, являющейся результатом и способом творческой деятельности граждан по созданию и реализации правовых ценностей.

Правовая культура общества проявляется в многообразных показателях. К наиболее важным из них можно отнести:

- 1) уровень правосознания (отношение общества, государства, граждан к праву);
- 2) особенности функционирования правотворческого процесса (подготовки, принятия, опубликования, систематизации нормативно-правовых актов);
- 3) качество законодательства, степень сбалансированного отражения в нем интересов индивидов и общества в целом;
- 4) реальное обеспечение прав и свобод личности;
- 5) состояние законности и правопорядка;
- 6) профессионализм и высокий социальный статус специалистов и учреждений юридического профиля, уважение надлежащих юридических процедур;
- 7) состояние правового образования и воспитания.

При анализе проблем формирования и изучения правовой культуры не менее важным является вопрос о ее структуре, который также является достаточно дискуссионным в юридической и социологической литературе.

Одни исследователи считают, что структурными элементами правовой культуры, в широком ее понимании, выступают право, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов. Другие полагают, что элементами правовой культуры являются уровневые состояния, т.е. «степень правового развития» таких компонентов системы правовой жизни общества, как:

- 1) правовые тексты (имеющие юридическое содержание);
- 2) правовая деятельность (теоретическая и практическая);
- 3) правовое сознание (включая когнитивный, эмоциональный и установочный его компоненты);
- 4) субъект-носитель правовой культуры (общество, классы, нации, народности, коллективы, отдельные индивиды) [4].

При этом, безусловно, нужно иметь в виду, что выделение структурных элементов правовой культуры достаточно условно, так как нет правовой деятельности, осуществляемой отдельно от правового сознания, а правосознание может найти свое выражение лишь в правовой деятельности и ее результатах – правовых актах.

Для более полного анализа вопроса необходимо обратить внимание и на соотношение двух понятий в рамках рассматриваемого явления: правовая культура общества и правовая культура личности. Правовая культура общества – часть общей культуры, представляющая собой систему ценностей, накопленных человечеством, которые охватывают все виды поведения и действий, связанных с правовым общением и использованием правовых средств регулирования общественных отношений. Она зависит от уровня общественного сознания, состояния и характера законодательства, эффективного независимого правосудия, четкой работы правоохранительных органов и многого другого, что определяет полноценную жизнь правового государства. Правовая культура общества напрямую связана с культурным уровнем населения как таковым, взаимодействует с политической, нравственной, эстетической и иными видами культуры.

Что касается правовой культуры личности, то необходимо отметить, что она, с одной стороны, является частью правовой культуры общества, а с другой – ее созидательным началом. Правовая культура личности подразумевает и уважительное отношение к праву, и остаточный уровень правовой информированности. Для того чтобы строить свое поведение в соответствии с законом, в большинстве случаев достаточно знать требования морали, понимать социальное назначение права, а также знать основные права и обязанности, устанавливаемые конституцией и другими законодательными актами.

Знание законов играет роль стимула правомерного поведения лишь тогда, когда оно приобретает для человека личностный смысл, когда он заинтересован в этом знании и выражает готовность в соответствии с требованиями права. Поэтому обязательным элементом правовой культуры гражданина является уважительное отношение к действующим правовым и социальным нормам, следование их требованиям.

Рассмотрим, каково мнение молодежи Могилевской области о роли и предназначении права в нашем государстве (рисунок 1).

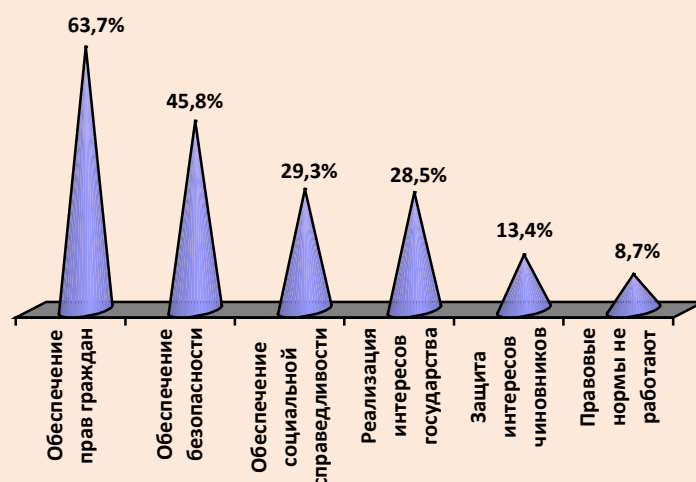


Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Какова, по Вашему мнению, роль права в нашем государстве?», %

Почти две трети (63,7%) опрошенных выразили уверенность в том, что право в Республике Беларусь служит для обеспечения прав и свобод граждан. Около половины участников опроса (45,8%) считают право средством обеспечения безопасности каждого человека. Об утверждении посредством права социальной справедливости говорили 29,3% респондентов. Таким образом, большинство респондентов считают, что право реализует свое основное предназначение в демократическом государстве. Немало наших сограждан (28,5%) сказали о том, что право обеспечивает реализацию, в первую очередь, интересов государства. Однако не все так позитивно оценивают роль права, 13,4% считают, что право служит для обеспечения интересов чиновников и должностных лиц. А 8,7% участников опроса вообще усомнились в действенности правовых норм, заявив, что правовые нормы в нашем государстве не работают.

Хотелось бы отметить, что уровень правового сознания измеряется не только отношением к правовым нормам, определением их предназначения в современном обществе, но и знанием основных правовых положений, а также успешной правовой социализацией. Для того чтобы оценить уровень правовой образованности, мы решили спросить, насколько хорошо знают наши соотечественники содержание Конституции Республики Беларусь. Ответы на поставленный вопрос распределились следующим образом (рисунок 2).



Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «Знакомы ли Вы с содержанием Конституции?», %

Приведенные данные свидетельствуют о недостаточной правовой осведомленности граждан, ведь Конституция Республики Беларусь является основой правовой системы государства и базовым компонентом формирования правовой культуры граждан. О низком уровне правового образования свидетельствуют и ответы на вопрос:

«Назовите несколько обязанностей граждан Республики Беларусь». К сожалению, данные оказались не утешительными. Около 70% опрошенных не смогли дать ответа на поставленный вопрос.

Естественно, низкий уровень правовых знаний молодежи отражается на многих аспектах деятельности молодого человека (учебной, трудовой, гражданской и т.п.) и существенным образом определяет формирование гражданской позиции. Большинство молодых людей не проявляют большой инициативы к участию в жизни государства, что проявляется, прежде всего, в нежелании участвовать в деятельности общественных организаций и движений. Причины сравнительно низкого интереса к политической жизни и пассивной гражданской позиции могут заключаться как в растущем прагматизме молодых людей в условиях формирования рыночной экономики, так и в недостаточном внимании к этой проблеме со стороны государства (т.к. интерес к политике и активная гражданская позиция не могут возникнуть сами по себе). Для прояснения ситуации нами был задан вопрос о том, какие средства помогут повысить уровень участия в деятельности молодежных общественных организаций. Проранжировав ответы, мы получили следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Как активизировать участие молодежи в работе молодежных общественных организаций?», %

Способы активизации	Ответы
Материально поощрять молодых людей	47,7
Поддерживать творческую инициативу молодых людей	43,9
Развивать международное молодежное сотрудничество	29,8
Увеличивать помощь молодежным общественным организациям	27,4
Воспитывать у молодежи чувство патриотизма	22,0
Развивать демократию, уважение прав человека	21,1
Информировать молодежь о работе МОО	17,5
Формировать у молодежи активную гражданскую позицию	15,7
Преодолевать формализм в работе МОО	9,7
Использовать опыт МОО СССР	5,7
Совершенствовать нормативные акты об МОО	3,2

Примечание: Можно было отмечать несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может превышать 100%.

Как видно из приведенных данных, сегодняшняя социально-экономическая ситуация, изменение ценностно-нормативной структуры общества повлекли и изменение мотивации современного молодого человека к деятельности вообще, и к общественной деятельности в частности. Материальный фактор стимулирования сегодня занимает лидирующую позицию (47,7%). Однако прагматичность молодого человека сегодня сочетается с желанием получить возможность проявить себя, продемонстрировать свои креативные идеи. Как мы знаем, сегодня не всегда молодежные организации могут обеспечить поддержку всех своих членов, часто взаимодействуют только с активом организации, оставляя «за бортом» рядовых членов.

Молодежные общественные организации должны поддерживать творческую инициативу своих членов, что, по мнению 43,9% опрошенных, будет способствовать увеличению количества сторонников различных молодежных организаций. Немаловажную роль в осуществлении данной деятельности занимает, по мнению самих молодых людей, повышение их правовой культуры и правового сознания, а также формирование активной гражданской позиции и воспитание чувства патриотизма.

Заклучение

Необходимо помнить, что молодежь является социальной базой общественных изменений и как потенциальная творческая сила заинтересована в последовательном и позитивном изменении общества. Однако данная социально-демографическая общность еще только входит в систему общественных отношений и потому является наиболее незащищенной, нуждается в поддержке государства. Вопрос в том, какой должна быть эта поддержка? В социальной политике государства на первый план должна выходить задача повышения эффективности саморегуляции, использования потенциальных возможностей молодежных когорт и обоснования новых ориентиров в собственно молодежной политике. В этой связи необходимо уделить большое внимание проблеме эффективности и качества правового воспитания. Оно реализуется за счет правового обучения, юридической практики и самовоспитания, заключающихся в формировании у каждого молодого человека глубокого уважения к праву, потребности строго следовать правовым предписаниям, самостоятельно анализировать правовую действительность.

Таким образом, необходимо отметить, что проблематика правовой культуры пользуется заслуженным вниманием специалистов разных отраслей современных знаний и характеризуется большим количеством различных концепций и теорий. Вместе с тем данный феномен обладает такой широтой и сложностью для познания и эмпирического описания, что оставляет сегодня достаточно пространства для конструирования новых теоретических подходов и разработки специфических методологических моделей исследования, учитывающих процессы социальной трансформации и национальные особенности современного белорусского общества. Определение специфических черт данного процесса является важной теоретической предпосылкой для исследования проблем формирования правовой культуры современной белорусского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веремеева, Н.П. Белорусская молодежь на рубеже веков: взгляд социолога / Н.П. Веремеева, Н.Я. Голубкова, Л.Ф. Филинская // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета : в 7 т. – Т. 1: Педагогика. Психология. Социология. Философия / адк. рэд. П.І. Жук. – Минск : БДУ, 2001. – 525 с.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М, 1986. – С. 225.
3. Шилович, А. Обеспечение доступа граждан к правовой информации как одно из необходимых условий развития правовой культуры / А. Шилович // Юстиция Беларуси, 2008. – № 9. – С. 75–79.
4. Семитко, А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность противоречия прогресс / А.П. Семитко. – Свердловск, 1990. – 213 с.

Demidova A. Legal Culture of Youth as an Object of Sociological Study

A certain decrease of a level of legal culture is influenced by changes in various aspects of the functioning of society today. Legal awareness and understanding of social and legal norm on the part of citizens are subjected to corrosion. This article describes the features of the sociological study of law culture of young people, its theoretical and empirical description. This article analyzes the basic theoretical and methodological approaches to understanding the legal culture, examines the main structural components of the concept (legal consciousness, legal entities-media). Based on the data of sociological research carried out in 2011, in the Mogilev region on a representative sample, this article analyzes the legal education of young people and their attitude to the existing legal system; contributing factors and obstacles to the revitalization of the youth, including the protection of their lawful rights and interests.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.04.2012

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук**СПЕЦИФИКА И СТРУКТУРА
СОВРЕМЕННЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ**

Современные туристические услуги, оказываемые в процессе поиска тура, его приобретения и потребления, относятся к числу наиболее важных потребительских услуг, поскольку тесно связаны и обусловлены организацией свободного времени человека. Эти услуги, характеризующиеся кратковременностью, неповторимостью, абстрактностью и субституанальностью, касаются, прежде всего, перевозки, гостиничных услуг, питания туристов. Немаловажное место в статье отводится таким дополнительным услугам, как туристическая информация, экскурсии, анимация, СПА. Специфика и структура туристических услуг напрямую связана с человеческим фактором, т.е. с умениями и навыками турорганизаторов, культурой межличностных отношений, ориентированностью на клиента и стремлением оказания услуг исключительно высокого уровня качества. Способность персонала, обслуживающего туристическое движение, оказывать услуги в соответствии с мировыми стандартами способствует динамичному развитию туристической инфраструктуры. Именно эта способность во многом определяет готовность туристов приезжать в те или иные регионы и страны с целью отдыха и развлечения.

Обслуживание потоков туристического движения является важной составляющей национальных доходов многих государств мира. Туризм не занимал бы такого значительного места в социокультурной жизни общества и не смог бы удовлетворять потребительские потребности людей, если бы не оказывал туристических услуг. Наличие этих услуг в значительной мере упрощает познание современного мира. При этом оказывается, что получение туристических услуг сопряжено с целым рядом сложностей. К их числу можно отнести, например, отсутствие финансовых средств, отсутствие образцов рационального посещения, отсутствие знания иностранных языков, законов традиций и обычаев посещаемых стран. В решении этих проблем значительную помощь призваны оказывать туристические организаторы и персонал туристических организаций, проявляя при этом компетентность и корректность.

Рекламой поездок все чаще занимаются телевизионные программы и специальные телеканалы, иллюстрированные журналы и рассказы знакомых. Каждый потенциальный путешественник мечтает о далеких и экзотических землях. Часто это мечты детства, которые благодаря вышеуказанным облегчениям приближают познание глобальной деревни, каковой является мир.

В социологии, как и в экономике, услугой принято считать любую деятельность, направленную на удовлетворение потребностей людей. Услуги подразделяются на услуги экономической инфраструктуры (например, коммунальные, ресторанные, бытовые, страховые, банковские, маркетинговые, торговые, информационные и т.п.), технической инфраструктуры (коммуникация, связь, водоснабжение, отопление и т.п.), а также общественной инфраструктуры (например, культура, образование и просвещение, здравоохранение, рекреация, туризм, развлечение).

Объем туристических услуг зависит прежде всего от постоянно меняющихся потребностей туриста, поскольку эти потребности обусловлены экономической ситуацией, модой, культурными запросами. К числу самых важных туристических услуг относятся транспортные, гостиничные, ресторанные, информационные, банковские, рекреационные, физической культуры, торговые, инфраструктурные, ремесленные услуги.

С точки зрения туристических потребностей, можно выделить основные туристические услуги, направленные на реализацию потребностей в перевозке, обеспечении организованного проживания и питания, а также комплементарные услуги, направленные на удовлетворение духовных потребностей туристов в знакомстве с достопримечательностями.

тельностью, общении, получении эстетического впечатления и т.п. Основным критерием их различения является цель оказания услуги туристам. Литература по социальным наукам, в частности, по социологии туризма, эмпирические исследования, а также наблюдения за социальной действительностью, окружающей туризм, позволяют выделить следующие специфические черты туристических услуг.

1. Туристические услуги могут быть отдельными услугами, которые оказываются людьми или предметами (например, продажа сувениров в гостиничном киоске или резервация проката автомобиля). Есть основание говорить о пакете (комплексе) услуг примером чего может служить, например, проезд к месту назначения, проживание с частичным или полным питанием, а также комплекс услуг, связанных с выездом (трансферт в аэропорт), пребыванием и возвращением в место постоянного проживания. Туристическую услугу можно также рассматривать в общеэкономическом контексте, как комплекс отдельных услуг, которыми пользуется турист во время пребывания в туристической местности и в ходе переезда. В свою очередь, комплементарные туристические услуги – это такие услуги, которые зависят друг от друга, поэтому если турист намерен выехать во время отпуска в какую-либо местность и откажется от организованной поездки, то окажется, что в предполагаемом месте пребывания он не сможет разместиться или получить услуги по питанию. Этот тип туристических услуг в макроэкономическом контексте остается в комплементарном союзе с туристическими достопримечательностями. Поэтому социально-экономическая польза туристических достопримечательностей является (с точки зрения социологии) обусловленной соответствующей динамикой и внутренней структурой туристических услуг. Отсюда напрашивается вывод о том, что оказываемые туристические услуги детерминируют развитие туризма.

2. Следующей чертой туристических услуг является их субституциональность, означающая, что у туриста есть возможность выбора определенных туристических услуг (например, ночлега в пятизвездочном отеле или в придорожном мотеле). При этом основным критерием выбора является экономическое состояние туриста, а также параметры альтернативных услуг. Иногда выбор городского отеля особенно осложнен, поскольку некоторые города могут быть закрыты для подъезда к ним туристических автобусов (например, Рим).

3. Почти все туристические услуги характеризуются своеобразной внутренней диспропорцией, т.к. они удовлетворяют туристический спрос комплементарно и субституционально, что существенным образом влияет на уровень и качество обслуживания туристического движения. При этом необходимо учитывать тот факт, что чем дальше от туристических достопримечательностей располагается та или иная гостиничная или гастрономическая база, тем выше должен быть уровень качества оказываемых услуг. Отнюдь не случайно качество блюд и обслуживания туристов на центральных улицах туристических центров всегда значительно ниже при одновременно более высоких ценах, чем на нецентральных улицах, удаленных от достопримечательностей, где число туристов гораздо меньше, а клиентами являются, в основном, местные жители.

4. Следующей чертой туристических услуг является различный, с точки зрения времени и пространства, спрос на эти услуги. Особую роль здесь играет временность и сезонность спроса на туристические услуги по всей шкале, начиная от пика сезона до его мертвого периода. Наибольшим спросом туристические услуги пользуются в летнее время, которое является повсеместно принятым временем летних отпусков и каникул. В летнем времени наиболее высокими ценами отличается август, более низкими июнь и июль. В то же время удачным временем для совершения путешествий в теплый Египет или в европейские столицы являются рождественские каникулы. Небольшие выезды совершаются также в майские праздники, которые являются государственными во многих странах Европы. Принятые в богатых западных странах стандар-

ты организации свободного времени и современного стиля жизни обязывают совершать зимние выезды или в экзотические страны (например, в Доминикану, Тайланд, Индию) или на горнолыжные курорты Альп и Карпат.

Спрос на туристические услуги различен не только в различное время года – он отличается также и по странам, и по отдельным регионам. Так, например, страны-реципиенты, принимающие огромные туристические потоки не отличаются туристической активностью собственных граждан. Наиболее активными туристами на сегодняшний день являются американцы, немцы, бельгийцы, англичане.

Прежде, чем возникнет конкретная потребность, должны появиться конкретные и убедительные мотивации, склоняющие человека к определенному поведению и регулирующие его поведение. Потребности занятия туризмом могут осуществиться в том случае, если появятся очередные комплексы факторов, стимулирующих или ограничивающих их развитие. К числу социальных факторов, способствующих росту туристического движения, следует отнести туристическую политику государства как важнейший элемент его экономической политики. Как известно, в современной экономике существенное место отводится развитию туризма и расширению рынка туристических услуг большинства стран мира, в том числе и Беларуси.

Что касается самих белорусов, то в бюджете большинства семей вообще отсутствует статья расходов, связанных с дальними путешествиями. В лучшем случае деньги откладываются на санаторное лечение или поездку к морю. Наиболее популярны у белорусов выезды в Украину, Болгарию, Турцию и Египет, поскольку эти направления являются наиболее дешевыми.

5. Производство туристических услуг значительно отличается от промышленного производства, которое постоянно подвержено техническому прогрессу, поэтому в сфере практики обслуживания туристического движения большое внимание уделяется подбору персонала и управлению им, а также межличностным отношениям.

6. Существенной характеристикой туристических услуг является наличие потребителя, что означает, что туристическую услугу нельзя переслать так, как, например, пересылается товар. Поэтому производство туристических услуг протекает в присутствии туристов, при этом одновременно с производством происходит их потребление, т.е. эти услуги нельзя складировать.

7. Специфика оказываемых туристических услуг заключается в их абстрактном характере; на практике это означает то, что у потенциального туриста нет возможности попробовать хотя бы часть из тех услуг, которые он намеревается приобрести. Турист, принимая решение, связанное с приобретением туристического продукта, в значительной мере опирается на рекламные материалы и именно поэтому так важна их информационная составляющая. В любом случае туристические услуги сначала продаются, а затем потребляются. В настоящее время на сайтах большинства гостиничных предприятий, морских и горных курортов имеется возможность совершить виртуальное путешествие по вестибюлям, ресторанам и номерам отелей, увидеть бассейны и аквапарки, местные природные и культурно-исторические достопримечательности. В то же время такое путешествие не всегда отвечает фактическим реалиям гостиничной и ресторанной базы принимающей стороны.

8. Все туристические услуги, подобно иным услугам, выполняют важные социальные функции, поскольку, гарантируя конкретным туристам отдых, туристические услуги позволяют восстановить витальные и психические силы человека, иссякающие в процессе трудовой, учебной, научной и иных видов деятельности. Развитие туристической инфраструктуры, расширение рынка туристических продуктов, повышение качества оказываемых туристических услуг прямым образом влияют на повышение возможности укрепления здоровья нации, что, в свою очередь, сказывается на повышении

человеческого потенциала в целом. Все это напрямую связано с категорией свободного времени, а туризм является во всем мире одной из наиболее популярной и доступной формой его организации.

9. Любая туристическая услуга (как каждая иная услуга) базируется на экономической деятельности. Социально-экономический смысл туристических услуг заключается в том, что они развиваются в комплексе с другими услугами и оказываются вне места постоянного проживания туриста в соответствии с его актуальными условиями жизни и новыми потребностями, возникающими в ходе путешествия. Социальную значимость туризма подчеркнули все международные документы, принятые в международном туристическом движении. Так, в Манильской декларации по мировому туризму отмечается, что современный туризм возник в связи с проведением социальной политики, приведшей к предоставлению трудящимся ежегодных оплачиваемых отпусков, что одновременно является признанием основного права человека на отдых и досуг. Он стал не только фактором социального равновесия, взаимопонимания между людьми и народами и развития личности, но приобрел также культурный и духовный аспекты, призванные поддержать и защитить от негативных последствий, обусловленных жизненными факторами.

10. Подавляющая часть туристических услуг носит рыночный характер, они полностью или частично оплачиваются, при этом доступ к части из них может быть бесплатным, например, к визовой, таможенной или туристической информации. В то же время в западных странах широкое распространение получил социальный туризм, являющийся специфической формой туризма, ориентированной на участие в нем социальных слоев с низким уровнем доходов, причем такое участие им обеспечивают доступные социальные программы. В шестидесяти пяти национальных конституциях есть статьи о праве на отдых, развлечения, оплачиваемые отпуска и каникулы. Однако самой важной особенностью социального туризма являются специальные ассигнования для туристов, поскольку социальный туризм не может существовать без финансирования и дофинансирования, а также иных форм поддержки в сфере туристического как спроса, так и предложения.

11. Туристические услуги в Беларуси, касающиеся гостиничной и ресторанной базы, в значительной мере обусловлены рыночным спросом, знакомство с которым требует специальных социологических исследований. В последние годы на белорусском туристическом рынке наблюдается тенденция роста сбалансированного туризма, представленного не только услугами крупнейших туристических операторов, но и небольших частных фирм, прежде всего агротуристических хозяйств.

В то же время, например, по данным Национального статистического комитета РБ за 2011 г., денежные расходы домашних хозяйств на санаторно-оздоровительные, туристические и экскурсионные услуги и услуги учреждений культуры с 2000 по 2010 год выросли с 860 рублей до 36 567 рублей на белорусскую семью [1]. Для сравнения: по данным Евробарометра, в 2010 году около 73% всех жителей стран Европейского Союза (69% в 2010 году) путешествовали для собственного удовольствия или по служебным делам. Наибольшее количество путешественников в Финляндии (89%), Дании (87%), Голландии и Швеции (по 87%), Люксембурге (85%) и Норвегии (84%).

13. На туристическом рынке в Беларуси остается полностью незаполненным сегмент обслуживания лиц с ограниченными возможностями. Клиенты с различными ограничениями, а также люди старшего и пожилого возраста, составляющие значительную часть клиентской базы, пользуются туристическими предложениями, ориентированными на здоровых молодых людей. Что касается самих инвалидов, то, как свидетельствуют исследования, они ожидают, что организаторы туристических мероприятий и непосредственно обслуживающий их персонал будут состоять из специалистов, обладающих знаниями и навыками равного обращения с людьми с ограниченными возможностями, специалистов, ориентированных на удовлетворение их нужд, а также

на предоставление им своевременной помощи. В настоящее время в Беларуси частично решению данной проблемы поспособствовали периодически повторяющиеся тренинги по использованию навыков обслуживания таких клиентов. Весьма желательно, чтобы подобные тренинги предусматривались в программах профессионального обучения сотрудников туристических компаний и являлись частью стратегии компании в сфере обеспечения заботы о клиентах.

Как мы уже отмечали, туристические блага характеризуются комплементарностью и тесной связью с туристической привлекательностью территории и составляют материально-организационные условия развития туризма в данной местности или регионе. Это значит, что туристические услуги оказываются, прежде всего, с использованием комплементарных туристических благ, т.е. с использованием оборудования и институтов туристической инфраструктуры. Эти услуги можно отнести к потребительским услугам.

Наконец, следует отметить, что услуги могут выполнять свою социальную роль, если они реализуют две основные функции:

1) *функцию поставки товаров*, призванных удовлетворять основные потребности человека, модифицированные специфическими ситуациями, в которых оказывается турист (к их числу можно отнести, например, пляжные наряды и принадлежности), а также собственно туристические товары (например, туристический инвентарь);

2) *функцию непосредственного воздействия на туриста*. В данном случае имеется в виду создание условий для его отдыха, лечения, развлечения и т.п. При этом оказывается, что спектр таких услуг постоянно расширяется, поскольку, отправляясь на отдых, туристы стремятся не только к пассивному отдыху в условиях морского горного курорта, но и к получению, например, косметологических и СПА-услуг, к знакомству с достопримечательностями и культурой, образом жизни и историей страны посещения, вызывает необходимость оказания экскурсионных услуг, к приятному времяпровождению и завязыванию знакомств с другими туристами, что определяет востребованность анимационных услуг.

В свою очередь российский исследователь М.А. Жукова выделяет следующую специфику туристических услуг:

1. Они отличаются достаточно четко выраженными туристическими зонами (например, «солнце, море» – Кипр, Болгария, Турция; «отдых, лечение» – Карловы Вары, Ессентуки; «спорт» – Домбай, Чехия, страны бывшей Югославии, Швейцария и т.д.).

2. Туристические пакеты создаются усилиями многих организаций, каждая из которых имеет собственные методы работы, специфические потребности и различные коммерческие цели. При этом оказывается, что достижение успеха на рынке возможно лишь в том случае, если все участники туристического обслуживания вырабатывают общие цели и будут двигаться по направлению к ним.

3. Преодоление покупателем расстояния, отделяющего его от туристической услуги и места ее потребления.

4. Зависимость туристической услуги от таких переменных, как время и пространство. Большое значение имеет фактор сезонности (маркетинговые мероприятия туристической организации будут отличаться в пик сезона и межсезонье). В межсезонье необходимы дополнительные меры стимулирования спроса: низкие цены, различные дополнительные услуги и т.д.

5. Значительное влияние на качество туристской услуги оказывают внешние факторы, имеющие форсмажорный характер, т.е. не зависящие от воли и действий продавца и покупателя: погода, природные условия, политика, международные события и т.д.

Последняя характеристика, выделенная М.А. Жуковой, представляется нам особенно продуктивной, поскольку ее можно легко проследить на современном состоянии дел таких крупнейших игроков на глобальном рынке туристических услуг, как «Томас

Кук», «Некерман», «Триада», понесших в последние два года многомиллионные потери и повисших над пропастью разорения из-за резкого снижения после «жасминовых» революций туристических потоков, традиционно направлявшихся в Египет и Тунис.

М.А. Жукова отмечает также, что при выявлении особенностей туристического рынка важное место должно отводиться не только категории «туристическое предложение» и рассмотрению понятия «туристическая услуга», но и понятию «туристический спрос», в концепции которого приоритетное место отводится потребителю, чьи нужды и желания туристические организации призваны удовлетворять. [2, с. 28–30].

Отмечая недоверие отечественных клиентов к организаторам туристических услуг, автор отмечает, что «Современные условия конкуренции требуют от организаций индустрии туризма дальнейшей дифференциации продукта и услуг, выпускаемых под торговой маркой с учетом специфики потребностей отдельных групп клиентов. Такая специализация предусматривает создание различных брендов под одной торговой маркой, ориентированных на определенные сегменты потребительского рынка» [2, с. 98].

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что состояние туристического сектора мирового рынка во многом обусловлено не только влиянием культурных, экономических, природных, технических и прочих факторов, способствующих его развитию и процветанию, а также глубоких кризисов и природных катаклизмов, в случае их возникновения разрушающих этот сектор, но спецификой и структурой оказываемых туристических услуг. Концепция «тотального туристического опыта», требует новых моделей и структуры туристических услуг. В настоящее время понятие «тотальный туристический опыт» становится ключом к дальнейшему развитию и росту рентабельности туристической отрасли. В этой связи, во-первых, увеличивается спрос на персонализированный консалтинг и обслуживание требовательных клиентов, и, во-вторых, трансформируется демографическая структура клиентов. Рост числа пожилых туристов, совершающих длительные путешествия, их стремление к получению не только отдыха в климатически благоприятных странах, но и к развлечению, культурно-познавательной деятельности в условиях чужих и даже экзотических стран, к получению эстетического удовольствия в значительной степени предопределяет структуру современных туристических услуг.

Отсюда напрашивается вывод о том, что структура оказываемых туристических услуг во многом детерминирует развитие туризма в том или ином регионе или стране. Будучи невидимыми и неповторимыми, они, тем не менее, играют настолько важную роль, что она становится такой же значимой, как, например, наличие достопримечательностей, красивых природных ландшафтов, благоприятных для отдыха и рекреации климатических условий. Невидимость и невозможность повторения туристической услуги, ее абстрактный характер предопределяют ведущую роль в туристическом сервисе турорганизаторов и обслуживающего персонала, что, в свою очередь, требует специального менеджмента и внедрения новейших систем качества в индустрию гостеприимства. Отсталость структуры услуг и туристической инфраструктуры в целом не способствуют туристической привлекательности страны и региона, что, в свою очередь, ведет к недополучению ими экономической, политической и культурной выгоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический сборник «Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь». Режим доступа : <http://belstat.gov.by>
2. Жукова, М.А. Менеджмент в туристском бизнесе : учеб. пособие / М.А. Жукова. – М. : Кнорус, 2006. – 193 с.

Yakavuk T.I. Peculiarity and Structure of Contemporary Tourist Services

Contemporary tourist services, provided to tourists when they search for a tour, its purchase and consumption, are among the most important consumption services, as they are closely connected to the organization of individual's leisure and are preconditioned by it. These services are characterized by a short periodicity, singularity, abstractedness and substantive nature and are primarily related to transportation, hotel services, and meals. The additional services such as tourist information, excursions, animation and SPA. The peculiarity and structure of tourist services is straightly related to human factor, i.e. with skills and abilities of tourist administrators, culture of inter-personal relations, focus on client and aspiration to provide services of exceptionally high quality. The ability of the personnel managing the tourist movement to provide services, according to global standards, contributes to a rapid development of tourist infrastructure. This ability to great extent determines the readiness of tourists to visit specific areas and countries for rest and recreation purposes.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.02.2012

УДК 316.774+316.642.3] (476)

С.В. Хамутовская

ЗНАЧЕНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье на основе данных социологических исследований, проведенных различными институтами и центрами социологического профиля в 2011 году выявляются возможности воздействия средств массовой информации на формирование и развитие когнитивных ориентаций граждан Республики Беларусь посредством определения основных источников получения информации, установления роста либо снижения популярности последних, а также анализа степени доверия им населения и субъективных оценок роли информированности при возникновении проблем и сложных жизненных ситуаций. На примере телевидения, радио, печатных изданий и Интернета рассматривается тематика средств массовой информации, в наибольшей степени привлекающая современных пользователей. Приводится теоретическая экспликация процессов категоризации и атрибуции, задействованных в создании и изменении когнитивной структуры личности. Подчеркивается наличие ряда особенностей, которые необходимо учитывать при изучении когнитивных ориентаций, таких как влияние социальной среды, менталитет, идентификация, психологическое состояние человека и других.

Введение

В настоящее время в Республике Беларусь активно осуществляется формирование и развитие информационного общества, в рамках которого важная роль отводится производству, распространению, хранению и переработке различных сведений и данных. Возрастает количество источников и объем информации, что создает для граждан дополнительные возможности для более полной реализации их прав и свобод во всех областях жизнедеятельности. При этом известно, что люди определенным образом осуществляют отбор и обработку информации, преобразовывают ее в знания, необходимые в дальнейшем для принятия решений и воплощения последних на практике. В свою очередь, познавательные способности индивидов, социальных групп и общностей лежат в основе формирования соответствующих когнитивных ориентаций. Когнитивные ориентации характеризуют способность человека к смысловому отображению, пониманию и оценке различных явлений и процессов (социальных, политических, культурных и др.). Когнитивная составляющая человека формируется как пассивно (в процессе первичной социализации), так и активно (когда человек самостоятельно, сознательно и целенаправленно интересуется чем-либо), на нее воздействует как личный опыт, приобретенный ранее, так и факторы внешней среды. Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе социологических исследований выявить, каким образом такой фактор внешней среды как средства массовой информации влияет на формирование когнитивных ориентаций современных белорусов. Для этого представляется целесообразным установить, во-первых, откуда население нашей страны преимущественно получает информацию, во-вторых, каким источникам информации оно доверяет и, в-третьих, помогает ли им в реальной жизни приобретенная информация.

В ходе проведения республиканского мониторинга общественного мнения, осуществленного Институтом социологии Национальной академии наук (НАН) Беларуси в ноябре 2011 года (репрезентативная выборка составила более 2000 человек), респондентам задавался вопрос «Из каких источников Вы обычно получаете информацию?». Ответы на него распределились следующим образом (таблица 1):

Таблица 1. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Из каких источников Вы обычно получаете информацию?», %

Варианты ответов	Данные
Нет ответа	0,3
Телевидение	85,2
Периодические печатные издания	40,1
Интернет	43,1
Радио	39,9
От родственников, друзей, коллег и т.п.	33,9
Официальное информирование по месту работы	7,4
Из других источников	0,8

Содержание таблицы 1 свидетельствует, что к основным каналам получения информации белорусы относят телевидение, Интернет, периодические печатные издания и радио, то есть именно средства массовой информации и коммуникации. Информации, получаемой от родственников, друзей, коллег, по месту работы и из других источников уделяется меньшее внимание.

В 2011 году подавляющее большинство населения имели в своем пользовании телевизоры (98,5%) и мобильные телефоны (79%), далее следовали: сетевая (проводная) радиоточка (52,5%), личная (семейная библиотека) – 51%, компьютер (в том числе ноутбук) – 44% [1, с. 8]. Наибольший интерес граждане проявляли к новостным телепередачам, художественным фильмам, развлекательным и информационно-аналитическим программам, сериалам, считая телевизор «окном в мир» [1, с. 16, 37]. Однако 33,9% населения были убеждены в том, что «телевидение показывает очень много позитивного и отражает действительность в розовом цвете», 18,3% настаивали на обратном [1, с. 40].

Что касается печатных средств массовой информации, то в основном население нашей республики отдавало предпочтение еженедельникам (58,9%) и газетам, которые выходят практически ежедневно (не реже 5 раз в неделю) (27,4%), в которых освещается политическая ситуация, международные события, социальные вопросы, проблемы экономического развития [1, с. 48, 53]. Относительно радиовещания предпочтения белорусов распределились между FM-радиоприемниками (28,7%), проводным радио (25,4%) и радио в автомобиле (15,7%). В качестве популярных радиоканалов, прослушиваемых не реже 1 раза в месяц, были названы Радиус–FM (26,8%), Первый национальный канал Белорусского радио (21,1%), Русское радио (11,5%), Радио Рокс (11,1%), местное радио (10,5%). На радио внимание слушателей привлекали главным образом новости (38,1%) и музыкально-развлекательные программы (37,4%) [1, с. 64–65, 67].

При этом, в республике заметна возросшая роль Интернета: в 2010 году количество пользователей сети Интернет в Беларуси составило 3,1 млн. человек, т.е. примерно 35% населения республики. Для сравнения в Украине в 2010 году этот показатель составил 21%, в России – 36%, в Польше – 55%, в Литве 57%, в Латвии – 65% [2 с. 24]. В 2011 году, согласно данным мониторинга Института социологии НАН Беларуси, 32,0% опрошенных отметили, что они пользуются Интернетом практически каждый день, 10,8% – не реже 1-2 раз в неделю, 11,7% – не реже одного раза в месяц, 5,1% – не реже 1-2 раз в месяц. По сведениям Информационно-аналитического Центра при Администрации Президента Республики Беларусь, в 2011 году для 26% наших граждан один сеанс посещения Интернета занимал от 1 до 3-х часов, для 15% – более 3-х часов, 43% не смогли определить точное время. Также в прошедшем году увеличилось число людей, пользующихся Интернетом дома, а не на работе, по месту учебы,

в интернет-кафе, компьютерных клубах, библиотеках и т.п. По посещаемости на первые места вышли различные поисковые системы (59%), социальные сети, блоги, живые журналы (49%), новостные сайты (43%), а на последних оказались сайты, связанные с поиском работы (13%), знакомствами (11%), корпоративные сайты (8,5%), другое (4%); 3% белорусов посещали все подряд сайты [3]. Американский антрополог, профессор Нью-Йоркского, Йельского и Колумбийского университетов М. Мид на базе проведенных ею в течение сорока лет исследований культурно обусловленных методов воспитания индивидов, истоков межпоколенческих конфликтов, предписываемых культурой способов поведения людей, этнокультурных особенностей различных народов в своих трудах отмечала, что в ходе быстрого процесса обновления знаний и совершенствования информационных и коммуникативных технологий возникает префигуративная культура, направленная на развитие новых связей и механизмов взаимодействия поколений, в которых мировоззрение и образ жизни старших не подавляют идеи, цели, стремления и образ жизни младших поколений. И более того: благодаря развитию электронной коммуникативной сети в рамках Интернет-пространства, у представителей молодого поколения возникает общность особого, специфического опыта, «того опыта, которого никогда не было и не будет у старших» [4, с. 361]. По мнению министра информации Республики Беларусь О.В. Пролесковского, в будущем в нашей стране «тиражи печатных средств массовой информации продолжают снижаться – это объективно, неизбежно: Интернет все более ощутимо пронизывает нашу жизнь», и уже сегодня, например, каждая газета имеет свой сайт в Интернете с оперативной информацией [5], также как и государственные органы и организации.

Согласно социологическому исследованию «Использование сети Интернет в Республике Беларусь», проведенному в декабре 2011 г. Информационно-аналитическим Центром при Администрации Президента Республики Беларусь во всех областных центрах страны и городе Минске, районных центрах и сельских населенных пунктах (по месту жительства методом телефонного интервью было опрошено 1 000 пользователей Глобальной сети старше 16 лет), по мнению респондентов, большинство сайтов государственных органов, учреждений и организаций располагают достаточной информацией об их работе (73%). В то же время 61,0% респондентов указали на то, что им не хватает данных административно-правового характера («перечня необходимых документов, бланков для обращения в государственные органы, информации о стоимости услуг, о сроках рассмотрения обращений и т.п.») (рисунок 1) [3].



Рисунок 1. – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Достаточно ли Вам информации о работе государственных органов и организаций, а также сведений об осуществлении административных процедур?»

Однако распространение Интернета пока не вытесняет традиционные средства массовой информации и коммуникации и доверие ему несколько меньше, чем последним (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов респондентов на вопрос «В какой степени Вы доверяете следующим источникам информации?», %

Варианты ответов	Источники информации					
	Телевидение	Радио	Журналы, газеты	Интернет	Друзья, знакомые, родственники	Информирование по месту работы, учебы
Нет ответа	1,6	4,0	5,7	12,9	4,4	15,1
Доверяю	35,4	33,8	23,7	19,6	37,0	19,3
Скорее доверяю	32,6	29,7	32,4	25,6	34,5	23,8
Скорее не доверяю	13,2	11,1	16,6	10,3	8,1	8,0
Не доверяю	8,1	6,5	8,0	6,7	4,2	7,4
Затрудняюсь ответить	9,2	15,0	13,6	24,8	11,8	26,4

Из таблицы 2 видно, что информации, получаемой из Интернета, в 2011 году доверяли и скорее доверяли в целом 45,2% белорусов, в то время как увиденному по телевидению – 68%, услышанному по радио – 63,5%, прочитанному в периодических изданиях (журналах, газетах и т.п.) – 56,1%, информированию по месту работы, учебы – 43,1%. Наибольшее же число жителей Беларуси (71,5%) доверяли и скорее доверяли сведениям, полученным от друзей, знакомых и родственников. То есть получается, что население Беларуси предпочитает получать информацию преимущественно из официальных источников, но в большей степени доверяет данным и сведениям из неформальных источников, что отражает значение социального окружения и соответствующей интерпретации им событий и явлений в механизме формирования когнитивных ориентаций, наличие сочетания сознательных и бессознательных процессов отбора информации, особенности идентификации. В настоящее время не идеология, не партия, не государство, а семья – ведущий идентифицирующий фактор для современного белоруса. К примеру, в 2007 году 85% опрошенных граждан нашей республики различных имущественных, социальных статусов, политических и идеологических предпочтений идентифицировали себя именно с семьей (по данным республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного в 2007 году Институтом социологии НАН Беларуси) [6, с. 436]. По результатам мониторинга общественного мнения 2011 года, проведенного вышеуказанным институтом, 84,4% и 8,5% белорусов заявили, что они соответственно часто либо иногда испытывают чувство общности с семьей. Для сравнения: чувство общности с людьми, близкими по политическим взглядам, позиции часто и иногда испытывали 25,7% и 33,6%, с людьми той же национальности – 36,6% и 38,1%, с людьми, разделяющими взгляды на жизнь, – 43,7% и 31,7%, с людьми

своего поколения – 42,7% и 37,1%. Это еще раз подтверждает высказывание зарубежного исследователя М. Бернбанка о том, что воздействие социального окружения есть не порождение самого по себе социального состава группы или общности, «но следствие обучения и действия человека в окружающей среде с определенной информационной предрасположенностью» [7, с. 169], приобщение его посредством обмена информацией к суждениям, взглядам и мнениям данной среды.

Исходя из подобной идентификации и структурирования информации социальной средой, вполне закономерным является то, что большинство населения Беларуси считает, что при возникновении различных жизненных ситуаций, проблем, можно рассчитывать на помощь в первую очередь семьи (91,7%). Что касается значения информированности, то мнения граждан распределились следующим образом (таблица 3):

Таблица 3. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Помогает ли Вам информированность справляться с жизненными проблемами?», %

Варианты ответа	Данные
Нет ответа	10,5
Помогает во всех ситуациях	11,9
Помогает в большинстве ситуаций	22,1
Помогает только в некоторых ситуациях	26,7
Не помогает вообще	8,7
Затрудняюсь ответить	19,9

Приведенные в таблице 3 данные показывают, что на информированность при поиске выхода из тех или иных ситуаций в 2011 году полагалось в целом 60,8% населения, что на 30,9% меньше, чем на семью. Но при этом необходимо учитывать, что определение сложности жизненной ситуации и значения информированности для ее разрешения во многом зависят от сопутствующих формированию и развитию когнитивных ориентаций человека категоризации и атрибуции.

Смысл категоризации заключается в том, что при получении каких-либо сведений человек соотносит их с когнитивной структурой (категорией, образом, понятием, символом), уже существующей в его памяти и помогающей ему интерпретировать те или иные процессы, события, действия. А так как внутренний мир людей различен, то и восприятие одной и той же ситуации, проблемы может существенно отличаться. Кроме того, чем многообразнее опыт, социальные, политические и культурные ожидания, сформированные ранее предпочтения и установки индивида, чем более сложной будет категоризация и конструируемая в сознании человека ситуация, проблема. И в случае, если средства массовой информации не в достаточной степени обеспечивают индивида необходимыми сведениями из внешней среды, то это ограничивает возможности последнего более или менее однозначно соотносить те или иные явления со смысловыми рамками его сознания, заставляет самостоятельно заполнять информационные пробелы, чему, в свою очередь, способствует атрибуция.

Атрибуция – также ментальный процесс, в ходе которого, во-первых, новая информация встраивается в смысловые рамки сознания индивида, а, во-вторых, происходит извлечение из его долговременной памяти категорий, образов, понятий и символов для объяснения явлений и событий, а также логических связей между ними. Затрагивая глубинные, подсознательные проявления, атрибуции имеют вид объяснительных схем, умозаключений [8]. В сочетании с внешними факторами, в частности такими, как воздействие средств массовой информации на формирование когнитивных ориентаций

людей, категоризация и атрибуция позволяют каждому человеку интерпретировать те или иные ситуации и способы выхода из них по-своему уникально.

Заключение

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что значение такого внешнего фактора, влияющего на формирование и развитие когнитивных ориентаций населения Республики Беларусь, как средства массовой информации, является весьма важным, особенно в современных условиях. Большинство граждан получают новые сведения и осуществляют их категоризацию и атрибуцию, выработку соответствующих оценок и решений именно благодаря этим средствам. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что белорусы, главным образом, стремятся получать информацию из официальных источников (телевидения, печатных изданий, радио), но одновременно с тем в несколько большей степени доверяют своему ближайшему окружению, что обусловлено психологическими характеристиками личности. Увеличение популярности Интернета, который можно рассматривать как инструмент распространения контента средств массовой информации, государственных органов и организаций, подтверждает рост информационных потребностей граждан. При этом объем, тематика сообщений и последовательность их представления в средствах массовой информации ведет к образованию у граждан соответствующих когнитивных структур, посредством обращения к которым возможно преодоление сложных жизненных ситуаций и проблем. Кроме того, согласно теории культивирования, ярким представителем которой является Дж. Гербнер, постоянное воздействие средств массовой информации (и в первую очередь, телевидения) на протяжении длительного времени способно изменять мировоззренческие установки людей и их представления о социальной действительности. Однако, вопросы, связанные с установлением того, каким именно образом происходит изменение когнитивной структуры индивидов, социальных групп, общностей, и взаимосвязано ли последнее с функционированием конкретных средств массовой информации, до сих пор не получили однозначных ответов в научной литературе, что делает актуальным дальнейшую разработку данной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусская национальная медиасреда. Социологический аспект / Инф.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под. ред. О.В. Пролесковского [и др.]. – Минск, 2011. – 100 с.
2. Do you CEE? The Internet market of Central and Eastern Europe. 2-nd edition [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.internetcee.com/>. – Date of access : 24.02.2012.
3. Пресс-релиз «Использование сети Интернет в Республике Беларусь» // Информационно-аналитический Центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. Социология. Исследования центра [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://iac.gov.by/ru/sociology/research/Ispolzovanie-seti-internet-v-Respublike-Belarus_i_0000000216.html. – Дата доступа : 28.02.2012.
4. Мид, М. Культура и преемственность. Изучение конфликта поколений / М. Мид // Культура и мир детства : Избранные произведения. – М., 1988. – С. 322–361.
5. Подоляк, Т. Министр информации – о белорусской журналистике, государственных СМИ и новой эпохе телевидения / Т. Подоляк // Белорусский портал TUT.BY, Новости. Общество [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://news.tut.by/society/268258.html?utm_source=rssnews&utm_medium=rss&utm_campaign=news-feed. – Дата доступа : 12.01.2012.

6. Бабосов, Е.М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е.М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – 448 с.

7. Burnbank, M.J. How do Contextual Effects Work? Developing a Theoretical Model / M.J. Burnbank // Spatial and Contextual Models in Political Research. – London, 1995.

8. Пушкарева, Г.В. Политический менеджмент : учеб. пособие / Г.В. Пушкарева ; – М. : Дело, 2002. – 399 с.

Khamutouskaya S.V. Value of Mass Media for Formation of Cognitive Orientations of the Population of the Republic of Belarus

In the article on the basis of the results of sociological researches lead by various institutes and centers of a sociological structure in 2011 year opportunities of influence of mass media on formation and development of cognitive orientations of citizens of the Republic of Belarus by means of definition of the basic sources of reception of the information, an establishment of growth or decrease of popularity of the last, and also the analysis of a degree of trust it of the population and value judgment of a role of knowledge come to light at occurrence of problems and difficult vital situations. On the example of TV, radio, printed editions and the Internet the subjects of mass media to the greatest degree involving modern users is considered. The theoretical explication of processes of categorization and attribution, involved in creation and change of cognitive structures of the person is resulted. The presence of some features which are necessary for considering at studying of cognitive orientations, such as influence of the social environment, mentality, identification, a psychological condition of the person and others is emphasized.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.03.2012

УДК 316.772.4+316.614.5]-053.6

О.Н. Фаблинова**ИНТЕРНЕТ-СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ
И ЕЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ**

Статья посвящена рассмотрению Интернет-социализации, основных ее этапов и роли в информационной грамотности и Интернет-безопасности пользователей сети. В статье приводятся данные об Интернет-поведении современной молодежи Республики Беларусь как основной части белорусской Интернет-аудитории через призму его безопасности, а также международные данные по молодежи и ее поведению в сети. Разбирается три аспекта безопасного поведения в сети: вопрос доверия к Интернет-контенту, популярность Интернет-пользователей и вирусность их поведения. В работе также рассматривается деятельность белорусского государства в области информационных технологий как на теоретическом (законодательном), так и практическом уровнях, направленная на улучшение информационной грамотности населения и обеспечение безопасного выхода пользователей в Интернет-пространство.

По мнению выдающегося немецкого социолога М. Вебера, предметом социологии является поведение индивида или группы индивидов, которому он/они придают определенный смысл. Современные технологии, ставшие неотъемлемой частью жизни человека, привели к тому, что интерес социологов вызывает не только поведение индивидов в оффлайновом пространстве, но и в виртуальной среде.

Для Республики Беларусь характерно быстрое внедрение и широкое распространение новейших цифровых технологий, в частности – Интернет-технологий. По итогам переписи населения Республики Беларусь 2009 года, в Республике Беларусь насчитывалось 32,6% домохозяйств, имеющих компьютер, и 19,6% домохозяйств, имеющих компьютер, подключенный к Интернету. Наиболее «технически оснащенной» является столица: в Минске насчитывалось 49,8% домохозяйств, имеющих компьютер, и 36,3% домохозяйств, имеющих компьютер, подключенный к Интернету [1].

На начало 2011 года 31,8% населения республики в возрасте 16 лет и старше пользовались услугами сети Интернет [2]. По данным исследовательской компании «Gemius Belarus», наиболее популярен Интернет в молодежной среде. Так, среди Интернет-пользователей 8,77% – лица в возрасте 15–18 лет, 27,95% – 19–24 года, 28,06% – 25–34 года, 18,88% – 34–44 года, 12,37% – 45–54 года и 4,5% – 55 лет и старше [3]. Таким образом, наиболее многочисленная часть Интернет-пользователей – молодежь. Именно она представляет собой наиболее активную, динамичную, восприимчивую ко всему новому, креативную социально-демографическую часть белорусского общества (согласно закону Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики», молодежным возрастом считается возраст от 14 до 31 года включительно) [4].

Жизнь современной молодежи под влиянием Интернета претерпела ряд трансформаций: изменилась структура проведения досуга, традиционные каналы получения информации, характер межличностного взаимодействия, трансформировалась ценностная система. Не остались на прежнем месте в молодежной среде и социализационные процессы. Особое значение начинает приобретать Интернет-социализация (киберсоциализация, виртуальная компьютерная социализация), оказывающая влияние на поведение индивида как в оффлайновом, так и в онлайн-пространстве.

Научный руководитель – Е.М. Бабосов, доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси, заведующий отделом политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси

Под Интернет-социализацией мы будем понимать процесс включения индивида в виртуальную реальность, основанный на освоении пользователями технологий Интернет-коммуникации, сетевой навигации, правил поведения в Интернете в целом и в конкретных Интернет-сообществах, принятии норм, ценностей и ролевых требований, предъявляемых к Интернет-пользователям. Данная социализация приводит к изменениям потребностно-мотивационной сферы, а также структуры самосознания личности.

По мнению доктора социологических наук, сотрудника Центра прикладных исследований интеллектуальной собственности С.В. Бондаренко, существует два наиболее общих типа социализации: социализация в оффлайне и социализация в киберпространстве. Процесс первичной социализации в киберпространстве делится на два этапа: архетипический и инструментально-когнитивный [5].

На архитипическом этапе социализации происходит формирование субъективной реальности киберпространства посредством коммуникации в группах членства, через средства массовой информации (книги, журналы, кинофильмы, видеоролики и т.д.), другие культурные артефакты. У индивида появляется информация, позволяющая сформировать представление о том, что такое киберпространство, а также мотивация для продолжения киберсоциализации, им усваиваются социальные нормы киберпространства, а также культурные паттерны (доминирующие в культуре киберпространства принципы). Агентами социализации выступают родители, родственники, друзья, сверстники, учителя, преподаватели, коллеги, представители средств массовой информации. Особая роль принадлежит средствам массовой информации, выполняющим мифотворческую функцию: именно СМИ конструируют социальную мифологию киберпространства.

Момент первого выхода в Интернет-пространство есть момент перехода от архитипического этапа киберсоциализации к инструментально-когнитивному. На этом этапе индивид социализируется в двух измерениях одновременно: 1) в социальной общности киберпространства (обучение электронной грамотности, навыкам навигации и т.п.), 2) в сетевом социуме, с которым взаимодействует Интернет-пользователь (усвоение структуры ролей и ценностей того или иного Интернет-сообщества) [5].

На сегодняшний момент можно говорить о наступлении второго этапа киберсоциализации в достаточно раннем возрасте. Так, по данным исследовательского проекта Еврокомиссии «EU Kids Online» за 2009–2011 гг. (выборка – 25 142 респондента: дети и их родители; территориальный охват – 25 стран мира), 9 лет – средний возраст первого использования Интернета детьми европейских стран, а 88 минут в день – среднее время проведения в Интернете детей в возрасте 9–16 лет [6; 12].

Киберсоциализация играет важное значение в сетевой безопасности индивида. Рассмотрим три аспекта безопасного поведения индивида в Интернет-пространстве: 1) вопрос доверия к получаемой из Интернета информации; 2) вопрос money-активности; 3) вопрос вирусности распространения информации в сети Интернет.

Степень доверия к получаемой из Интернета информации

Согласно результатам исследования, проведенного ЦСБТ «САТИО» (метод опроса – телефонное интервью по месту жительства, объем выборки – 620 респондентов, территориальный охват – г. Минск и областные центры Республики Беларусь) в 2009 году, наиболее предпочитаемыми источниками получения новостной информации среди Интернет-пользователей в возрасте 17–31 года выступает телевидение (59,8%) и Интернет (54,6%). Три основные причины, почему Интернет был выбран в качестве предпочтительного источника получения новостной информации: удобство (68,6%), оперативность (48,6%), возможность прочесть различные точки зрения (21,9%) [7].

Интернет является основным источником получения не только новостной, но и любой другой информации: по данным исследования, проведенного Институтом со-

циологии Национальной академии наук Беларуси в 2011 году (метод опроса – анкетный опрос по месту жительства, объем выборки – 1 500 респондентов, территориальный охват – Республика Беларусь), 86,6% опрошенных в возрасте до 20 лет и 77,1% – в возрасте 20–29 лет получают информацию из Интернета. Более того, уровень доверия к Интернету как источнику информации в молодежной среде довольно высок: 70,6% респондентов в возрасте до 20 лет и 69,5% в возрасте 20–29 лет доверяют информации, содержащейся в Интернете (выбрали варианты ответа «доверяю» и «скорее доверяю»). По мере увеличения возраста респондентов, уровень доверия к Интернету снижается [8].

Однако, безусловно, не вся информация, содержащаяся в сети Интернет, объективна и надежна. В связи с этим представляется необходимым развитие навыков фильтрации ложных сведений в сети, то есть работа над информационной грамотностью Интернет-пользователей.

Уровень money-активности Интернет-пользователей

В настоящее время в мировой практике случаи несанкционированного доступа к ведению денежных операций через использование «онлайн» платежных систем (WebMoney, PayPal, Yandex Money, MoneyMail, Egold, Imoney, ICQMoney и т.д.), а также через «онлайн» систему управления банковским счетом – объективная реальность. Цель фишинга (способа получения такого несанкционированного доступа) – получение идентификационных данных Интернет-пользователя (логина и пароля) посредством создания и размещения в сети фишерного (фишингового) сайта, то есть фальшивого сайта, являющегося точной копией настоящего.

В Беларуси уже имеется ряд прецедентов финансовых махинаций посредством использования Интернет-ресурсов. Однако для нашей страны, ввиду низкого использования «онлайн» платежных систем населением, характерны преступления, связанные с доступом к мобильным счетам [9; 10].

Интернет-поведение молодежи Республики Беларусь (также как и других возрастных групп) характеризуется низким уровнем money-активности. По данным ЦСБТ «САТИО» (2009 год) 98,4% пользователей сети в возрасте от 17 до 31 года никогда не пробовали зарабатывать деньги при помощи Интернета, 89,7% – никогда не пользовались электронными платежами и 81,9% – не пользовались платными Интернет-услугами.

Однако опыт других стран свидетельствует о том, что по мере развития рынка персональных компьютеров и увеличения численности Интернет-аудитории увеличивается объем электронной коммерции, электронного банкинга, что приводит к росту числа финансовых преступлений посредством Интернет-технологий (например, фишинга). В связи с этим представляется необходимым проведение со стороны государства как технической работы, направленной на предотвращение подобных злодеяний (создание и внедрение новых антивирусных программ, разработка системы аутентификации Интернет-адресов, направленная на проверку подлинности введенного Интернет-пользователем адреса действительному серверу и т.п.), так и информирования населения о различного рода Интернет-мошенничествах и способах их предотвращения [11].

Вопрос вирусности распространения информации в сети Интернет

Переход Интернета от стадии Web 1.0 к стадии Web 2.0, которая характеризуется отсутствием четкого разделения Интернет-аудитории на авторов и читателей: каждый Интернет-пользователь способен участвовать в процессе создания информации, доступной другим пользователям сети. Наибольшую популярность на данной стадии приобрели социальные Интернет-сети, которые, безусловно, открывают перед индивидами массу возможностей для общения и самореализации. При этом не стоит забывать

о том, что социальные сети также таят в себе угрозы, последствия которых во многом зависят от поведения самих Интернет-пользователей.

Так, поведение в социальных сетях отличается довольно высокой вирусностью передачи информации. Под вирусным поведением Интернет-пользователей в данном случае понимается поведение, вызванное стремлением поделиться со своими Интернет-«друзьями» впечатлившим контентом и характеризующееся отправкой им ссылок для перехода к данной информации.

По данным ЦСБТ «САТІО» за 2009 год, чуть больше половины (51,8%) опрошенных респондентов из числа молодежи в возрасте 17–31 года обмениваются ссылками на интересные статьи, сайты, сообщения и т.д. со своими друзьями/ знакомыми в Интернете. Из них 30,5% опрошенных обмениваются ссылками время от времени и 21,3% – на регулярной основе. Среди тех, кто регулярно обменивается ссылками, преобладают Интернет-пользователи мужского пола – 57,1% [7].

Согласно исследованию, проведенному одним из первых в мире поставщиков антивирусов – компанией «G Data Software» в 2011 году (метод сбора информации – Интернет-опрос, объем выборки – 15 559 Интернет-пользователей в возрасте 18–65 лет, территориальный охват – 11 стран мира), 18,8% Интернет-пользователей социальных сетей переходят по ссылкам, присланным им, вне зависимости от того, кто их им прислал, 35,2% – только по ссылкам, присланным «друзьями», 46,0% – не переходят по присланным ссылкам вовсе [12, с 20].

В отношении перехода по ссылкам имеются различия в зависимости от социально-демографических характеристик Интернет-пользователей. Женщины ведут себя более сдержанно по отношению к присылаемым им ссылкам. 47% женщин и 45% мужчин не переходят по ссылкам вовсе. В данном случае разница незначительна. Однако она проявляется в случае реагирования на ссылки, не обращая внимания на то, кто их отправитель. Подобным образом ведут себя 21,5% опрошенных мужчин и лишь 16,3% опрошенных женщин [12, с 22].

По мере увеличения возраста Интернет-пользователей, возрастет осторожность в отношении перехода по присланным ссылкам. Наиболее осторожны мужчины и женщины в возрасте 45–54 года и 55–64 года: более половины из них не переходят по присланным им ссылкам вовсе. Люди более молодого возраста ведут себя раскованнее. Так, среди мужчин в возрасте 18–24 года и в возрасте 35–34 года более 25% опрошенных указали, что переходят по ссылкам вне зависимости от того, от кого они были получены. Среди женщин этих возрастных групп аналогичным образом себя ведут более 20% опрошенных [12, с 22].

Такое активное поведение в отношении перехода по присылаемым ссылкам таит в себе угрозу заражения программного обеспечения (в случае использования ссылки, направляющей на сайт, зараженный вредоносным кодом). Кроме того, есть опасность перехода по фишинговой ссылке, то есть ссылке, используемой киберпреступниками для несанкционированного доступа к конфиденциальным данным Интернет-пользователей. Данные обстоятельства требуют работы со стороны не только государства, но и Интернет-пользователей по улучшению своей информационной грамотности.

На сегодняшний день в республике активно ведется работа в данном направлении. В школах введены уроки информатики, для лиц преклонного возраста и инвалидов в рамках «Комплексной программы развития социального обслуживания на 2011–2015 годы» создаются классы по обучению компьютерной грамотности при территориальных центрах социального обслуживания населения [13]. Ряд высших учебных заведений страны проводит подготовку специалистов в области информационной безопасности: Белорусский государственный университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Брестский государственный

технический университет, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Полоцкий государственный университет.

Создана серьезная нормативно-правовая база. Основной, системообразующей ее частью являются: Указ Президента Республики Беларусь №60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1174 «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год» от 9 августа 2010 года, Указ Президента Республики Беларусь № 515 «О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь» от 30 сентября 2010 года, Указ Президента Республики Беларусь № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь» от 8 ноября 2011 года и т.д. [14; 15; 16; 17]. Эти документы направлены на развитие в Республике Беларусь современной Интернет-инфраструктуры, а также защиты индивидуальных и общественных интересов в информационной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домохозяйства и семьи Республики Беларусь, их жилищные условия. Пресс-релиз // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/news/news132.php>. – Дата доступа : 14.02.2012.
2. Об изменении уровня жизни населения Республики Беларусь в 2010 году. Пресс-релиз // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/news/news130.php>. – Дата доступа : 14.02.2012.
3. Ругайн, В. Кто в Беларуси пользуется Интернетом? / В. Ругайн // Euroradio.fm [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://euroradio.fm/ru/report/kto-v-belarusi-polzuetsya-internetom-64375>. – Дата доступа : 05.02.2012.
4. Об основах государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65–З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 300. – 2/1617.
5. Бондаренко, С.В. Модель социализации пользователей в киберпространстве / С.В. Бондаренко // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество : труды VI Всерос. объедин. конф.; Санкт-Петербург, 3–6 ноября 2003 г. / Изд-во филолог. ф-та СПбГУ. – СПб., 2003. – С. 5–7.
6. EU Kids Online II. Final report / S. Livingstone [and others]; edited by S. Livingstone. – London : The London School of Economics and Political Science, 2011. – p. 54.
7. База данных исследования «Портрет белорусского Интернет-пользователя», проведенного ЦСБТ САТИО в 2009 году.
8. База данных ежегодного мониторинга социально-политической ситуации в стране, проведенного ГНУ «Институт социологии» НАН Беларуси в октябре 2011 года.
9. Германович, А.В. В Гомельской области растет число жертв мошенничества через соцсеть «Одноклассники» / А.В. Германович // Tut.by [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://it.tut.by/276115>. – Дата доступа : 26.02.2012.
10. Стецко, Л. Трех жителей Барановичского района обворовали в соцсетях / Л. Стецко // Tut.by [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://it.tut.by/275947>. – Дата доступа : 26.02.2012.
11. Влияние фишинга на развитие электронной коммерции // Деловая пресса [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа :

http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_21961_aId_434402.html. – Дата доступа : 16.01.2012.

12. G Data 2011 Security Survey: How do users assess threats on the Internet? // G Data пресса [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://www.gdata-software.com/wp-content/uploads/G_Data_SecuritySurvey_2011_EN2.pdf. – Дата доступа : 30.01.2012.

13. В Беларуси создано 55 классов по обучению пожилых людей и инвалидов компьютерной грамотности // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-sozdano-55-klassev-po-obucheniju-pozhilyx-ljudej-i-invalidov-kompjuternoj-gramotnosti_i_567626.html. – Дата доступа : 28.01.2012.

14. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., №60 // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31100515>. – Дата доступа : 24.02.2012.

15. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь «Pravo.by» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21001174&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 24.02.2012.

16. О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 сент. 2010 г., № 515 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь «Pravo.by» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31000515&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 24.02.2012.

17. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь Указ Президента Респ. Беларусь, 8 ноября 2010 г., № 515 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь «Pravo.by» [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31100515>. – Дата доступа : 24.02.2012.

Fablinova O.N. Internet Socialization of Young People and their Internet Behavior

The article is dedicated to the Internet-socialization, its main stages and its role in the process of information literacy improving and safety of network users ensuring. Young people are the main part of the Belarusian Internet audience. The article presents the data on the Internet behavior of modern Belarusian young people through the prism of safety. There are also international data on young people Internet behavior in this article. The author also made an attempt to analyze three aspects of safe behavior in the network: the question of confidence in the Internet content, money activity of Internet users, and the viral of their behavior. The paper also reviews the situation in the Belarusian legislation and practice in the field of information technologies, information literacy of the population and its Internet safety.

Рукапіс паступіў ў рэдкалегію 29.02.2012

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗП, АНАТАЦЫ, ВОДГУКІ

**ПАМЕЖЖА. САЦЫЯЛЬНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ. ТОМ XVII.
МІЖКУЛЬТУРНАЯ АДУКАЦЫЯ. ПАД РЭДАКЦЫЯЙ ЕЖЫ
НІКІТАРОВІЧА, АНДЖЭЯ САДОЎСКАГА, ДАРОТЫ МІСЕЮК. –
Беласток : Выдавецтва ўніверсітэта ў Беластоку, 2011. – Ч. I. – 186 с.;
Ч. II. – 268 с. (На польскай мове)**

Навуковае супрацоўніцтва паміж Брэсцкім дзяржаўным універсітэтам імя А.С. Пушкіна і Універсітэтам у Беластоку згодна з падпісанай паміж гэтымі вышэйшымі навучальнымі ўстановамі дамовай паспяхова доўжыцца ўжо некалькі гадоў. Увесь гэты час ідзе інтэнсіўны абмен навуковымі ведамі, выкладчыкі абедзвюх вучэльняў прыязджаюць дзеля правядзення заняткаў са студэнтамі, выступаюць на міжнародных канферэнцыях, якія праводзяцца ў Брэсце і Беластоку, друкуюцца ў зборніках навуковых матэрыялаў і калектыўных манаграфіях.

Адным з паказальнікаў навуковай актыўнасці кожнага з універсітэтаў з'яўляецца выпуск і публікацыя тэматычных матэрыялаў у перыядычных выданнях. Інстытут сацыялогіі Універсітэта ў Беластоку выдатна выкарыстоўвае сваю тэрытарыяльную і геапалітычную дыслакацыю і на працягу шэрагу гадоў выдае перыядычныя зборнікі пад назвай «Pogranicze. Studia społeczne». Зусім нядаўна пабачыў свет чарговы выпуск: у дзвюх частках з'явіўся XVII том пад назвай «Міжкультурная адукацыя». Трэба заўважыць, што праблемам культуры ў Польшчы, і ў прыватнасці ва Універсітэце ў Беластоку, надаецца вялікая ўвага. Напрыклад, у нашых польскіх калегаў функцыянуюць такія структурныя адзінкі, як аддзяленне ведаў пра культуру, кафедра беларускай культуры, кафедра біяэтыкі і філасофскай антрапалогіі, кафедра рэлігіязнаўства, аддзяленне культурнай антрапалогіі, кафедра міжкультурнай адукацыі, аддзяленне культурнага разнаўства.

Першая частка двухтомніка прысвечана праблемам міжкультурнай адукацыі ў Польшчы адносна яе станаўлення ў мінулым і сучаснаму яе стану; таксама тут абмяркоўваюцца пытанні міжкультурнай адукацыі ў рэгіёне. Паваротным пунктам у тым, каб звярнуць увагу на міжкультурную адукацыю, сталася тое, што ў 1994 годзе па ініцыятыве прафесара Ежы Нікітаровіча была створаная адпаведная арганізацыйная структура. Пасля гэтага сталі праводзіцца цыклічныя навуковыя канферэнцыі пад назвай «Міжкультурная адукацыя», а таксама акрэсліваецца сам прадмет навучання. Як піша прафесар Е. Нікітаровіч, «шлях да актыўнага ўдзелу ў еўрапейскай і планетарнай культуры вядзе праз перажыванне і разуменне асабістай самасвядомасці, усведамлення пасялення ці тэрытарыяльнага пражывання і камунікацыі с іншымі культурамі» [Pogranicze. Studia społeczne. Tom XVII. Edukacja międzykulturowa. – Cz. I. – S. 7]. Далей аўтар у сваім артыкуле, якім уласна пачынаецца шырокая дыскусія пра міжкультурную адукацыю, фармулюе падставовыя пытанні, што датычацца спробаў параўнання элементаў традыцыйных культураў з культурай глабальнай, аналізу міжгенерацыйнай трасмісіі культурнай спадчыны, фармавання самасвядомасці ў кантэксце рэгіянальнай, еўрапейскай і планетарнай адукацыі, суадносінаў этнічнасці з грамадзянствам у Новай Еўропе, адраджэння нацыянальных культураў на памежжы, узнікненне і заняпад супольнасцяў, працэсы міграцыі ў open society. У выніку вызначыліся галоўныя праблемы, сярод якіх можна назваць наступныя. Ці тыя групы, што дамінуюць колькасна, свядома ўяўляюць сваю ролю і задачы адносна меншасцяў? Ці культура меншасцяў рознага тыпу і памеру знаходзіць адлюстраванне ў культуры

большасцяў, ці маецца рэпрэзэнтацыя культуры рэгіёну, народу, цывілізацыі? Як узгодніць падставовыя родавыя вартасці з вартасцямі ўніверсальнымі, глабальнымі? Чаму перасяленцы-імігранты рэалізуюць свае культурныя звычаі і стыль жыцця ў новай краіне, а не лічацца са звычаямі і стылем жыцця гаспадароў? Што рабіць з такімі культурнымі ўзорамі і паводзінамі, як палігамія, ганаровыя сямейныя забойствы, абагульненне жонак, гендэрны падзел, адзенне, якое ў новых варунках выступае ў супярэчнасці з прынцыпамі дэмакратыі, канстытуцыяй, прававым кодэксам, мараллю, правамі чалавека, універсальнымі вартасцямі? Якія прынцыпы выкарыстоўваць адносна перасяленцаў, як далучыць іх да прававой, адукацыйнай сістэмы і мясцовых традыцыяў, далучыць да шанавання нормаў і прынцыпаў той краіны, якая іх прымае? Як і да якога моманту дапамагаць і падтрымліваць імігрантаў для стварэння сітуацыі роўных шанцаў, калі яны не шануюць культуры гаспадароў, не вывучаюць мовы гаспадароў, а прытрымліваюцца сваёй культуры, замыкаюцца ў гетта і дамагаюцца асаблівых адносінаў да сябе? Ці можна ігнараваць націскі ў абшары ўсталяваных прынцыпаў сацыяльнага жыцця і агульнаўсталяванага права, як гэта ўсё выкарыстоўваць, каб атрымаць інтэграцыйны эфект? Як і якія выпрацаваць спосабы дапамогі людзям у дасягненні культурных вартасцяў? [S. 8–9].

Актуальнасць праблематыкі полікультурнасці і міжкультурнай адукацыі падкрэслівае прафесар Тадэвуш Левавіцкі [S. 28–37]. Ён прапануе чатыры пункты гледжання на гэтую галіну з боку сацыялогіі, псіхалогіі, педагогікі, а таксама праз дзейнасць людзей у сферы матэрыяльнай і духоўнай культуры. Тэарэтычны статус міжкультурнай адукацыі ўзмацняецца тым, што ў сучасным грамадстве яна мае дачыненне да глабальнай адукацыі, еўрапейскай адукацыі, рэгіянальнай адукацыі і выхавання дзеля ўвасаблення і рэалізацыі ідэі міру [S. 8–9] і, акрамя таго, вымагае этычных вымярэнняў адукацыйнага дыялогу [S. 69–83]. У адносінах да фармавання міжкультурнага супрацоўніцтва на беларуска-польскім памежжы міжкультурная адукацыя можа трактавацца па меншай меры дваіста, пра што сведчыць артыкул Дароты Місеюк, якая на падставе аналізу працэсу ўзнаўлення традыцыяў у рэгіёне польскага Падляшша ўздымае пытанні наконт суадносінаў полікультурнасці і транскulturнасці на памежжы, а таксама таго, як трактаваць Падляшша: ці гэта тэрыторыя перэфэрыяная, ці памежная [S. 133–147]. Такое стаўленне пытанняў сапраўды мае вялікае значэнне, асабліва калі прымаць пад увагу культурныя і рэлігійныя адасабленні, што дапаўняюць і ўзбагачаюць адносіны паміж людзьмі і ў вялікай ступені фармуюць сацыяльны капітал памежжа [S. 164–173].

Другі том выдання структурна складаецца з чатырох раздзелаў, якія прысвечаны такім накірункам навуковых даследаванняў, як міграцыя і мігранты: новыя выклікі для міжкультурнай адукацыі; дылемы самасвядомасці ў працэсе змянення сацыяльна-палітычнай прасторы; адукацыйныя кантэксты фармавання самасвядомасці; міжкультурная адукацыя як памежжа ідэяў.

З пункту гледжання вывучэння зрухаў у самасвядомасці эмігрантаў, якія выехалі для пражывання ў іншыя краіны, вельмі цікавым параецца матэрыял прафесара Лявона Дычэўскага [Pogranicze. Studia społeczne. Tom XVII. Edukacja międzykulturowa. Cz. II. – S. 9–29]. Аўтар спрабуе вызначыць дынаміку зменаў самасвядомасці, якая палягае на асабістай ідэнтыфікацыі палякаў, што пасяліліся ў Вялікабрытаніі, Германіі, ЗША і Францыі, на падставе апытання больш як 600 рэспандэнтаў. У артыкуле змешчаны табліцы, дзе ў лічбавым вымярэнні зафіксаваныя разнастайныя пераменныя, што датычацца такіх паказальнікаў, як, напрыклад, захаванне этнічнай і культурнай самасвядомасці ў сацыяльным атачэнні новай дзяржавы, сваё ўласнае ўсвядамленне нацыянальнай прыналежнасці, адносіны да краіны свайго паходжання і іншыя. Польскія эмігранты ў цэлым аддаюць сабе справаздачу, да якой этнічнай і культурнай

групы яны адносяцца і ў якім грамадскім атачэнні яны жывуць. Фармаванне падобнага роду свядомасці выклікаецца двума працэсамі: 1) сувяззю з польскай этнічнай і культурнай спадчынай і 2) уваходам у новае грамадства. З аднаго боку, застаецца неадрыўнае адзінства са сваёй краінай, а з другога – прыходзіцца адаптавацца ў іншай дзяржаве, якая можа стаць айчынай для іх дзяцей і ўнукаў. Жыццё становіцца падзеленым як бы на два светы. Першы свет – гэта жыццё прыватнае ў доме і рэлігійных установах. Другі свет сфармаваны публічным жыццём іншай краіны, да якога неабходна прыстасавацца. Менавіта на памежжы гэтых двух розных светаў нараджаюцца разнастайныя канфлікты, якія часам пераходзяць у трагедыі. Калі паспарабаваць высветліць, чым выклікаецца перасяленне людзей з аднаго месца пражывання на іншае, то называюцца як знешнія прычыны, так і ўнутраныя. Да першых можна аднесці глабальныя магчымасці перамяшчэння, міграцыйныя традыцыі, у прыватнасці, ў Польшчы, станаўленне «міграцыйнай культуры», імкненне да дабрабыту. Другія звязваюцца хутчэй з сямейнымі традыцыямі міграцыі, сямейнай арыентацыяй на міграцыю, міграцыя ў сувязі з заробкамі, міграцыя як біяграфічная характарыстыка сям’і [S. 30–42].

Праблема фармавання нацыянальнай свядомасці закранаецца ў артыкуле Іваны Пугацэвіч, якая даводзіць да грамадскай думкі пра тое, што азначае на сёння быць французам, і робіць гэта на падставе дзвюх тэматычных плыняў. Першая датычыцца пытання сумеснага жыцця і нацыянальных дамінантаў і выказваецца ў спробе сфармулявання французскай самасвядомасці ў сацыягістарычных катэгорыях у дыяпазоне ад спецыфікі французскай кухні, віна, сельскай гаспадаркі, французскага пейзажу, архітэктуры і мовы да акрэслення дзяржавы з абавязкамі і правамі для грамадзянаў, дэмакратыі, свабоды і гендэрнай роўнасці, а таксама нацыянальнай сімволікі. Другая плынь пераважна звязваецца з французскай полі- і інтэркультурнасцю. Тут падкрэсліваецца гістарычна і ідэалагічна абгрунтаваная адкрытасць да ўзаемнага пранікнення культураў, рэспубліканская прыгатаванасць да дыялогу, да акцэптацыі і прымання іншых [S. 72].

Сярод артыкулаў, якія размешчаныя ў другім томе, прыцягвае ўвагу матэрыял Марты Бэм пад назвай «Міжкультурныя кампетэнцыі – перспектыва і падыход на прыкладзе Вялікабрытаніі, ЗША, Францыі, Італіі, а таксама Польшчы» [S. 166–175]. Аўтар разглядае дэфініцыі тэрміналагічнага парадку, адасабляе культурныя, міжкультурныя, полікультурныя і транскультурныя кампетэнцыі. Яна звяртаецца да падыходу Эдварда Т. Халла, які прапанаваў высветліць культурныя асаблівасці на падставе падзелу культуры высокага (high-context culture) і нізкага (low-context culture) кантэксту. У далейшым аналізе культурных асаблівасцяў выбраных краінаў прасочваюцца разнастайныя ўплывы на функцыянаванне дадзенага феномену праз вымярэнні, напрыклад, дыстансу ўлады, супрацьлегласці «індывідуалізм – калектывізм», паняцця «жаночая культура» і г.д. Неабходна заўважыць, што сучасная культура патрабуе не толькі больш шырокага вывучэння ў сістэме вышэйшай школы, але, на думку аўтара артыкулу, вымагае таксама зменаў у самім адукацыйным працэсе Польшчы з тым, каб развіваць здольнасці і ўменні камунікацыі праз разуменне, пазнанне і паступальнае адкрыццё «Іншага», уключэнне ў сумесныя праекты з мэтай пазбягання і вырашэння канфліктаў на нацыянальнай, рэлігійнай і ідэалагічнай глебе. Менавіта гэта з’яўляецца найважнейшым ў працэсе выкладання культуралогіі, рэлігіязнаўства, эстэтыкі і этыкі на ўзроўні ўніверсітэцкай адукацыі.

Для беларускіх выкладчыкаў і студэнтаў несумненна цікавым з’яўляецца навуковы матэрыял Аліцыі Ёанны Сегень-Матыевіч пад доўгай і складанай назвай «Права на двухмоўе – пагадненне ці канфлікт? Справаздача з даследаванняў, якія датычацца двухмоўя асобаў беларускага паходжання, што пражываюць на абшары

ўсходняга Падляшша» [S. 229–244]. Каб адразу вызначыцца з сутнасцю гэтай актуальнай праблематыкі, варта прывесці некалькі цытатаў.

1. «Нацыянальная ідэнтыфікацыя ў беларускім накірунку шчыльна звязваецца з мовай у сямейных кантактах. Гэтаксама як адносна дзяцей, так і адносна бацькоў бачым ідэнтычную залежнасць. Ці гэта літаратурная беларуская мова, ці беларуская гаворка, яны поўнасьцю выпіхваюць з сямейнага асяродку іншыя мовы. Прыцягвае ўвагу высокая лічба апытаных маладых палякаў (каля 35%), якія ў хатніх умовах выкарыстоўваюць беларускую гаворку. Можна дапусціць, што яны знаходзяцца на сярэдзіне этапу асіміляцыі да самасвядомасці большасці – з’яўляюцца ўжо палякамі, хоць дома і ў інтымных кантактах інтуітыўна ўжываюць больш натуральную мову, якая для іх больш выразная» [S. 236].

2. «Аднак па выніках апытання бацькоў, якія лічаць сябе беларусамі, відавочна бракуе выкарыстання беларускай мовы і беларускай гаворкі ў дзяржаўных установах. У дзяржаўных установах у якасці дапаможнай мовы ўвогуле не ўжываецца ні беларуская мова, ні беларуская гаворка, хоць ад 2005 года на гэта маецца поўнае права. Праўдападобна гэтыя асобы памятаюць часы сваёй маладосці, калі беларусы, каб быць паўнапраўнымі грамадзянамі польскай дзяржавы і не мець праблемаў у службовых установах, ніякім чынам не маглі маніфеставаць сваёй культурнай адметнасці ні карыстацца беларускай мовай ці беларускай гаворкай у публічных месцах. У сувязі з гэтым распаўсюджанай практыкай стала ўжыванне ў дзяржаўных установах і іншых публічных месцах толькі польскай мовы. Падобная сітуацыя не змянілася і да сённяшняга дня. Старэйшае пакаленне беларусаў дагэтуль у дзяржаўных установах выкарыстоўвае толькі польскую мову. Гэта таксама можа вынікаць з пераканання, што маладзейшыя службоўцы не ведаюць ні беларускай мовы, ні беларускай гаворкі, таму хуткае вырашэнне справы будзе немагчымым» [S. 237–238].

Культурная сітуацыя беларускай меншасці на тэрыторыі Падляшша не выглядае вельмі аптымістычнай. Калі пасля Другой сусветнай вайны колькасць беларусаў у Польшчы па розных ацэнках вагалася ў межах каля 300 тысяч асобаў, то зараз, згодна з апошнім перапісам, іх налічваецца менш за 50 тысяч. Хоць вонкавая наяўнасць беларускага складальніка ў памежных паведах усходняга Падляшша назіраецца ў дубляванні польскіх надпісаў на прыдарожных табліцах па-беларуску.

У зборніку навуковых матэрыялаў маецца таксама артыкул выкладчыцы Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна дацэнта Зінаіды Ляўчук, які дадзены пад загалоўкам «Міжкультурная адукацыя фактарам сацыялізацыі чалавека» [S. 245–255]. Аўтар на падставе вывучэння становішча гэтага пытання ў расійскіх навукова-энцыклапедычных крыніцах спрабуе прасачыць дынаміку самаго працэсу і некаторыя этапы развіцця, а таксама аспект уплыву на Беларусь.

Міжкультурная адукацыя ў сучасным глабалізаваным свеце набывае ўсё большую актуальнасць. Пра гэта сведчыць практыка навуковай і адукацыйнай дзейнасці Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. З кожным годам да нас прыязджае ўсё больш замежных студэнтаў, якія маюць слабое шяцленне пра культурныя традыцыі і спецыфіку адносінаў у беларускім грамадстве. Культурная адаптацыя ў гэтым выпадку становіцца тым важнейшым этапам, пераадоленне якога дазваляе ў далейшым адчуваць пэўную камфортнасць знаходжання ў дадзеным соцыўме. Двухтомнік «Pogranicze» ў высокай ступені дапамагае вызначыцца не толькі ў часе, але і прасторы культурнага дамінавання.

*Люкевіч У.П., кандыдат філасофскіх навук,
дацэнт, дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна*

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Бабосаў Я.М. – доктар філасофскіх навук, прафесар, акадэмік НАН Беларусі, загадчык аддзела палітычнай сацыялогіі і інфармацыйных тэхналогій Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Ватыль М.В. – аспірант кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзямідава А.У. – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт Магілёўскага вышэйшага каледжа МУС Рэспублікі Беларусь

Евароўскі В.Б. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык Цэнтра гісторыка-філасофскіх і камапаратыўных даследаванняў Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Землякоў Л.Я. – доктар палітычных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Ільін М.В. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і метадалогіі ўніверсітэцкай адукацыі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы Рэспублікі Беларусь

Лагуноўская А.А. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Лісоўская І.У. – аспірант кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Люкевіч У.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Раманаў А.А. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дактарант Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Рашэтнікава Н.С. – навуковы супрацоўнік вучэбнай лабараторыі палітычных тэхналогій кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Семярнік С.З. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Сульжыцкі І.С. – студэнт факультэта гісторыі і сацыялогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Фаблінава В.М. – аспірант аддзела палітычнай сацыялогіі і інфармацыйных тэхналогій Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Федарэў А.Б. – аспірант 3-га года навучання кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Фурса І.А. – аспірант Нацыянальнага інстытута адукацыі Рэспублікі Беларусь
Хамутоўская С.В. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела палітычнай сацыялогіі і інфармацыйных тэхналогій Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Шталікава Ю.К. – аспірант кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Шэрыс А.У. – аспірант кафедры філасофскіх навук і ідэалагічнай працы Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

Якавук Т.І. – кандыдат культуралогіі, доктар сацыялагічных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ярашэвіч І.С. – аспірант кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы